ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 42-й

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (4289)

13 января 1971 г. СРЕДА

Цена 15 коп.

Конст. ФЕДИН,

первый секретарь правления Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда

НАША ЛИТЕРАТУРА И НАШЕ ОБЩЕСТВО ЕДИНЫ!

В № 2 за 1971 год теоретического и информационного журнала коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма» публикуются беседы с некоторыми советскими государственными и общественными деятелями о достижениях советской культуры. В журнале выступают заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР В. Кириллин, министр просвещения СССР М. Прокофьев, министр высшего и среднего специального образования СССР В. Елютин, министр здравоохранения СССР Б. Петровский, министр социального обеспечения РСФСР Д. Комарова, первый секретарь правления Союза писателей СССР К. Федин.

Сегодня мы публикуем беседу с Константином Алексеевичем Фединым.

Говорить о советской литературе — значит говорить о советском обществе. Их слитность — явление историческое: любой примете общества отвечает сопоставимая примета литературы на протяжении развития страны после Октябрьской революции. То ценное, чем обладала русская литература, наследовано литературой советской, подобно тому как революция наследовала от прошлого материальный мир, достойный сбережения и роста.

Известные слова Льва Толстого: я пишу жизнь — означали не только свободу художника от следования какой-либо эстетической школе, литературной системе — нет, они означали, что решения задач своего искусства художник-великан искал в действительности. Основой толстовской мощи был реализм. И едва ли не наибольшим богатством, полученным советской литературой от русской классики, была и остается эта мощь.

Реализм есть инструмент, помогающий художнику почерпнуть необходимое искусству содержание в обществе, в народе, к которому художник принадлежит. Советский народ, состоящий из большого числа наций, объединен идеями и волей социалистического строительства. Почти на каждом языке находим мы художественное отражение этого строительства в нашей многонациональной литературе. Значительнее, выше возникают исторические этапы роста народа. Жизненнее, пластичнее вырастает перед нами новый человек со страниц посвященных ему книг.

Мне представляется, что вообще быстрый приход советской молодежи к деятельности сегодня убыстряет свой темп. Давно сделан гигантский шаг, который был лишь перспективен в начальные годы социализма: уже забылись времена ликвидации неграмотности и выросшие поколения тружеников успели создать людей новой науки, нового искусства и сказочных чудес техники. Несравненно с прошлым умножившийся численно рабочий класс благодаря всеобщему образованию выделяет из своего состава армии интеллигенции. Поля все крепче заключают дружбу с самоходными машинами, в селах обычными стали их строгие голоса.

Именно эти темы, рожденные полнотой народной жизни, достижениями и сложностью ее, находят жаркий отклик в рядах молодой советской литературы. Социалистический реализм знаменем своим продолжает крепить преемственность с зачинателями большой советской литературы в руслах всех ее жанров. Свежие силы мастеров пера неизменны в приверженности интернациональным лозунгам: мир — труд — братство народов.

ПЯТИЛЕТКА: ГОДЫ И ЛЮДИ

Их пятеро — Н. Дубков, В. Поляков, В. Овчинников, В. Сошников, М. Кисин... Бригада коммунистического труда, одна из лучших на Московском электромеханическом заводе имени Владимира Ильича. Сейчас, когда страна идет к XXIV съезду КПСС, слесари-сборщики работают под девизом: «Каждый день работы — ударный!»...

Фото Ю. ПЕСКОВА

ПИСАТЕЛИ — НАВСТРЕЧУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ

ВЫСОКИЙ ДОЛГ

О том, как писатели республики готовятся к встрече XXIV съезда КПСС, рассказывает председатель правления СП Туркмении Берды КЕРБАБАЕВ.

Предстоящий съезд партии — выдающееся событие в нашей жизни. Я не ошибусь, если скажу, что это ответственный экзамен для советских людей, перед которым каждый из нас волнуется. По замечательной традиции, рожденной в условиях социалистического строительства, мы подводим мысленный итог своим делам, соотносим сделанное с перспективами, с грандиозными планами строящей коммунизм страны.

Туркменские писатели полны желания прийти к партийному съезду с новыми достижениями — интересными книгами о нашем времени, о наших замечательных людях. Несмотря на свою молодость (до революции у нас не было письменности, хотя и существовало богатое устное творчество народа с вековыми традициями), туркменская литература идет в ногу со всей многонациональной литературой Советского Союза.

В последнее время писателями Туркмении создано немало значительных произведений. И здесь я хотел бы напомнить, что великие победы и достижения социализма осмысливаются еще глубже, когда вспоминаешь, какой дорогой ценой они добыты. Вот почему по сей день не ослабевает у наших писателей интерес к историко-революционной тематике. Новые романы Х. Дерьяева «Судьба», Б. Сейтакова «Братья», К. Кулиева «Черный караван» рассказывают о полных героизма и романтики, яростной борьбы и трудностей предреволюционных и революционных годах. Завершил свой роман о народном герое прошлого столетия Каушут-хане и А. Таганов.

Советский человек с его чаяниями, заботами и радостями, человек новой социалистической формации — главный герой многих книг туркменских литераторов. Сегодняшней колхозной деревне посвятил свой роман «Тойли Мерген» К. Курбансахатов; о неразрывном единстве фронта и тыла в дни Великой Отечественной войны повествует Б. Худайназаров в романе «Люди песков»; братство ленинградских рабочих с туркменскими колхозниками в годы коллективизации — в основе романа «Кремни» А. Атаджанова.

Плодотворно трудятся в эти предсъездовские дни и наши поэты старшего поколения — К. Курбаннепесов, удостоенный недавно высокого звания лауреата Государственной премии ТССР имени Махтумкули, Халдурды, А. Омарова, К. Сейтлиев и молодые — А. Агабаев, Н. Байрамов, И. Нурыев, К. Эзизов.

Немалый интерес вызвали последние работы наших драматургов. В этой роли впервые выступила известная поэтесса Таушан Эсенова. Спектакль, поставленный по ее пьесе «Твоя любовь» на сцене Академического театра имени Молланепеса, тепло принят зрителями. Недавние премьеры — «Дети дьявола» Г. Мухтарова, а также «Остров сокровищ» Б. Аманова — страницы героической летописи революционной борьбы рабочего класса Туркмении.

Мы заботливо растим нашу писательскую смену, поэтому накануне съезда мне хочется сказать несколько слов и о работе с молодыми. Раз в месяц мы проводим «День молодого писателя», на котором с участием опытных прозаиков и поэтов обсуждаются стихи, повести и рассказы начинающих авторов. Думаю, что польза от такого рода мероприятий весьма ощутима: молодые, проникаясь убеждением, что писательский труд — один из самых тяжких, кропотливых, но и благодарных, становятся более самокритичными, требовательными к себе, своему творчеству. Формированию этого качества способствует и более серьезный подход к приему молодых в члены Союза писателей. Высокое звание обязывает ко многому — об этом нужно помнить всегда. Вот почему мы иногда до поры до времени воздерживаемся принимать в Союз некоторых начинающих литераторов, пока они не проявят себя всесторонне, не обнаружат в полной мере свою творческую зрелость.

Недавно мы провели республиканский выездной писательский пленум в Чарджоу, посвященный XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Уже возвратились в Ашхабад бригады деятелей литературы и искусства, которые побывали в гостях у колхозников. Очерки, рассказы и стихи, написанные за время поездки, появятся сначала на страницах республиканской периодической печати, прозвучат в передачах по радио и телевидению, а позднее, к весне, будут изданы отдельным сборником. Хочется надеяться, что встречи с читателями вдохновят наших художников слова на создание новых замечательных произведений о жизни сегодняшней Туркмении.

СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ

С 6 по 11 января проходило совещание молодых литераторов столицы.

На совещании состоялся взыскательный разговор о творчестве молодых литераторов, о произведениях, отражающих сегодняшний день, героический труд советского народа, идущего навстречу XXIV съезду КПСС

стр. 3

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Штрихи к творческому портрету Камила Яшена; заметки Федора Абрамова

стр. 7

ПЯТЬ ШАГОВ ЗОДЧЕСТВА

Секретарь правления Союза архитекторов СССР В. Белоусов рассказывает о стратегии, которая обеспечила успехи градостроения в минувшем пятилетии

стр. 10

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛГ»

АЭРОФЛОТ: В ВОЗДУХЕ И НА ЗЕМЛЕ

стр. 11

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ТРИ ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ РОМАНА.

НОВАЯ БИОГРАФИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА

стр. 15

ПИСАТЕЛИ, ЖУРНАЛИСТЫ, ЧИТАТЕЛИ

ПАНОРАМА «ЛГ»

РАССКАЗЫВАЮТ И КОММЕНТИРУЮТ

● МНЕНИЕ

МАЛЫЕ ПЛАНЕТЫ И БОЛЬШИЕ ТРЕВОГИ

Когда вышла книжка советского астронома Ф. Ю. Зигеля «Малые планеты», я вцепился в нее, жадно вчитываясь в блестяще написанные страницы.

Автор развертывает поистине «небесный детектив», рассказывая о поисках малых тел между Марсом и Юпитером, где, еще по гениальной догадке Кеплера, «не хватало» одной планеты. Зигель развивает известную гипотезу, по которой открытое в этом районе Солнечной системы кольцо астероидов есть не что иное, как обломки погибшей планеты, названной впоследствии Фаэтоном.

Отчего же могла погибнуть планета? Ясно, что на от столкновения с пришлым космическим телом, ибо в таком случае осколки неизбежно разлетелись бы и обрели удлиненные эллиптические орбиты вокруг Солнца. А они остались на круговой!

Я искал в книжке Зигеля ответы на волнующие вопросы, первый из которых был задан еще восемь лет назад выдающемуся физику XX века Нильсу Бору.

Леонид Соболев так вспоминает об этой встрече: «Во время беседы с Нильсом Бором, которую вели в Центральном Доме литераторов в Москве писатели-фантасты, писатели-ученые, кто-то из них (кажется, А. П. Казанцев) задал вопрос:

— Вот появилась водородная бомба... Скажите, если ее взорвать в глубинах океана и водород мгновенно перейдет в гелий, — возможен ли взрыв всего океана?..

— Ну, что же... Если в глубинах океана взорвется сверхмощное ядерное устройство, такая катастрофа возможна... хотя некоторые ученые и отрицают это. Но если бы это и было не так, все равно ядерное оружие надо запретить».

Ответ Нильса Бора был толчком для меня. Я взялся за новый роман «Фаэты», где в первой книге «Гибель Фаэты» показывал, куда может завести цивилизацию безудержное ядерное вооружение, над которым потеран контроль.

Но убедительно ли это? Я снова вчитываюсь в книгу Ф. Ю. Зигеля и с каждой ее страницей все больше убеждаюсь как глубок был ответ Нильса Бора. Оказывается, предполагаемый взрыв Фаэтона мог бы объяснить выпадение на Земле особых метеоритов — тектитов. По своему составу и структуре они неотличимы от ядерных шлаков после термоядерного взрыва. Так не вышли ли они на Землю лишь только раз, когда взорвался Фаэтон в результате предполагаемой ядерной войны его обитателей?..

Впрочем, для нас важно, чтобы не взорвалась Земля. Вот почему маленькая книжка о малых планетах так увлекла меня. Ведь недаром Л. Соболев вспомнил в связи с ответом Бора слова Фучика: «Люди, будьте бдительны!».

Александр КАЗАНЦЕВ

● ЮБИЛЕЙ

ЦДЖ? ЭТО РЯДОМ С ЦДЛ...

Пожалуй, это единственный дом в Москве, где сквозь века и годы встречались два крупнейших поэта России — Пушкин и Маяковский.

Александр Сергеевич впервые читал здесь свою «Полтаву» перед гостями полковника С. Д. Киселева. Было это в 1828 году...

А почти через сто лет Маяковский в том же особняке читал — и тоже впервые — свою поэму «Владимир Ильич Ленин». Особняк к тому времени уже превратился в Дом печати...

Нынешний Центральный Дом журналиста (газетчики и литераторы называют его просто «Домжур», или ЦДЖ) родился в 20-е годы, когда не было еще ни Дома литераторов, ни Дома кино, ни Дома актера. И потому именно здесь началось то единение людей литературы и искусства, которое столь свойственно для наших дней.

В особняке на Суворовском бульваре созывались первые собрания советских писателей. Сюда десятки раз приходил на встречи с читателями, для бесед с журналистами Александр Фадеев. Здесь бывали Борис Горбатов, Виктор Гусев, Федор Панферов, Михаил Кольцов... Здесь и сейчас (хотя у писателей давно есть свой великолепный клуб) бывают Константин Симонов, Вадим Кожевников, Расул Гамзатов...

И стоит ли удивляться, что когда кто-нибудь из нерадивых справляется, где находится ЦДЖ, ему отвечают:

— Да недалеко от Центрального Дома литераторов: пройдите по улице Герцена переулок и прямо против дома, в котором когда-то жил Гоголь, увидите чугунные ворота с надписью на медной доске: «Центральный Дом журналиста»...

С 50-летием тебя, Дом журналиста, который гостеприимно принимал, принимает и, несомненно, будет принимать в своих стенах стольких писателей!

А. КУРОВ

● В НАБОРЕ

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ФАКТ...

Однажды на столе у редактора Лениздата Инны Александровны Чечулиной я увидел аккуратно подобранную рукопись, по верху титульного листа которой размашистая резолюция: «В набор». Ниже прочитал заглавие: «У Лукоморья (записки хранителя Пушкинского заповедника)».

...Двадцать шесть лет тому назад ранней весной пятого 1945 года на попутной машине с тощим солдатским «сидором» за плечами рядовой минометного расчета Семен Гейченко, демобилизованный после тяжелого ранения, приехал в Пушкинские Горы, к месту новой своей, мирной работы. Все здесь было разгромлено, растащено, изуродовано. Дом поэта фашисты сожгли, древнюю колокольню Святогорской обители взорвали. Даже сама могила Пушкина была заминирована...

Восстановление пушкинских мест стало делом жизни Семена Степановича Гейченко. Он посвятил Пушкину свою судьбу, талант и страсть ученого. И вот, спустя четверть века, книга...

Когда-то Юрий Тынянов заметил, что работа писателя-историка должна начинаться там, где кончается факт. Слова эти полностью могут быть отнесены и к книге С. Гейченко. Именно так написаны его короткие новеллы, в которых он воссоздает образ Александра Сергеевича Пушкина и образы людей, окружавших поэта в годы Михайловской ссылки.

Читая страницы «Записок», лучше понимаешь, какая же у ума времени, ума человеческого труда, энергии, любви потребовалась, чтобы в Михайловском, в Тригорском, в Святогорском монастыре все опять стало таким, «как при Пушкине», — таким, каким ныне предстает заповедник глазами миллионов людей.

А. ПОЛОВНИКОВ

ЛЕНИНГРАД

● ГОВОРЯЩИЕ ЦИФРЫ

С 52 ЯЗЫКОВ

Сколько издано в Эстонии переводной литературы?

— Наверное, около тысячи книг, — ответил мне журналист.

— Думаю, шестьсот—семьсот, — сказал литератор.

— По меньшей мере тысяча триста, — прикинул типографский рабочий.

Признаться, я и сама не дала бы точный ответ, если бы не выпущенная издательством «Ээсти раамат» книга «Переводная литература, изданная в Эстонской ССР».

С первых же страниц — сплошная статистика, бесконечные колонки названий, имен, цифр. Но это поистине говорящие цифры.

На эстонском языке вышло почти 2 200 названий переводной художественной литературы тиражом свыше 32 миллионов экземпляров, в том числе свыше 240 книг, переведенных с 30 языков народов братских республик, и 819 произведений — с 38 иностранных языков.

Показателен интерес к русской литературе. За период с 1940 по 1968 год вышло 1 018 книг русских авторов, всего около 13 миллионов экземпляров.

Но довольно чисел. Главное в том, что за ними кроется. Это небывалый, несравнимый с прошлым подъем общей культуры народа. Это жажда знаний, тяга к образованию, которые может удовлетворить широко и профессионально поставленное издательское дело. Виден рост квалифицированных переводчиков (на эстонский язык сделаны переводы непосредственно с 52 языков). Об этом и многом другом рассказывает с виду скромный, емкий по содержанию труд, продуманно и точно составленный Л. Пюсс.

Прочитав его, я подумала: пожалуй, не всегда следует спорить с теми, кто утверждает, что справочная литература порой бывает не менее увлекательной, чем художественная.

Р. КАЗРА

ТАЛЛИН

УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Борончиева И. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Борончиева Исмаила орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
31 декабря 1970 г.

О награждении писателя Дорошко П. О. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Дорошко Петра Онуфриевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
31 декабря 1970 г.

О награждении писателя Каратаева М. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Каратаева Мухамеджана орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
31 декабря 1970 г.

«САГА О БУМАГЕ...»

РАЗГОВОР ТРЕБУЕТ ПРОДОЛЖЕНИЯ

СТАТЬЯ «Сага о бумаге...», опубликованная 2 и 16 сентября 1970 г. в «Литературной газете», рассмотрена Министерством лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

Вопросы организации лесозаготовок и использования древесины в одном из важнейших лесных районов страны — Архангельской области — в статье освещены правильно.

Учитывая особое значение этой области в обеспечении народного хозяйства древесиной и продукцией деревообработки, министерство выделяет ей значительные капитальные вложения для развития лесной и деревообрабатывающей промышленности. В 1966—1970 годах для этих отраслей было выделено 343 миллиона рублей, из них на строительно-монтажные работы—197 миллионов рублей. За этот период были введены мощности по вывозке 2806 тысяч кубометров древесины, сдано в эксплуатацию 470 тысяч квадратных метров жилой площади, школ на 10 585 мест, клубов на 4800 мест, детских дошкольных учреждений на 3510 мест, больниц на 105 мест, 119 магазинов, 66 столовых.

На 1971—1975 годы министерство намечает выделить капитальные вложения в сумме 386 миллионов рублей, из них на строительно-монтажные работы — 231 миллион рублей, предусматривается построить 605 тысяч квадратных метров жилой площади.

В целях наиболее равномерного размещения лесозаготовок в предстоящей пятилетке намечено ввести мощности по вывозке древесины в объеме 3800 тысяч кубометров в лесозбыточных районах, из них 1450 тысяч кубометров в районе железной дороги Архангельск—Карпогоры. Для этого продолжится строительство Луковецкого, Вождеромского, Белогорского леспромхозов, а также начнется строительство Синского и Усть-Покшеньгского леспромхозов. В лесных массивах, тяготеющих к реке Северная Двина, планируется построить Корниловский и Борецкий леспромхозы и реконструировать Верхне-Тоемский леспромхоз.

Лесосырьевые ресурсы Архангельской области играют видную роль в снабжении народного хозяйства европейской части страны лесоматериалами. В 1969 году вывоз круглого леса за пределы области в лесодефицитные районы страны и на экспорт составил 36,3 процента. В то же время по сложившимся многолетним транспортным связям лесозаготовительные предприятия Вологодской области и Коми АССР поставляют сплавом в Архангельскую область до 6300 тысяч кубометров древесины. Обеспечение сырьем увеличивающихся объемов переработки древесины в Архангельской области намечается за счет сокращения вывозки древесины за пределы области и использования древесных отходов.

В 1969 году на целлюлозно-бумажные предприятия Архангельска было поставлено технологической щепы 730 тысяч кубометров, в 1970 году производство технологической щепы возросло до 1 миллиона кубометров. В ближайшие годы на лесозаводах области будут установлены дополнительные окорочные станции для предрамной окорки пиловочника и рубительные машины для переработки отходов лесопиления на технологическую щепу. На нижних складах леспромхозов намечается смонтировать установки по производству технологической щепы из отходов лесозаготовок и дров. Это позволит увеличить в 1975 году производство технологической щепы для целлюлозно-бумажной промышленности до 1,6 миллиона кубометров. Кроме того, значительное количество щепы будет вырабатано для производства древесных плит и гидролизной промышленности.

Объединением Архангельсклеспром проводится работа по сокращению молевого сплава, сроков проплава и расчистки рек от затонувшей древесины. Так, за период 1966—1970 годов молевой сплав леса прекращен по 82 первичным рекам. По согласованию с органами рыбоохраны в 1971—1975 годах намечается дальнейшее сокращение молевого сплава.

Министерство согласно с авторами статьи, что механизация тяжелого ручного труда на лесозаготовительных предприятиях осуществляется недостаточными темпами. Однако следует учесть, что машиностроительные отрасли длительный период не выпускают созданные научно-исследовательскими институтом ЦНИИМЭ разработаны конструкции сучкорезной установки ЛО-25, передвижной сучкорезной машины СМ-2 и бензомоторной переносной сучкорезки БС-1. За счет применения указанного оборудования в предстоящей пятилетке будет значительно механизирована наиболее трудоемкая ручная операция — обрубка сучьев. Министерство организовало на своих машиностроительных заводах выпуск сучкорезных установок ЛО-25, и уже в минувшем году лесозаготовительные предприятия получили 2 300 таких установок, а в 1971 году будет изготовлено дополнительно 5 000 установок.

Научными работниками Северного научно-исследовательского института промышленности разработано лесточное покрытие ЛД-5 и дорожный транспортер-укладчик ДТУ-5 для строительства временных лесовозных дорог по увлажненным грунтам. Для ремонта и содержания узкоколейных железных дорог СевНИИПом разработаны также шпалоподбивочная машина, рельсосварочный агрегат и путеизмерительная тележка. Госпланом СССР предусматривается их изготовление на заводах Министерства тяжелого машиностроения с 1973 года.

Министерство считает необходимым уточнить некоторые положения в части эксплуатации лесов Архангельской области.

В целях создания защитной полосы против ветров 16 процентов лесной площади Архангельской области шириной 150—200 километров переведены в группу защитных притундровых лесов, в которых заготовка древесины не производится. Кроме того, по согласованию с органами рыбоохраны выделены запретные полосы вдоль нерестовых рек, рубка леса в которых также не производится.

По материалам учета государственного лесного фонда, проводимого органами лесного хозяйства, динамика лесосырьевых ресурсов Архангельской области характеризуется следующими показателями: лесистость (в процентах) на 1 января 1956 года составляла 33,3, на 1 января 1961 года — 34,1, на 1 января 1966 года — 36,1; общие запасы леса (в миллионах кубометров) — соответственно 1 955, 2 205, 2 255; в том числе спелые — 1 753, 1 936, 1 939; из них хвойные — 1 698, 1 870, 1 868.

Как видно из приведенных данных, запасы леса за прошедшие 10 лет существенно не изменились. Более 70 процентов вырубаемых площадей в области естественно восстанавливаются ценными породами древесины. С учетом проводимых лесокультурных мероприятий площадь, на которой происходит восстановление леса, превышает площадь вырубки леса.

Министерство приносит извинения за задержку с ответом на статью «Сага о бумаге...» и сообщает, что основные вопросы, поставленные в статье, учтены при разработке плана на 1971—1975 годы.

Н. ТИМОФЕЕВ,
министр лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ

Лес и бумага связаны, как говорится, одним узлом. Работникам лесной промышленности лучше, чем кому-либо другому, известно, что страна до тех пор не получит необходимого количества бумаги, пока не будут решены все сложные проблемы заготовки, вывозки и рационального использования леса. Поэтому мы с удовлетворением восприняли ответ тов. Тимофеева на статью «Сага о бумаге...».

Министерство сообщает о мерах, принятых для улучшения дела, об ассигнованиях на развитие мощностей в лесозбыточных районах, о том, что «основные вопросы, поставленные в статье, учтены при разработке плана на 1971—1975 годы». Серьезность и важность намеченных мер не вызывают сомнений. И все же при внимательном чтении ответа министерства возникает ряд вопросов.

Первое — о перспективах лесной промышленности на архангельской земле.

Из ответа министра следует, что тревога в этом отношении, высказанная в статье «Сага о бумаге...», была напрасной, поскольку запасы леса практически не уменьшаются.

Обратимся, однако, и фактам. Ежегодно в Архангельской области из гослесфонда отпускается для вырубки около 25 миллионов кубометров леса. Естественный прирост за год составляет 18 миллионов кубометров. Вроде бы, действительно, — «более 70 процентов». Но ведь заготовки ведутся не на всей площади гослесфонда, а на территории значительно меньшей, и там, где фактически происходит вырубка, запасы спелых и перестойных деревьев катастрофически убывают. Чтобы потом там же вырос лес, надо предварительно провести большие и дорогостоящие мелиоративные работы. Проводятся же лесоосушение в масштабах, прямо скажем, мизерных. Вот и получается: там, где рубят, не восстанавливается, а там, где вырастает новый лес, не рубят.

Тов. Тимофеев упоминает и о лесокультурных мероприятиях: посевах и посадках. Но за пять лет архангелогородцы посеяли и посадили лес на 228 тысячах гектаров, а вырубили — на 825 тысячах! Откуда же следует вывод, что площадь восстановления леса превышает площадь вырубок?.. «У нас мечта — добиться, чтобы эти площади стали хоть когда-нибудь равны, где уж тут толковать о превышении...», — сказали нашему корреспонденту в Архангельском управлении лесного хозяйства.

Суть не в том, что через 10—15 лет или несколько позже в Архангельской области не будет сырья для бумажной промышленности. Леса, в общем-то, еще достаточно. Но беда в том, что его не останется на освоенной территории, где есть поселки дороги и т. д. Вырубив все, что можно, вынужден «закругляться». Лимендский леспромхоз, сворачивают работы на целом ряде освоенных участков многие другие леспромхозы — Верхнелупьянский, Устьянский, Вельский, Подюжский, Плесецкий... Такое выбывание мощностей неотвратимо и дальше. Выход один — компенсировать эти потери в лесозбыточных районах. На такой путь указывает и министерство в своем ответе. Однако фактический ввод новых мощностей выглядит совсем иначе, нежели в планах. Скажем, план 1970 года предусматривал ввод мощностей на 800 тысяч кубометров леса, а было введено лишь на 415 тысяч кубометров —только на этот объем министерство выделило средства. В новой пятилетке, как сообщает тов. Тимофеев, в лесозбыточных районах намечено ввести мощностей на 3 миллиона 800 тысяч кубических метров. Стало быть, по 760 тысяч в год. Однако уже на 1971 год Архангельсклеспрому запланирован ввод мощностей только на 500 тысяч кубометров, денег же дали и того меньше — на 450 тысяч.

Мы пока говорим лишь о балансе между выбывающими и вводимыми мощностями. А ведь намечается-то рост лесопромышленности на Архангелогородщине! За счет каких же ресурсов (сырьевых и технических) намеревается министерство обеспечить этот рост?

В статье «Сага о бумаге...» говорилось: молевой сплав леса угрожает полностью вытравить и загрязнить нерестовые реки, что чревато подрывом запасов ценных пород северной рыбы. Тов. Тимофеев сообщает, что молевой сплав за пять лет прекращен на 82 реках Архангельской области и в новой пятилетке будет еще уменьшен.

82 — цифра, что и говорить, впечатляющая. Но ведь объявленные «освобожденными от молевого сплава» 82 реки — это в основном реки четвертого и пятого порядка, это, можно сказать, ручьи. Если общая протяженность лесосплавных речных путей в области равна примерно 20 тысячам километров, то названные министром 82 реки — это лишь три тысячи километров! «Да и то, — сказали нам в Северном управлении по охране и воспроизводству рыбных запасов, — в восьмидесяти процентах случаев лесозаготовители ушли с этих рек потому, что вырубили весь лес по берегам».

На пятнадцати основных семужно-нерестовых реках молевой сплав не планируется прекратить даже и 1980 году!

Правда, в письме тов. Тимофеева содержится обещание: «По согласованию с органами рыбоохраны в 1971—1975 годах намечается дальнейшее сокращение молевого сплава». Как конкретно, где и за счет чего будет идти это сокращение, остается только гадать. А вот как происходит «согласование с органами рыбоохраны», известно.

Рыбники, например, требуют полностью прекратить сплав по реке Пинеге — притоку Северной Двины, в который входит по ней, ни много, ни мало, 15 процентов всего молевого сплава области! Лесопромышленность выполнить это требование отказывается. «Ну хотя бы заменить сплав в 15 августа, что важно для нерестовой рыбы», — умоляют рыбники. Однако для Архангельсклеспрома прекращение сплава 15 августа означает сократить на 400 тысяч кубометров объем лесозаготовок — а то все равно, что ликвидировать целый леспромхоз! Ясно, что лесопромышленность на такое не идет. Как же быть?

Здесь главное слово за Госпланом СССР: когда, в какие сроки собираемся мы, наконец, решить проблему молевого сплава? Чего в перспективе ждать рыбникам? Получат ли они хотя бы столь желанный рыбозаводный завод и сколько таких заводов нужно, чтобы как-то компенсировать весь ущерб от молевого сплава?

Заканчивая комментарий к ответу тов. Тимофеева, мы хотели бы еще раз высказать следующее. Для всех давно уже очевидно, что в современных условиях планирование должно быть только комплексным. Рыба... лес... бумага... Все это — взаимосвязанные отрасли народного хозяйства, взаимопроникающие интересы. Планировать научно — значит найти оптимальные решения для развития всех смежных и связанных друг с другом отраслей.

«Литературная газета» на протяжении последних лет не раз выступала за комплексный подход к вопросам экономики и природы, за подлинно научное планирование. Статья «Сага о бумага...» — звено в цепи подобных публикаций. И было бы очень обидно, если бы эта статья, правильность которой подтвердил в своем решении Архангельский обком КПСС и подтверждает а публикуемом письме министр тов. Тимофеев, — если бы дело завершилось лишь ответами отдельных ведомств. Важность и сложность проблемы требуют ответственного и принципиального ее обсуждения всеми заинтересованными организациями.

Именно поэтому мы не считаем вопрос закрытым. Кроме того, еще не высказало своего мнения Министерство бумажной и целлюлозной промышленности СССР, хотя все установленные законом сроки для ответа давным-давно миновали. Еще не известно мнение Госплана СССР. Словом, «Сага о бумаге...» продолжается...

«ВЗГЛЯД ОПТИМИСТА» И ВЗГЛЯД МИНИСТЕРСТВА

АВТОР статьи «Каспий — взгляд оптимиста» тов. Сибирцев («ЛГ», № 25 за 1970 г.) в основном правильно перечисляет причины сокращения запасов промысловых видов рыб в Каспийском бассейне.

Министерство рыбного хозяйства СССР считает недопустимым строительство Нижне-Волжской ГЭС и зарегулирование реки Урал, где полностью сохранились нерестилища осетровых.

Советом Министров СССР 23 сентября 1968 года принято постановление «О мерах по предотвращению загрязнения Каспийского моря». В целях сохранения и воспроизводства рыбных запасов в Каспийском бассейне этим постановлением поручено Советам Министров РСФСР и Казахской ССР совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами рассмотреть вопрос об объявлении северной части Каспийского моря с дельтами рек Волги и Урала заповедной зоной, в которой будут развиваться только рыбное хозяйство и водный транспорт. Для усиления охраны нерестилищ осетровых министерство запретило на всем протяжении реки Урал добычу гравия и гравийно-песчаной смеси.

Осуществляется проектирование и строительство искусственных нерестилищ. Так, на Волге у поселка Цаган-Аман в 1966 году вступило в эксплуатацию искусственное нерестилище осетровых рыб; ведутся изыскательские работы по устройству подобных нерестилищ на реке В. Иргиз и нижней части Волги в районе острова Денежный.

График пропуска воды в дельту Волги разрабатывается и утверждается Госпланом СССР по представлению заинтересованных организаций. Случаев нарушения утвержденных графиков со стороны Волгоградского гидроузла не отмечалось. Вместе с тем в маловодные годы часто интересы рыбного хозяйства не учитываются и пропуски воды утверждаются в недостаточном объеме, не обеспечивающем обводнения нерестилищ.

С 1 января 1971 года рыбная промышленность Каспийского бассейна полностью переходит на новый режим рыболовства. Исследования научных рыбохозяйственных организаций показали, что новые правила рыболовства позволили улучшить качественный состав уловов крупночастиковых рыб и воблы. По данным этих организаций, состояние запасов осетровых в Каспии улучшается. Поэтому министерство не согласно с утверждением тов. Сибирцева о якобы многократном сокращении уловов осетровых.

Упоминание автора статьи о неуважении к мнениям и прогнозам ученых нельзя признать достоверным, поскольку все мероприятия по регулированию рыболовства, искусственному воспроизводству рыбных запасов и совершенствованию организации рыбного хозяйства на Каспии утверждаются и осуществляются в соответствии с рекомендациями научных организаций.

В настоящее время на Каспии действуют девять осетровых и три лососевых рыбоводных завода, рыбопитомник растительноядных рыб, около 20 тысяч гектаров нерестово-выростных хозяйств по разведению полупроходных рыб. Министерством принимаются меры по ускорению строительства рыбоводных объектов в бассейне.

На Каспии ведутся работы по акклиматизации растительноядных рыб и дальневосточных лососей. Большое внимание уделяется восстановлению запасов белорыбицы, подорванных в результате гидростроительства. Наряду с усилением ее охраны рыбоводными предприятиями выпущено в водоемы Волго-Каспийского бассейна более 10 миллионов штук молоди белорыбицы. По наблюдениям научных рыбохозяйственных организаций и органов рыбоохраны, в последние два года к Волгоградской плотине пропущено через промысловую зону 5 тысяч особей белорыбицы, что свидетельствует об эффективности искусственного воспроизводства, масштабы которого будут расширены.

Министерство считает неприемлемым предложение тов. Сибирцева о выделении органов рыбоохраны из системы министерства.

Вопросы охраны, воспроизводства рыбных запасов и регулирования рыболовства составляют единый комплекс, и они должны решаться одной организацией.

С. СТУДЕНЕЦКИЙ,
заместитель министра рыбного хозяйства СССР

РЕЗОНАНС

СЕГОДНЯ НАША ТРАДИЦИОННАЯ СТРАНИЦА «ЧИТАТЕЛЬ И ГАЗЕТА» ПОСВЯЩЕНА ДЕЙСТВЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛГ»

ОТДЕЛ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЛЕНГОРИСПОЛКОМА

По сообщению читателя С. Жихаревича, в городе Пушкине вблизи Ленинграда, в самом центре одного из жилых кварталов, рядом с детскими учреждениями и жилыми домами, работает цех № 1 завода электробытовых приборов. Производственный шум вредно действует на здоровье жителей этого района.

Письмо С. Жихаревича было направлено в отдел здравоохранения Ленгорисполкома. Главный санитарный врач города А. Дударев сообщил, что по требованию Ленинградской санэпидстанции в цехе демонтирована часть наиболее шумящего оборудования. Вместе с этим разработан и проект перевода шумного цеха за город.

МИНИСТЕРСТВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РСФСР

Не раз выступала «Литературная газета» с материалами, главная мысль которых выражена в заголовке «Этот долг за нами всегда». Забота об инвалидах войны — наш общий постоянный долг. Инвалидам Великой Отечественной войны предоставлено немало льгот и преимуществ. Однако иногда, когда дело касается, казалось бы, простых вещей, не все обстоит благополучно.

«Вот с какими трудностями приходится сталкиваться, когда возникает необходимость отремонтировать ортопедическую обувь. Этим занимается специальное ателье на Тульинской улице в Москве. Срок ремонта 25—30 дней, постоянно не хватает материалов для ремонта, и заказы задерживаются, помещение запущено и находится в антисанитарном состоянии.

Ну, а если вы захотите заказать новую обувь на Московском протезно-ортопедическом заводе, ждать придется несколько месяцев. Да и оформление заказа отнимает немало времени и сил.

Министерство социального обеспечения РСФСР знает обо всех этих недостатках, однако никаких практических мер не принимает».

Это письмо прислал в редакцию инвалид войны М. Бриккер.

Нам ответил начальник Главного управления протезной промышленности Министерства социального обеспечения РСФСР В. Авдошин:

«Главное управление проверяло работу ателье по ремонту протезно-ортопедических изделий и вскрыло ряд серьезных недостатков.

Издан приказ по Главному управлению, предусматривающий меры, направленные на улучшение работы ателье.

За допущенные недостатки в работе ателье на директора и начальника ОТК предприятия наложены взыскания».

Можно надеяться, что принятые меры будут эффективными.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УССР

Читатель Н. Федоров писал нам о своем посещении мест, связанных с именем Тараса Григорьевича Шевченко. Великий украинский поэт, как известно, похоронен в Каневе. В городе нет указателей, как пройти к Тарасовой горе, где находятся могила Т. Г. Шевченко и мемориальный музей, а к самой могиле ведет неудобная лестница, по которой трудно взобраться немолодому человеку.

Начальник отдела музеев и охраны памятников культуры Министерства культуры УССР Г. Кирилюк сообщил редакции, что факты, изложенные в письме читателя, проверялись на месте и подтвердились... Сейчас проводятся работы по благоустройству набережной и подступов к Тарасовой горе. Все работы и озеленение набережной должны быть закончены полностью в течение этого года.

ЧИТАТЕЛЯМ «ЛГ» ОТВЕЧАЮТ

«НЯНЯ, НЯНЕЧКА...»

- *МИНИСТР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РСФСР ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «ЛГ»*
- *СТАТЬЮ ОБСУЖДАЮТ ГЛАВНЫЕ ВРАЧИ СТОЛИЧНЫХ БОЛЬНИЦ*
- *ПОЛУЧЕН ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ*

Редакция получила около ста писем-откликов на статью А. Рубинова «Няня, нянечка...» («ЛГ», № 47 за 1970 г.). Пишут врачи, медицинские сестры, студенты медицинских вузов, сами нянечки, люди разных профессий, которые так или иначе столкнулись с лечебными учреждениями и с поднятой в статье проблемой. Они дополняют автора, вносят новые предложения. Статья «Няня, нянечка...» и письма читателей послужили основой для интервью, которое корреспондент «Литературной газеты» В. ДОРОФЕЕВА взяла у министра здравоохранения РСФСР ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ТРОФИМОВА.

Вопрос. Некоторые читатели считают: многие недостатки в работе нянечек связаны с тем, что их роль в больницах принижена, авторитет мал, они слабо представляют себе меру собственной ответственности за судьбу больного. Авторы таких писем — студент VI курса медицинского института В. Берштейн из Перми, Б. Смирнов из Ногинска, главный врач поликлиники № 89 из Москвы И. Наткович и другие — предлагают поднять авторитет младшего медицинского персонала, создать в лечебных учреждениях обстановку, при которой и няне чувствовала бы свою сопричастность к нелегкому делу врачевания.

Ответ. Я согласен с этими товарищами. В лечебном учреждении должна существовать обстановка взаимного уважения, независимо от положения и квалификации. Это аксиома для любого коллектива в советском обществе. Особенно для коллектива, от которого зависит жизнь человека.

Вопрос. Считаете ли вы, что нянечек следует приглашать на утренние «пятиминутки» и врачебные обходы, как предлагают читатели? Там, по их мнению, они смогут многое для себя почерпнуть и в свою очередь рассказать о больном то, что ускользает порой от врачей и сестер.

Ответ. Возможно, это и следует делать в отдельных конкретных случаях, но, как правило, вводить такую практику нецелесообразно. Ведь «пятиминутка» — ежедневное рабочее совещание врачей, которое длится отнюдь не пять минут, а няня в это время должна быть около больных.

Вопрос. Обязанности няни, выхаживающей больного, надо отделить от обязанностей уборщицы в любом другом учреждении. Об этом пишут К. Рыбина из города Жданова, Л. Петрова из Минска и многие другие. Как вы, Владимир Васильевич, представляете себе решение этой проблемы?

Ответ. В этом предложении есть рациональное зерно. Участие младшего медицинского персонала в лечебном процессе заключается в уходе за больным. Но когда речь идет о тяжелых больных — скажем, после операции или инфаркта миокарда, — уход может быть доверен только медсестре, то есть человеку квалифицированному. Сейчас в больницах вводится новая должность — младшего медсестра. Это вовсе не формальное звание для «поднятия авторитета нянечки» — оно присваивается только после окончания специальных курсов. Введение в больнице должности младшей медсестры как раз и преследует цель отделить функции ухода за больным от обязанностей уборщицы. И это будет воплощаться в жизнь по мере подготовки младших медсестер.

Вопрос. Некоторые читатели считают, что профессия няни не имеет перспективы в будущем. Согласны ли вы с ними? Ведь поворачивать больного могут только руки человека...

Ответ. Это вопрос чрезвычайно актуальный, затрагивающий в наше время все развитые страны. Молодые люди стремятся получать профессии высококвалифицированные. А с другой стороны, современный уровень медицинской науки требует высокой подготовки от всех участников лечебного процесса. Сейчас в обиход постепенно входят различные следящие электронные системы. Применять их смогут только люди, прошедшие специальную подготовку. Отсюда ясно: необходимо приблизить обучение младшего и среднего медицинского персонала непосредственно к лечебному учреждению. Этого требует жизнь. И я считаю, что в дальнейшем все средние медицинские учебные заведения должны быть составной частью лечебно-профилактических учреждений.

А. Рубинов пишет в своей статье об эксперименте 52-й больницы, где учащиеся медучилища работают на должностях младшего медицинского персонала. Эксперимент поставлен по инициативе Минздрава РСФСР. И это было вызвано требованиями времени.

Опыт только начат и будет изучаться, но мы думаем, что это перспективное дело.

Вопрос. Во многих письмах читатели сетуют на недостатки в культуре обслуживания в больницах. Об этом пишут т.т. Титова из Московской области, Волкова из Ленинграда. Если есть кнопки для звонков, то они далеко не всегда работают. Каталки для тяжелых больных нельзя подрегулировать по вертикали под уровень кровати или операционного стола. Приходится поднимать больного на руках, бывает так, что няня моет больного с кувшином в руках.

Ответ. Да, к сожалению, нередко так и бывает. Несколько лет назад была создана техническая служба «Медтехника» специально для ремонта и технического наблюдения за медицинским оборудованием. Положение значительно улучшилось, однако не все может сделать «Медтехника». Малой механизации у нас действительно уделяется недостаточно внимания.

В ряде случаев это зависит от Министерства медицинской промышленности, которое не освоило производства целого ряда необходимых приспособлений. С другой стороны, мощностей у него не хватает, а крупные предприятия других отраслей промышленности нам помогают мало. В то же время они могли бы без особых трудностей освоить производство необходимого оборудования.

А а том, что существующая техника в больницах часто преступает, а какой-то степени дна нерадивых хозяев. С любым оборудованием, даже простым, надо уметь обращаться. Начинающего слесаря учат держать в руках напильник а пожилая няня предпочитает работать по старинке — с кувшином, тряпкой и шваброй. И здесь мы снова упираемся в проблему подготовки квалифицированного персонала.

Вопрос. Читатели Никитина из Ленинграда, Шерстких из Москвы, Петрова из Минска поддерживают идею о том, чтобы разрешить родственникам дежурить у постели тяжелых больных, и особенно — детей. Что вы думаете по этому поводу?

Ответ. Что касается детей, то малышей до двух лет мы всегда госпитализируем вместе с мамами. Новые детские больницы предусматривают места для матерей с детьми.

Когда же речь идет о старших детях и о взрослых больных, мы, врачи, категорически возражаем против присутствия родственников в палате.

Говорят, присутствующий в палате родственник не откажется помочь и другим больным. Верю, что это так. Но во что выливается такая помощь! Во-первых, конечно, главное внимание родственник уделяет «своему» больному, а сосед по палате лежит и думает: «Вот за ним ухаживает жена или мама, а за мной нет...» Психика больного очень ранима, а его душевное состояние играет большую роль в выздоровлении. Родственник может занести инфекцию, а у тяжелых больных всегда ослаблена сопротивляемость организма. Кроме того, родственники не имеют специальной подготовки и в порыве энтузиазма могут сделать лишнее, не то, что следует. Наконец, не все люди обладают достаточной выдержкой, чтобы спокойно видеть страдания близкого человека, они начинают нервничать, суетиться, дергать врачей, сестер, требовать немедленных действий, в то время как все необходимые меры приняты и надо спокойно выжидать. Короче говоря, вместо помощи родственники зачастую просто мешают.

Вопрос. Доктор Португейс из Ленинграда считает, что руководители больниц должны иметь возможность в случае необходимости перераспределять свободные ставки.

Ответ. В принципа я с этим согласен, но переход к такой практике имеет свои сложности для лечебных учреждений. Сейчас у нас в масштабе всей страны проводится эксперимент по расширению прав главного врача в плане наиболее целесообразной расстановки кадров. Я думаю, что в ближайшем будущем этот опыт будет распространен на все лечебные учреждения.

* * *

В начала декабря 1970 года заместитель начальника Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома П. Исрханов собрал на совещание заведующих районными отделами здравоохранения и главных врачей нескольких столичных больниц — Первой, Четвертой, Шестой, Тридцать третьей, Пятьдесят второй городских, Боткинской, трех детских и других. Шло обсуждение проблем, затронутых в статье «Няня, нянечка...».

Женщина стучит алюминиевой ложечкой по нефирной бутылке — испортилась мясорубка, другого способа позвать на помощь санитарку нет. Кто-то бегает по больничному коридору в поисках запропастившегося «обслуживающего персонала» — редкие ли это явления? Увы, нет, констатируют собравшиеся.

Можно ли организовать посещение тяжелобольных так, чтобы родные при необходимости могли стать помощниками врачей? Об этом надо серьезно подумать, взвесить все «за» и «против».

И, наконец, самое существенное — вопрос кадров. Главные врачи очень интересуются опытом Пятьдесят второй больницы — там роль санитарок выполняют в течение трех лет будущие медицинские сестры.

В связи с этим возникло насколько предложений. На первый курс медицинских вузов Москвы принимают ежегодно более двух тысяч человек. Не стоит ли построить программу их обучения так, чтобы будущие врачи начинали практические занятия с работы санитарами? Существуют подготовительные курсы в медицинские вузы. Чтобы попасть на эти курсы, надо иметь двухлетний стаж работы в медицинском учреждении. Все стремятся, нам правило, «устроиться» лаборантами, даже секретарями. Не отдавать ли предпочтение при приеме на курсы тому, кто работал в больнице в составе младшего обслуживающего персонала?..

Все эти и многие другие предложения носили предварительный характер. Чтобы продумать каждое из них до конца, а затем начать претворять в жизнь, создана специальная комиссия. В нее вошли главные врачи пяти крупнейших столичных больниц. Возглавила комиссию В. В. Варлаева — главный врач Городской клинической больницы № 4.

* * *

В редакцию поступил также официальный ответ на статью в «ЛГ» от 18 ноября начальника Управления по использованию трудовых ресурсов Ленгорисполкома А. Соловьева.

«Ознакомившись со статьей А. Рубинова «Няня, нянечка...», — говорится в нем, — управление подтверждает правильность поставленных в ней вопросов. В Ленинграде сложилось то же положение, что и в Москве, — больницы очень плохо обеспечены младшим обслуживающим персоналом».

Управление специально изучило вопрос. Результаты этой работы с предложениями и рекомендациями были доложены, в частности, министерствам здравоохранения и медицинской промышленности СССР.

РЕПОРТАЖ С СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ДОБРОГО ПУТИ!

Семинар прозаиков ведет Михаил Алексеев.

Алексей Арбузов беседует с молодыми драматургами.

Сергей Смирнов — руководитель семинара поэтов — среди участников совещания.

Фото С. ФУРМАНА

Маленький прямоугольник картона: товарищ такой-то «является участником совещания молодых московских писателей».

Это второе совещание... А первое прошло почти тринадцать лет назад, в мае пятьдесят восьмого. Участников было 130.

«Тогда нам казалось, что это много, — сказал на открытии нынешнего совещания **Сергей Баруздин**. — Сейчас вас на втором совещании больше...»

Больше намного: около трехсот прозаиков, поэтов, драматургов, критиков собрались 6 января в Центральном Доме литераторов, причем многие из них уже имели в своем активе книги, журнальные публикации, отснятые сценарии, поставленные в театрах пьесы...

Совещание открыл секретарь Московского горкома комсомола **Валерий Шадрин**. Участников совещания приветствовала секретарь МГК КПСС **А. П. Шапошникова**. Первый секретарь правления Московской писательской организации **Сергей Наровчатов** говорил о неизбежном и радостном процессе, непрерывном обновлении советской литературы.

«За вашими плечами, — сказал **Сергей Наровчатов**, — нет ни гражданской, ни Великой Отечественной войн, которые дали жизненный материал, сообщили свой пафос и динамику вашим литературным отцам и дедам. Казалось бы, это так. Но вы приходите в литературу тоже не от «мирных лет». В нашей стране развернулось огромное строительство, цель которого — коммунизм.

...На флоте есть должность — впередсмотрящий. Будьте такими впередсмотрящими в нашей действительности, и вы ясно разглядите великую цель нашего народа...»

«Нам выпало счастье, — говорил на совещании **Валентин Катаев**, — жить и трудиться в самой передовой, новаторской стране мира... Ленин, который открыл для человечества эту наиболее совершенную форму человеческого устройства, был великим новатором во всех областях общественной и государственной деятельности... Новаторство стало основным двигателем нашей общественной жизни. Во всех областях науки и техники царит дух новаторства, начиная от небольших рационализаторских предложений где-нибудь в глубинном заводе, кончая открытиями советских ученых, завоеванием космоса или необыкновенными достижениями нашей медицины.

Советская литература живет и не может не жить по законам того общественного строя, сущность которого она выражает».

Об огромной силе художественного слова говорил **Михаил Алексеев**:

«Слово — оружие, и притом грозное, а оружие дается в руки лишь бойцам, и боец обязан быть отважным, мужественным, отлично владеющим своим оружием... И мне хочется, чтобы эпитет «молодой» как можно скорее отделился от слова «литератор».

Да, в светлых классах обыкновенной московской школы, где проходили семинарские занятия, собрались действительно молодые: хотя средний возраст участников совещания, вероятно, двадцать пять — тридцать лет. Но обсуждение их рукописей, книг или статей велось без всяких скидок на молодость, на неопытность. У одного из «студентов» — Леонида Каратеева — есть строки:

Хочу, чтоб,
говоря о человеке,
не спрашивали:
сколько лет ему?

Вот почему критика стихов и рассказов, повестей или очерков была, быть может, слишком резкой, иной раз по-юношески запальчивой, но зато бескомпромиссной и честной.

Молодые литераторы столицы пришли учиться сегодня делу нелегкому, делу ответственному, делу партийному — литературе.

Участников совещания приветствовал **Борис Полевой**.

Пять дней шло совещание молодых писателей столицы. Пять дней длился серьезный, строгий разговор о литературе, о жизни, о «хлебе насущном», о самом сокровенном, чем живет сегодня наша страна. Десятки встреч, сотни обсуждений работ молодых поэтов, прозаиков, драматургов, критиков остались позади...

Перед закрытием совещания корреспонденты «Литературной газеты» взяли несколько интервью.

***

— Надо отметить, — сказал **Лазарь Карелин**, — что к нам в семинар пришло большинство людей, чья проба сил в литературе подкреплена «нелитературной», если можно так выразиться, профессией. Сами посудите: Николай Попов — бывший шахтер, Марина Михайлова — географ, Андрей Никитин — археолог, Юрий Антропов — геолог. Хорошую школу прошел в армии и Николай Кучмида... Может быть, поэтому ребята (хотя какие они ребята, когда многим уже за тридцать!) наделены острым, отличимым друг от друга видением мира, хорошей литературной хваткой, которая позволяет надеяться, что «на подходе» немало интересных молодых прозаиков.

Словом, в семинаре нашем — люди, чье творчество обещает быть привлекательным, самобытным...

О критическом семинаре рассказал **Виктор Панков**:

— Наш семинар критики интересен по составу участников. В большей части это авторы серьезных книг, журнальных и газетных статей. Поэтому обсуждение носило характер творческий. Как правило, на конкретном материале развертывался разговор о проблемах общетеоретических — о мировоззрении и позиции критики, о методологии литературного анализа произведений. И, конечно, вместе с Ж. Турковым и Т. Мотылевой, также руководившими этим семинаром, мы стремились помочь молодым критикам лучше определить свои планы на будущее.

— Семинаром нашим руководят поэт, — сказал **Василий Субботин**, — напечатавший первые стихи еще до революции, а теперь, можно сказать, старейшина советских поэтов Василий Васильевич Казин и Владимир Соколов. Нас трое. И на нас смотрят тринадцать пар выжидательных, требовательных, умных юных глаз, впрочем, видимо, не таких юных. За плечами у одного — завод, у другого — работа в газете, на радио. Разные все — и руководители семинара, и участники, да иначе мы бы и не поэтами были.

Со всеми хочется найти «общий язык» — не разругать, но и сказать правду, не покривить душой, а больше всего — поддержать, окрылить. Впрочем, снисходительность и заниженность требований только обидели бы. Довольно скоро нашлись верный тон и доверие, без которых немыслим разговор поэтов, работа над рукописью.

Мы старались говорить, не снижая требовательности, сочетать доброту и взыскательность. Сами участники семинара скоро поняли, что нужен именно такой взыскательный разговор.

***

Цель совещания, смысл совещания, которое закрылось в понедельник 11 января, — помощь молодым, еще только вступающим в большую литературу писателям, делающим первые, иногда робкие, а порой уже уверенные шаги.

В одном из классов, где проходили семинарские занятия, над коричневой школьной доской — знаменитые слова Владимира Ильича Ленина: учиться, учиться и учиться. Учиться всегда: и сейчас, когда в запасе — несколько рассказов или повесть, напечатанная в журнале или сборнике, и потом, когда придет известность, читательское признание, и тогда, когда ты сам уже возьмешь в руки первый рассказ молодого автора — на пятом или седьмом совещании: ведь они еще впереди.

И в самом деле: разве нынешнее обсуждение — со спорами и юношеской запальчивостью, с вдумчивой критикой и деловыми советами — не стало учебой не только для «студентов», но и для их сегодняшних учителей? Вот в этом-то и есть, пожалуй, главный смысл совещания...

Борис ЗЕРНОВ,
Валерий ПОВОЛЯЕВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Подробно с материалами совещания молодых московских писателей «Литературная газета» познакомит читателей в следующем номере.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Е. Н. ПЕРМИТИНУ — 75 лет

В связи с 75-летием со дня рождения Ефима Николаевича Пермитина секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Ефим Николаевич, в дни Вашего славного 75-летия и полувековой литературной деятельности горячо поздравляем Вас, одного из крупных советских романистов, с присвоением Вам высокого звания лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Солдат русской армии, выдвинутый однополчанами своим ротным командиром, Вы прошли большой путь, став в нашей великой стране активным строителем социалистической культуры, творцом произведений, признанных народом. Член правления Союза писателей СССР, председатель Совета по казахской литературе при правлении Союза писателей СССР, Вы и сейчас творчески молоды и полны энергии. Лучшее тому свидетельство — только что вышедший в свет Ваш роман «Поэма о лесах». Читатели знали Вас как знатока и исследователя жизни русского крестьянства. Теперь узнают и как автора ценного произведения о собратьях по перу — деятелях советской культуры.

Пусть все Ваши замыслы получат счастливое завершение. Долгих Вам лет жизни, дорогой Ефим Николаевич, крепкого здоровья. Дружески обнимаем Вас».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

■

Когда я слышу имя — Ефим Пермитин, передо мной встают прииртышские просторы, алтайские леса, крутые сопки, глубокие распадки, на дне которых клокочут белые от пены горные потоки. Вижу паренька с котомкой за плечами, который, оставив родной дом, уходит к чужим людям в батраки. А затем, жадный к знаниям, пытливый к жизни, садится за парту учительской семинарии, чтобы некоторое время спустя учить добру, выводить к свету крестьянских детей. Первая империалистическая война переносит его на запад России, кидает в окопы, под снаряды, под германские пули. Гражданская же война поднимает его до сознательного бойца революции, командира Красной Армии. Позже — борьба за утверждение новой жизни, только иными, мирными путями. Хотя и здесь свистели пули, выпущенные из кулацких обрезов, кровянились мерзкие топоры, защищавшие право богатых на собственность...

Много видевший, многое переживший человек взялся за перо. Ему было о чем писать.

Одна за другой появляются драматичные, правдивые книги писателя — «Капканы», «Когти», «Враги». Они замечены читателем, отмечены самим Максимом Горьким, становятся популярными, приносят известность их автору.

Уже в послевоенное время писатель заканчивает работу над суровой и мужественной эпопеей «Горные орлы». Появляется также его новая книга о годах пятидесятых — роман с поэтичным названием «Ручьи весенние».

И затем — как итог нелегкого пути, как венец строящегося большого дома — трилогия о жизни Алексея Рокотова, куда вошли широко известные книги «Раннее утро», «Первая любовь», «Поэма о лесах», удостоенные недавно Государственной премии РСФСР имени М. Горького 1970 года.

Глубокое знание жизни, быта народа, его стремлений и чаяний, удивительное чувство родного русского языка делают произведения этого замечательного мастера ценностями непреходящими.

Сегодня Ефиму Николаевичу — 75. Пожелаем же ему новых талантливых книг, счастья и доброго здоровья на многие годы!

Михаил ГОДЕНКО

И. Ф. КАРАБУТЕНКО — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил в адрес юбиляра приветствие, в котором, в частности, говорится: «Дорогой Иван Федотович! Сердечно поздравляем Вас, известного критика и переводчика, активного пропагандиста литератур народов СССР, с днем Вашего пятидесятилетия.

Сельхор и студент, участник Великой Отечественной войны с первого ее дня, работник центральной печати, критик, литературовед и переводчик — таковы вкратце вехи Вашей творческой, трудовой и партийной биографии.

От души, дорогой Иван Федотович, желаем Вам крепкого здоровья, счастья и новых творческих успехов».

■

Хитрый довженковский дед на вопрос, есть ли, по его мнению, у человека душа или же одни рефлексы, отвечал, что все зависит от того, каков человек: у хорошего — душа, у плохого — эти... как их... рефлексы. Не так ли и в литературном нашем деле? Оно может быть и забавой, и ремеслом, суммой навыков, а может стать смыслом всей жизни человека, его призванием.

Иван Федотович Карабутенко — из тех, для кого литература не только профессия, род занятий, не только, так сказать, служба (хотя и служба тоже: два десятка лет я аппарате Союза писателей — это чего-нибудь стоит!). Думаю, здесь уместнее говорить о служении. О беззаветном служении делу укрепления братских литературных связей, делу пропаганды достижений родной украинской литературы. Это главное и любимое дело его жизни, ему он служит неустанно и как консультант правления СП СССР, и как журналист, критик, переводчик.

В наших дискуссиях о художественном переводе мы много внимания уделяем сакраментальной проблеме подстрочника. Однако применительно к языкам, близким русскому, скажем, украинскому или белорусскому, действительную опасность представляет, пожалуй, не столько подстрочник, сколько то, что я назвал бы «иллюзией легкости». Вот почему так важно, чтобы в деле перевода с близких языков тон задавали не бойкие дилетанты, которым эти языки просто-напросто кажутся более доступными, чем другие, а те, для кого это естественная, как дыхание, языковая стихия. Вот почему так ценно, когда слово Шевченко, Тычины, Рыльского известно переводчику не понаслышке, а входит в сознание с детства, со школьной скамьи, становится частью мироощущения. А если это сочетается с глубоким знанием языка русского, русской культуры, возникает прочная основа для успеха. Переводы И. Карабутенко произведений О. Вишни, А. Довженко, О. Гончара, П. Панча, Ю. Смолича и многих, многих других — одно из убедительных тому свидетельств.

Жизнь никогда не скупилась для нашего юбиляра на трудности и хлопоты. Зато всегда щедра была и на друзей. Последние, правда, в свою очередь нередко доставляют ему новые хлопоты, так что круг замыкается... Но что делать, такова уж, видно, судьба каждого хорошего человека — того самого, у которого на «рефлексы», а настоящая большая душа.

Ю. БАРАБАШ

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

СЛОВО — ОРГАНИЗАТОРАМ СОВЕЩАНИЯ:

Валерий **ШАДРИН,**
секретарь Московского горкома ВЛКСМ

— Мне радостно отметить, что наше совещание работало в обстановке необыкновенного трудового подъема, широчайшего размаха социалистического соревнования в честь предстоящего XXIV съезда КПСС. Именно эта обстановка придала нам ощущение особо высокой ответственности за каждую написанную строчку...

Ни одно еще, по-моему, совещание не имело такой долгой и, судя по всему, необходимой предыстории. Мы готовились к нему в течение целого года... Немели с того, что разослали письма в редакции газет, издательства, киностудии; словом, во многие творческие организации столицы с просьбой рекомендовать молодых литераторов для участия в работе совещания. И вот в результате тщательного конкурса мы отобрали 315 человек. 57 участников уже имеют книги и экранизированные сценарии, имеют свой творческий почерк. Что, кстати, не удивительно, поскольку за плечами у многих — большев, несмотря на возраст, трудовая биография. Кто же эти люди, севшие за «парты» нашего совещания? Водитель такси А. Перфильев, учитель Р. Ребен, рыбак Н. Рыжих, рабочие В. Орлин и А. Медведев, инженеры В. Левинский и Е. Крыльцов, комсомольский работник В. Шабанов, военнослужащий Б. Бобылев и Л. Куликов, микробиолог Д. Петров, педагог К. Калменович, слушательница Высших сценарных курсов О. Мирошниченко, студентка З. Межирова, многие другие способные молодые литераторы.

Совещание помогло им глубже вникнуть в жизнь, разобраться в некоторых тонкостях литературного дела, способствовало формированию мировоззрения, воспитанию партийного подхода к коренным явлениям жизни...

Всего на совещании работало 27 семинаров. Из них 10 — поэтических, 8 — прозаических, 4 — кино- и театральной драматургии, 2 — критики, 2 — детской и юношеской литературы, 1 — сатиры и юмора.

Вчера мы подвели некоторые статистические итоги: 35 процентов участников совещания — коммунисты и комсомольцы, 30 процентов — женщины... Большинство имеют высшее и незаконченное высшее образование. Любопытные цифры...

Александр РЕКЕМЧУК,
секретарь правления Московской писательской организации

— ...Работу совещания отличала большая творческая насыщенность, представляющая несомненный интерес не только для участников, но и для руководителей семинаров... Мне рассказали, как один из литературоведческих семинаров неожиданно объединил двух критиков, имеющих разные, почти полярные взгляды на некоторые вопросы творчества; людей, которые довольно долгое время оставались каждый при своем «интересе» и вот только сейчас, в пылу дебатов с участниками семинара, обнаружили, что могут найти общий язык. Да и в позициях их есть много общего, чего раньше они не замечали. Опять же, вряд ли это произошло, если бы на семинар к ним пришли люди, как в школу: выслушать несколько полезных наставлений на будущее, а потом разойтись.

Кое-кто из журналистов просил меня рассказать об участниках совещания, которых я знаю лично. Действительно, с многими молодыми прозаиками я знаком 6, 7, 8 лет; за это время они успели уже выпустить свои книжки... Столь долгий срок знакомства — еще одно подтверждение того, как долог путь в литературу. Но говорить о них я не буду, ибо не являюсь руководителем семинара... В возрастную оценку участников я тоже не вдаюсь, хотя и раздаются голоса, что многие из молодых имеют, мол, возраст тридцатилетний и даже более чем тридцатилетний... Что ж, человек, который пишет, скажем, прозу или работает в области критики, драматургии, не сразу становится на ноги. Он должен вначале поработать, поездить по белому свету, «пощупать» своими руками жизнь. Отсюда и возраст. Многих участников совещания мы закрепим за творческими секциями нашей писательской организации — как актив.

И еще. После совещания мы вплотную займемся литобъединениями. По-моему, назрела уже необходимость создать «главное литобъединение» Москвы — двухгодичную студию при столичной писательской организации с факультетами прозы, поэзии, драматургии. От слов к делу: думаю, что осенью нынешнего года «главное литобъединение» Москвы начнет свою работу.

Кажется, наступает пора собрать еще одно совещание, которое занялось бы вопросами научно-художественной, научно-фантастической и приключенческой литературы. Выпуск этой литературы огромен; огромен и читательский интерес к ней. Но, к сожалению, за исключением нескольких имен мы не знаем, кто работает в этой трудной и нужной «отрасли» прозы. Неплохо было бы, если бы такое совещание стало всесоюзным и в нем приняли участие ученые, социологи, юристы...

ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советской печати почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР присвоено Мармерштейну Науму Иосифовичу (Н. Мару), корреспонденту «Литературной газеты».

Коллектив «Литературной газеты» сердечно поздравляет Н. Мара с присвоением почетного звания.

ПАМЯТИ Н. А. ПЕШКОВОЙ

10 января на 70-м году жизни скоропостижно скончалась Надежда Алексеевна Пешкова.

Жена М. А. Пешкова, сына А. М. Горького, Надежда Алексеевна была вместе со своим мужем долгие годы помощницей великого писателя, хозяйкой в доме, где бывали крупнейшие деятели литературы и культуры, многие замечательные люди нашего времени, сохранившие самые теплые воспоминания о ней, в ее уме, такте, обаянии.

После смерти А. М. Горького Надежда Алексеевна бережно хранила, а затем передала в дар государству все связанное с жизнью и деятельностью основоположника советской литературы. Она была одним из создателей литературного музея имени А. М. Горького и горьковского мемориального музея в Москве. Архив А. М. Горького получил от нее множество ценнейших горьковских документов. В ближайшее время выходит из печати том «Архива А. М. Горького» — «Горький и сын», а подготовке которого Надежда Алексеевна приняла самое активное участие. В этом томе впервые публикуются ее интереснейшие воспоминания об Алексее Максимовиче и Максиме Алексеевиче.

Талантливая художница, Надежда Алексеевна оставила много своих работ, в том числе известный портрет А. М. Горького, экспонированный в горьковском музее в Москве.

Все, кто знал Надежду Алексеевну, навсегда сохранят память о ней, как о человеке большой культуры и исключительной сердечной доброты.

Союз писателей СССР
Союз художников СССР
Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР
Архив А. М. Горького
Музей А. М. Горького

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

БЫТЬ НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Состоялось заседание секретариата правления Союза писателей СССР, на котором обсуждался план работы журнала «Юность» в связи с подготовкой к XXIV съезду КПСС. С сообщением о работе журнала выступил его главный редактор Б. Полевой.

В обсуждении приняли участие секретари правления Союза писателей СССР С. Сартаков, А. Салынский, С. Баруздин, Ю. Верченко, В. Озеров. На заседании выступили также О. Резник, Н. Гей, М. Прилежаева, В. Амлинский, В. Воронов.

Было отмечено, что в юбилейном ленинском году на страницах журнала опубликованы интересные художественные, публицистические, мемуарные произведения, посвященные В. И. Ленину. Журнал познакомил читателя с публицистическими выступлениями Е. Тяжельникова «Ленинским путем», А. Мильчакова «Советуясь с Лениным», с воспоминаниями о Ленине А. И. Микояна. Привлекли внимание повесть Вл. Николаева «Девятый день», рассказ Ю. Лаптева «Вот так-с...» и ряд других произведений.

Содержательными публикациями откликнулась «Юность» на 25-летие со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне. В этой связи были отмечены роман И. Герасимова «Туда и обратно», повесть А. Рыбакова «Неизвестный солдат», повести Р. Григорьевой «Крестьянский сын» и Б. Васильева «А зори здесь тихие...», некоторые поэтические подборки.

Из произведений, посвященных современности, участники обсуждения выделили повести Н. Атарова «...А я люблю лошадь», А. Рекемчука «Мальчики», роман К. Ковальджи «Лиманские истории», повесть Ю. Рытхэу «Вэкэт и Агнес».

Положительным в работе журнала «Юность» были признаны оперативность, актуальность и разнообразие информации о самых различных сторонах общественной, политической, научной и культурной жизни страны, а также со вкусом выполненное оформление журнала.

Вместе с тем журналу еще не хватает последовательности и должной целеустремленности в отражении трудовой жизни народа. Духовный мир молодых тружеников города и деревни часто остается еще как бы «периферийным» мотивом «Юности». Тема созидательного труда не завоевала пока подобающего места на страницах журнала. Редко публикуются произведения, посвященные современной Советской Армии, образу молодого советского воина.

Явно недостаточное внимание уделяется жизни колхозной деревни. Несколько удачных публицистических откликов на решения июльского (1970 г.) Пленума ЦК КПСС все же не дают широкого представления о том, как бьется пульс современного колхозного села. Журнал чаще всего акцентирует свое внимание на «трудных случаях» и «трудных характерах» городских подростков. Произведения о формировании личности молодого советского человека, появляющиеся на страницах «Юности», нередко написаны либо «по законам книжной романтики», либо с ироническим отношением к герою активного, положительного склада (повести Г. Калиновского «Закон стального ключа», А. Чупрова «На перепутьях зимы», З. Богуславской «Семьсот новыми», рассказы В. Токаревой «Зануда» и «Фараон», Е. Марысева «Рыжий черт»). На страницах журнала иной раз печатаются стихи чисто созерцательные, лишенные примет гражданственности. Публикуются и поэтические произведения, отмеченные чисто формальными изысками, нечеткие по своему идейному замыслу.

Существенными недостатками страдают и материалы отдела критики и библиографии. Отделу недостает еще последовательности в оценке наиболее примечательных явлений современной художественной литературы.

Редакция «Юности», добившись за последнее время определенных успехов и преодолев ряд недостатков, свойственных журналу в прежние годы, еще не достигла, однако, должного уровня в разработке главных тем современности.

Секретариат правления Союза писателей СССР принял постановление, в котором рекомендовал редакционной коллегии журнала учесть все замечания, сделанные в ходе обсуждения, обратив особое внимание на расширение современной тематики, на необходимость более глубокого проникновения в актуальные проблемы наших дней, на показ жизни молодых рабочих и колхозников, их духовного роста и участия в коммунистическом строительстве.

А. И. ФАТЕЕВ

6 января 1971 года после тяжелой болезни скончался первый секретарь Дзержинского РК КПСС Александр Иванович Фатеев.

А. И. Фатеев родился 1 сентября 1922 года в семье рабочего. В мае 1942 года Александр Иванович Фатеев, в то время студент Московского автомеханического института, был призван в ряды Советской Армии. Он участвовал в боях против немецко-фашистских захватчиков, прошел путь от рядового до командира, стал членом КПСС.

После демобилизации из армии он вернулся в Московский автомеханический институт и окончил его в 1949 году. Начались годы напряженного труда на Московском автозаводе имени И. А. Лихачева. В 1954 году он избирается секретарем парткома.

В 1959 году А. И. Фатеев был избран секретарем Пролетарского РК КПСС. С этого года и до последнего дня своей жизни он находился на ответственной партийной работе. С апреля 1969 года Александр Иванович — первый секретарь Дзержинского РК КПСС г. Москвы. Среди разнообразных забот и дел Александр Иванович всегда находил время для встреч с работниками печати. Коллектив «Литературной газеты» видел в Александре Ивановиче энергичного партийного руководителя, человека высоких душевных качеств.

Светлая память об Александре Ивановиче Фатееве — верном сыне Коммунистической партии, навсегда сохранится в наших сердцах.

Редакционная коллегия и партийное бюро «Литературной газеты»

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

МОГУЧИЙ ПУЛЬС ПОЭЗИИ

Муса ГАЛИ

Участники проходившего недавно объединенного пленума правления Союза писателей РСФСР и правления Московской писательской организации вели острый, заинтересованный разговор о путях развития нашей поэзии, о ее месте в рабочем строю созидателей коммунизма.

Работа пленума проходила в атмосфере развертывающегося по всей стране всенародного движения за достойную встречу XXIV съезда партии и вызвала широкий отклик среди писателей. Сегодня мы предоставляем «Предсъездовскую трибуну» известному поэту Мусе Гали, который ратует за глубокую гражданскую наполненность лирики, за ее чуткость и важнейшим событиям и проблемам современности.

Я СТОЮ у памятника Салавату Юлаеву в Уфе и вижу закованную в лед Агидель, безмолвные снежные просторы. Но нет неподвижности в зимнем пейзаже. Устремленность всадника — воина и поэта — словно вовлекает природу в яростный вихрь жизни. Это скульптор Сосланбек Тавасиев, лауреат Государственной премии СССР, нашел тот предел в искусстве, который оживил чугун и вдохнул в образ высокую гражданскую страстность.

И разве не к поиску этого высокого предела призывал Пушкин, требуя от поэта глаголом жечь сердца людей? «Глагол» поэта, граненный талантом и трудом творца, рождает магический кристалл искусства, сквозь который мы видим время, вечное движение и обновление жизни. Подлинная поэзия чутко слышит пульс эпохи, сердцем ощущает заботы и тревоги времени. И нет для художника слова большего счастья, чем слить свой голос с голосом народа.

...Я стою у подножия священного холма Салавата над закованной в лед Агиделью, но мысленно тянусь к берегам Невы. Ведь именно там не так давно горел факел праздника могучей советской поэзии: замечательному сыну России Александру Прокофьеву вручалась награда Родины — звезда Героя Социалистического Труда. Есть в этой награде большой смысл. Настоящий поэт — всегда труженик. И труд его проходит в своем особом мире, таком же необъятном и безбрежном, как *просторы Родины*.

Родина... Это слово звучало в каждом выступлении участников пленума, потому что во имя Родины мы живем, ей — наши стихи и песни. И радость творчества, удовлетворение сделанным приходит только тогда, когда поэт решает те же проблемы, что и народ, когда его труд «вливается в труд моей республики».

Сделано нашей поэзией много. Она всегда — и в годы мирного труда, и в дни суровых военных испытаний — шагала в ногу с народом, свято выполняла бессмертный пушкинский завет. Но время выдвигает перед ней все новые и новые задачи, и в этой связи мне хотелось бы поговорить о некоторых проблемах современной советской поэзии.

По моему глубокому убеждению, нам иногда не хватает более серьезного и глубокого анализа, широкого обобщения явлений нашей поэзии. Отдельные диалоги, время от времени возникающие вокруг какой-то одной ее грани, носят фрагментарный, скоро проходящий характер. Мы часто топчемся на тропках, когда совсем рядом — дорога.

Пафос времени, гражданственность — вот проблемы, затрагивающие поистине все грани поэтического творчества. Далеко ли ушло время, когда к этим вопросам мы подходили в отрыве от «общего дыхания», мастерства поэта, направленности его таланта? Гражданственность — понятие глубинное, всеохватное. И связывать его лишь с определенными видами поэзии или сковывать узкими тематическими рамками немыслимо. Разве, скажем, Расул Гамзатов менее гражданствен от того, что вся его поэзия пронизана лирикой? Гражданственность — это пламя, поддерживаемое всеми, без исключения, средствами поэзии.

В противовес буржуазной эстетике разрушения личности эстетика социалистического реализма проникнута пафосом борьбы за совершенствование человека. В творчестве крупнейших наших современных поэтов — отражение благородной души советских людей, раздумья и озабоченность, окрыленность и жизнеутверждающий оптимизм. В таких стихах и поэмах тесно переплелись высокие мотивы любви и нравственности, патриотизма и чувства ответственности перед временем.

«Закон движения природы всегда — движение добра», — утверждает Давид Кугультинов. Так и в творчестве поэта глубоко оптимистическое мироощущение пронизывает его эстетическую программу.

Лирика Мустая Карима, развивающаяся в великолепном соответствии с духом времени, несет свет, добро, красоту.

Все завершил. Помончил с молочами.
И суета осталась позади...
И вот сейчас с рассветными лучами
Птиц выпускаю из своей груди.
Идущие на бой во имя чести!
Вам — первый дар, всем прочим не в укор:
Для вас, взгляните, в дальнем поднебесье
Орел могучий крылья распростер.

(Перевод Е. НИКОЛАЕВСКОЙ)

Лирика? Да. Но идет она и впрямь «из груди», от самого сердца. Глубинность, интимность чувствований силой таланта может быть поднята до высокой гражданственности. И нет любви к человеку, к природе, которая исключала бы борьбу.

Кайсын Кулиев, поэт с тончайшим слухом к дыханию гор, камней, ветра, родников, удивительно мягок и добр к человеку, ко всему сущему на земле. Но доброта эта очень естественно и плавно переходит в спокойную суровость и строгость, когда поэт атакует зло. Зов поэта несет в себе не риторическую напыщенность, а спокойный голос разума и опыта. Таково единое русло лирического и гражданского начал в поэзии Кайсына Кулиева.

Мир поэзии необъятен. Ее возможности поистине неисчерпаемы. А какие силы таят в себе специфика таланта, его направленность и оттенки?! У нас до сих пор дает знать о себе та инерция, при которой поэтов делят на «быстро откликающихся» и «не быстро...». Первым, как правило, отводят роль как бы «аккорда дня», носителей «высокой тональности», «гражданственности». Между тем одно из лучших стихотворений о Ленине в татарской поэзии последних лет написал тончайший лирический поэт Сибгат Хаким, удостоенный недавно высокого звания лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького. А его широко известные поэмы «Дуга», «Заповедь»... Они сотканы из лирики, из нежности, однако дышат той же высокой тональностью, естественным пафосом. Они гражданственны!

Вспомним о другом татарском поэте — Хасане Туфане, его ветрах, тучах, дожде и той трепетной ниве, которая будто понимала его родной язык. Образы Туфана несут в себе удивительное качество, в них как бы срослись в единое целое весомость мыслей и тончайшие оттенки чувств.

Свое «высокое дыхание» есть и у известных поэтов многонациональной России — Назара Наджми, Якова Ухсая, Николая Дамдинова, Адама Шогенцукова, Ювана Шесталова, умеющих и в проникновенной лирике, и в философских раздумьях отстаивать светлые идеалы нашего времени.

Не говорит ли все это о том, что в лирике — как основной стихии поэзии — есть та гибкость, которая позволяет «гражданскому монологу» поэта зазвучать в полный голос? Я отнюдь не призываю изгнать во имя лирики все прочие ценности из поэзии. Наивно полагать, что в наш сложный век можно выразить «дух эпохи» с помощью лишь одной какой-то грани поэтического искусства. Поэт вправе, да и обязан взять себе на вооружение и размах эпоса, и высокий дух романтики, и публицистическую страстность. Здесь уместно поставить вопрос: разве иные, кроме лирики, потоки поэзии обходятся без накала чувств? Надо лишь помнить: современность и актуальность тематики никогда не давали и не дадут скидки на художественность.

В наступлении необходимы все виды оружия. Однако мы восстаем против девальвации и измельчания поэтических жанров. А если сказать еще конкретней, мы хотим, чтобы к гражданственности не прилипали ни мелкотравчатое брюзжание, ни «микроскопическая» лирика, ни бескровная публицистика. Публицистика хороша, когда она сестра подлинной поэзии, когда волнующие темы современности она решает не с помощью словесной трескотни, а поистине высокой художественной страстностью, несущей в себе чувство социальной атмосферы планеты.

Мне вспоминаются строки из ранних стихов Ярослава Смелякова, адресованные художнику:

Вы увидели зеленый
и увидели кусок
голубой летящий
И, седые брови опустивши,
вы не увидели человека...

Творчество самого поэта обращено именно к человеку. Способность во всем увидеть человека с его делами и думами подняла поэзию Я. Смелякова до вершин художественной правды и гражданственности.

За более чем полстолетия Октябрьского века у нас создана удивительная по своему качеству поэзия, несущая в себе и страсть бойца, и вдохновение созидателя. От Маяковского и Блока до лучших поэтов наших дней ярко прослеживается нарастающая мощь гражданственности. К актуальнейшим проблемам современности повел своего лирического героя А. Твардовский в поэме «За далью — даль». В даль народной жизни, в даль, которую трудно объять даже мысленным взором, идут со своими поэмами Борис Ручьев и Василий Федоров, Евгений Винокуров и Роберт Рождественский. На зов времени отозвалась гражданская поэзия Людмилы Татьяничевой, Евгения Долматовского, Михаила Дудина, Егора Исаева, Михаила Луконина, Сергея Наровчатова...

У нас в Башкирии отчетливее зазвучали голоса молодых поэтов. Двое из них — Асхаль Ахметкужин и Мухамед Ильбаев, выпустившие первые свои книжки, — сделали серьезную заявку на право говорить от имени поколения. Эти очень разные по манере поэты поразительно близки по духу. Истоки творчества Мухамеда — в фольклоре, народном быте. Асхалю также близки традиционные образы, наши национальные узоры. Но, в отличие от Ильбаева, он более чуток к голосам «большого мира», к опыту инонациональных мастеров.

Подлинная поэзия начинается там, где возвышается человек. К сожалению, иные молодые поэты нередко забывают эту истину и увлекаются поисками сногсшибательных деталей, антикварным материалом седой старины, формальной игрой в звуки.

Подлинное новаторство в поэзии, мне думается, — в поиске того верного оружия, с помощью которого в единоборстве со всем чуждым побеждают наши идеи, наши духовные ценности. Это и есть наиболее смелые, отвечающие духу искусства поиски — во имя правдивого и широкого отображения современности, во имя разведки будущего.

Двадцатый век вывел человека за сложившиеся в веках рамки быта и духовной жизни. Порою даже меркнет воображение перед рукотворными чудесами, перед вдохновенным трудом наших людей. И как же поэту не определять свой путь по глазам этих людей, если он призван зажигать их сердца, вооружать их отвагой и уверенностью в борьбе за будущее.

УФА

ГЕРОЙ ТРУДА — ГЕРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ СП АЗЕРБАЙДЖАНА

БАКУ издавна и по праву считается нефтяной академией, нефтяной столицей нашей страны. В любой точке Советского Союза, где ведется разведка, разработка и добыча нефти, можно встретить специалиста, получившего первую трудовую закалку на нефтяных промыслах Баку. Вот почему очередной пленум правления СП Азербайджана, имевший в повестке дня один вопрос — «Образ рабочего в азербайджанской советской литературе», было решено провести на нефтепромыслах в Сангачалах.

Писатели приехали в Сангачалы задолго до начала работы пленума, беседовали с рабочими, знакомились с их трудом, и это явилось как бы прелюдией к большому и ответственному разговору. Мирза Ибрагимов встретился здесь с мастером по добыче нефти Вагифом Керимовым. Свой человек среди здешних морских нефтяников Имран Касумов. Хорошо известен и прозаик Гусейн Аббасзаде.

— МЫ ПРИЕХАЛИ сюда, чтобы еще более укрепить свои связи с рабочим классом, с тружениками, с героями наших произведений, — сказал, открывая пленум, первый секретарь правления Союза писателей Азербайджана **Мирза Ибрагимов**. — Счастливая задача выпала на долю литературы нашего времени, литературы социалистического реализма. С победой Советской власти, с развитием промышленности тема рабочего класса стала одной из центральных в ней.

И когда мы говорим ныне о герое нашего времени, о его высоких моральных качествах и подлинной гражданственности, то прежде всего имеем в виду представителя славного рабочего класса. Немало произведений посвятили этой теме Самед Вургун, Мехти Гусейн, Сулейман Рустам, Расул Рза, Осман Сарывелли. Нас глубоко интересуют дела рабочих, и нам радостно, что им интересны наши дела — наши книги. Художественная литература обогащает человека духовно, помогает ему жить и трудиться. Недаром лучшие герои советской литературы становятся верными спутниками и друзьями наших читателей.

— Высокохудожественное воплощение рабочей темы, — сказал в своем докладе критик **Акиф Гусейнов**, — неотделимо от знания писателем сегодняшней жизни рабочих, новых условий их труда. Невозможно создать значительное произведение, не исследуя огромных изменений, происшедших в духовном облике рабочего человека. Воссоздавая образ человека труда, писатель сталкивается с целым комплексом философских, моральных и эстетических проблем, решать которые он должен по-современному, с учетом всего того, что несет в себе научно-техническая революция.

Докладчик отмечает особенное пристрастие и верность рабочей теме писателей И. Касумова, Г. Аббасзаде, Ю. Азимзаде, Г. Сеидбейли, А. Касумова, С. Велиева, Н. Хазри. Оценивает повесть «Случай в Карадаге» Гусейна Аббасзаде, в которой автору удалось создать живые, запоминающиеся образы, и рассказ «О душе человеческой» Мирзы Ибрагимова, где ярко и художественно убедительно раскрыта жизнь, трудовые будни коллектива. Мы ощущаем биение сердец героев, узнаем те высокие нравственные критерии, которыми они руководствуются в жизни.

Анализируя роман М. Фараджоглу «На вершинах», докладчик высказывает мнение, что достоверность и правдивость изображения жизни горнорабочих в этом произведении все же не искупает некоей торопливости и сухости в передаче автором духовной атмосферы коллектива, в психологической разработке характеров. Интересный материал положен в основу романа «Испытание» Дж. Алибекова: здесь показана жизнь буровиков из Азербайджана, добывающих нефть в Сибири. Однако и тут верный замысел не получил адекватного воплощения из-за недостатка мастерства.

— Яркое изображение ведущей роли рабочего класса в нашем обществе, — подчеркнул в заключение своего доклада Акиф Гусейнов, — важная и ответственная задача, выпавшая на долю советских писателей. И нет сомнения, что они найдут новые формы, новые пути для выполнения этой задачи.

— «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Гордые, взволнованные слова Владимира Маяковского, — сказал в своем выступлении писатель Джалал Мамедов, — живут и не потеряли своего программного для писателей значения и по сей день. И нет для писателя задачи более славной и святой, чем воспевание жизни и труда рабочего человека во всей ее романтике и сложности.

Труд, жизнь, заботы бакинских нефтяников находят постоянное отражение во всех жанрах нашей литературы. Но есть, на мой взгляд, жанр, возможности которого нашими писателями используются далеко не полностью. Я имею в виду очерк — один из наиболее оперативных жанров художественной литературы. Наши очерки сегодня грешат неоправданным уходом в фактографию, излишней патетикой, поверхностной описательностью. Видимо, очерк должен носить в основном исследовательско-аналитический характер. Именно этим определяется успех лучших очеркистов — Н. Бабаева, М. Акпера, Э. Юсифоглу, А. Ализаде.

— Что греха таить, раньше писатели уделяли этому жанру больше внимания, — сказал критик **К. Касумзаде**. — Например, я недавно перечитал книгу очерков Мирзы Ибрагимова «Страна гигантов» — результат творческой командировки писателя в промышленные центры Украины в 1932 году — и будто окунулся в кипучую, бурную атмосферу первых пятилеток.

Писатель должен чаще выезжать на заводы и промыслы, приглядываться к быту рабочих, а при идеальном варианте — жить среди них. Пример писателя Видади Бабаилы, который долгое время жил в Сумгаите и создал две повести о химиках этого молодого города, достоин подражания! И не в тесной ли связи с озабочими-нефтяниками, в знании их жизни секрет заслуженного успеха произведений Имрана Касумова, в том числе и его пьес, в особенности пьесы «Человек бросает якорь», поставленной в Москве на сцене Малого театра?

— ВЫЕЗДНОЙ пленум правления Союза писателей Азербайджана в Сангачалах, — сказал в своем выступлении на пленуме секретарь Бакинского городского комитета Компартии Азербайджана **Вели Мамедов**, — одна из действенных форм совместного творческого обсуждения проблем, одинаково интересующих и рабочий класс, и писателей. Это, безусловно, хорошее дело, которое должно быть продолжено. И хочется надеяться, что встречи с рабочими найдут свое отражение не только в больших полотнах, которые могут появиться через несколько месяцев или лет. Здесь незаменимую роль призваны сыграть публицистика, оперативные выступления писателей в газетах и журналах, по радио и телевидению. Проблем много. Рабочий класс постоянно растет и изменяется. Обо всех этих процессах писатель должен рассказать широкому кругу читателей.

Нефтяники **Акиф Нагиев, Низам Пириев, Салман Саламов** рассказали на писательском пленуме о своих трудовых делах, делились заботами, говорили о том большом интересе, который вызывает у них каждая новая книга о рабочем классе. Они высказали пожелание, чтобы возникшие во время пленума связи не прерывались, чтобы писатели чаще бывали на промыслах, заводах и фабриках.

Да, никогда еще в истории мировой литературы не было такой тесной взаимосвязи между мастерами литературы и людьми труда, как в нашей стране. Но это накладывает и особую ответственность на мастеров слова. Заботой об авторитете литературы были проникнуты выступления критиков **Бекира Набиева** и **Сократа Мусаева**, поэтов **Самвела Григоряна** и **Абрама Плавника**, прозаика **Видади Бабаилы**. Писатели говорили о значении для них того факта, что разговор, посвященный столь важной теме советской многонациональной литературы, проводится в дни, когда вся наша страна готовится к XXIV съезду партии. Это и окрыляет, и ставит новые большие задачи.

Азер МУСТАФА-ЗАДЕ,
собственный корреспондент «Литературной газеты» БАКУ

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника В. Сурикова к роману Серо Ханзадяна «Мхитер Спарапет». Издательство «Советский писатель», 1971

СЛУЖБА РУССКОГО ЯЗЫКА

СПОРЫ И НОРМЫ

Л. КРЫСИН,
кандидат филологических наук

Я ЗНАЮ двух закадычных друзей, которые не расстаются вот уже четверть века. Они сблизились в школе, потом вместе учились в институте и, став взрослыми, обзавелись семьями, по-прежнему часто видятся. Кажется, все уже переговорено за долгие годы, но при каждой новой встрече они не успевают договорить, доспорить о том, что интересно и важно для обоих.

И вдруг недавно друзья поссорились — надолго, основательно. Причиной ссоры, как я узнал, был спор о... словах.

Все началось с газетной заметки. Ее автор возмущался языком, которым говорит наша молодежь, называл уродами такие слова и обороты, как *«железно», «потрясно», «дико повезло», «закадрить»*.

Один из друзей высмеял автора, заметив, что тот, видно, сам никогда не был молодым, не понимает, почему юнцы тянутся ко всему яркому, необычному — и в одежде, и в манерах, и в языке.

— Надоели им скучища школьных учебников, — говорил он, — унылая зубрежка, гладкий язык учительских объяснений, газетных статей, радиопередач. Вот и рвутся «на волю», к своему языку, который взрослым и недоступен и противен, к выразительности всех этих *«потрясно», «чувих» и «кавдрова»*.

— Да как ты не можешь понять! — горячился второй — Это слова грязные, захватанные руками воров, бандитов: это ж все полезет из жаргона уголовников. Ты не только разговоры нынешних семнадцатилетних — ты песни их послушай: и там *«фраера», «колеса»*... Только людей с куриными мозгами может привлекать такая «выразительность»!

— При чем здесь уголовники?! И *«железно»*, по-твоему, не студенты придумали?..

Не знаю, что еще говорили они друг другу, но расстались холодно, почти враждебно.

Эта история может показаться надуманной, неправдоподобной. Спор о словах? Как говорится, нам бы ваши заботы... Но *дело* не столько в словах, сколько в том, что стоит за словом.

Слово *называет* вещь, явление; оно закреплено традицией за определенным понятием. Но, кроме того, очень часто оно бывает связано с целым комплексом дорогих для человека культурных и моральных ценностей. Здесь и кроется причина эмоционального, горячего отношения к языку, к словесным новшествам...

Опираясь только на субъективные, чисто эмоциональные доводы, спорящие пытаются навязать свои языковые вкусы не друг другу, а всем говорящим. Оценки «нравится», «не нравится» при этом подкрепляются двумя-тремя соображениями здравого смысла: «это нелогично», «всякому ясно» и т. п. Выводы же из подобных рассуждений делаются недвусмысленные: запретить употреблять, искоренить, изгнать...

На первый взгляд, такая точка зрения может показаться оправданной: язык — достояние всех и каждого, это — орудие общения, без которого человек и дня не может прожить. Коль я владею языком, знаю его, я заинтересован в том, чтобы это устройство для обмена мыслями действовало как можно более четко и безотказно.

Это иллюзия. Владеть языком — не то же самое, что знать его. Различию «владеть» и «знать» в этом смысле соответствует разница между полиглотом и лингвистом: первый владеет языками, то есть умеет пользоваться их механизмами, второй знает язык, то есть умеет объяснить, *как* устроен языковой механизм, каковы его законы.

Что же это за законы? Некоторые читатели склонны подозревать лингвистов в мистификации: придумывают какие-то законы, а на самом деле просто прикрываются ими, чтобы объявить язык областью, якобы недоступной пониманию «профанов».

Но законы все-таки есть. И их тоже открывают, как в химии, в механике. Правда, они не столь императивны, как, скажем, закон сохранения энергии или второй закон термодинамики. Из них есть исключения. Но ведь и объект здесь — не материальная природа, как в естественных науках, а система языковых знаков, состоящих из «материи» (звуковой оболочки) и «духа» (смысла)...

Люди всегда стремятся сохранить языковую систему, которая в данное время обслуживает их коммуникативные потребности. Однако в языке неизбежны новшества, и они нарушают его единство.

«Охранительные» тенденции очень важны: ведь многочисленные духовные и культурные ценности, накопленные народом, имеют языковую форму (рукописи, книги, звукозаписи и др.). Чтобы передавать эти ценности от поколения к поколению, необходима целостность и преемственность литературного языка. Недаром лингвисты так любят повторять парадокс: развитие языка заключается, в частности, в том, что он все меньше развивается. «Если бы литературное наречие, — писал известный лингвист А. М. Пешковский, — изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествующего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы».

Но и противоположные, обновляющие силы не менее значимы: без их воздействия язык окостенеет и перестанет отвечать потребностям общения, которые непрерывно растут вместе с развитием и усложнением всего комплекса человеческих отношений.

В постоянном преодолении конфликта между противонаправленными тенденциями и живет язык — в этом суть его эволюции. Но борьба противоречий не дана, так сказать, в прямом наблюдении, она характеризует внутренние, глубинные процессы развития. На поверхность же выплескиваются отдельные факты, вокруг которых и завязываются порой острые споры: нужно такое-то слово языку или оно портит речь?

В спорах о языке проявляется не только различие во вкусах, в языковом опыте говорящих, но и несходство социальных позиций. Хоть мы и живем в одном обществе, говорим на одном языке (в данном случае речь идет о русском языке), социальные и биосоциальные — например, возрастные — различия людей отражаются и в их речи, и в отношении к новым словам и формам.

Отсюда, например, частая ориентация «стариков» исключительно на то, «как говорили раньше»; отсюда и другая крайность, свойственная более молодым поколениям: использовачие, а иногда и сознательное отстаивание любых новшеств, без дифференцирующей оценки их.

Но вкусовой подход, какими бы благими намерениями он ни питался, не делает «языковой погоды». Язык — объективная данность, имеющая свои законы бытования и эволюции.

«Объективная данность», «свои законы»... Нет ля в подобных рассуждениях некоей фетишизации саморазвития языка? Пусть, мол, все идет, как идет, язык сам справится со всеми трудностями...

Думаю, что нет. Признание объективности законов не означает равнодушного, пассивного отношения к языку. Хотя лингвистов иногда и обвиняют в объективизме, эти обвинения по большей части несправедливы. Еще в середине 20-х годов видный советский языковед Л. П. Якубинский писал: «Едва ли... следует сидеть сложа руки и ждать у моря погоды, полагаясь на «естественный» ход вещей (в языке. — Л. К.). Необходимо руководить развивающимся процессом, учитывая все его особенности...»

Пока еще мало трудов, в которых решалась бы эта необыкновенно сложная задача. (Можно привести как пример книгу М. В. Панова «Русская фонетика», в которой размышления о норме в области современного литературного произношения основываются на анализе внутренних тенденций развития русской фонетической системы.) Но такие труды, несомненно, появятся — значительные успехи современной описательной лингвистики позволяют на это надеяться...

Нормативная лингвистика не может существовать как наука, не имея под собой достаточно прочного фундамента теоретических и экспериментальных исследований. И в этих условиях языковое чутье и интуиция остаются очень важным инструментом лингвистического анализа, но не единственным.

ПРОЗА

ОСМЫСЛЕНИЕ МИРА

Виктор Тельпугов. «Снежные горы». Рассказы. Издательство «Молодая гвардия».

Сборник лирических рассказов Виктора Тельпугова «Снежные горы» напоминает монументальное мозаичное панно: та же монументальность целого и интенсивность цвета отдельной детали.

Вот один из рассказов — «Конь». И был тот конь великолепен: «ветер расчесывал его волнистую гриву, солнце сияло на его крутых, чуть подрагивавших боках, глаза улыбались, губы двигались — ну совершеннейший Орелик!» Этот конь, символизирующий движение, силу и напоминающий герою рассказа о его деревенском детстве, чудится ему всякий раз при взгляде на серебристо-зеленую ракиту. Тоже конь, но уже буланого Турчака, на котором носило его в молодости с эскадроном, напоминает дерево старику-соседу. В этом старик признается нашему герою, встретившись с ним у ракиты. Не было между ними глубокомысленных бесед, а только обменялись парой слов бы случайно брошенных реплик. И вот уже появился у Орелика напарник — конь Турчак, и над ними обоими проплывают облака и звезды. Завершается миниатюра признанием героя: «...уже не только звезды и облака моего далекого детства — тревожное, неискось раскроенное саблями небо Каховки и Перекопа летит и полыхает над моей головой...»

Так уверенно и в то же время внешне незаметно углубляется содержание символа, заключенного в образе воображаемого коня. А все благодаря переплели — сравнению ассоциаций двух людей вокруг одного предмета — дерева... Наглядность этого сравнения, его эмоциональная выразительность заставляют и нас сопережить ситуацию вместе с героями, осмыслить ее и обнаружить мысль, идею сравнения, а значит — и всего рассказа. Писатель не навязывает нам ее, тактично оставаясь в тени. Так вот и получается, что идея эта — преемственность поколений — вроде бы наше собственное открытие...

Тельпугов творчески подходит и своему излюбленному приему параллели. И в каком-нибудь рассказе, например «Белый гусь», все уже окажется по-другому: ситуация осмысливается самим героем, а мы, читатели, наблюдаем события и сочувствуем ему.

И во всех рассказах, заходит ли речь о войне или о природе, идем мы от восприятия простых вещей к пониманию сложных чувств и глубоких мыслей, идем мы и осмыслению мира. И в этом нашем мире, таком предметном и конкретном, все оказывается пронизано невидимыми, но живыми связями. Мир гармоничен!

Убеждает нас в этом даже и само построение сборника, в котором каждая глава является как бы фрагментом общей картины. Допустим, глава первая — это не отдельные рассказы о Ленине, а единое, целое с общим замыслом... Автор обращается к образу Ленина, выкристаллизовавшемуся в легенде. И трудно докопаться — да и стоит ли докапываться! — где Тельпугов находит готовую легенду, а где создает ее сам. Главное — писателю удается показать, что осознание образа Ленина в легендах есть, по существу, народное самоосознание. И прекрасна эта живая народная память о вожде... А как неизбежно и убедительно в этих рассказах-легендах выявлена идейная прочность характера советского человека!.. И хотелось бы выделить первую эту главу как основной фрагмент картины, да нельзя.

Ведь мир-то гармоничен, убеждает нас автор, и все, что наполняет бытие человека, одинаково важно: и капля весны, те первоцветы, «одна-единственная, с которой начинается настоящая весна», «словить» которую удается счастливейшему человеку — школьнице Иринке; и Вечный огонь, самый-самый вечный, потому что никогда он не погаснет — рядом с ним сотни огоньков маленьких свечей, принесенных варшавянами к подножию памятника Неизвестному солдату; и даже простая солдатская ложка, которая напомнит вам всю историю войны...

Ф. ЛЯШЕВА

СУДЬБА РАЗВЕДЧИЦЫ

Ю. Стрехнин. «Есть женщины в русских селеньях». Издательство «Советская Россия».

У каждого писателя есть своя, заглавная тема в творчестве. Для бывшего фронтовика Юрия Стрехнина такой темой является героика простых советских людей, которые вынесли всю тяжесть большой войны, которые своим ратным трудом добывали тяжелую победу над жестоким и сильным врагом. В своей новой повести Юрий Стрехнин остался верен своей излюбленной теме.

Книжка открывается фотоснимком его героини, которую он открыл, о которой написал повесть. Не фотоснимке — заведующая читальным залом районной библиотеки в селе Заокское Александра Александровна Купешова. Простое русское лицо, гладко зачесанные волосы, высокий лоб, мягкие, приятные черты, умные, задумчивые глаза... Когда началась война, Саша Кулешова заканчивала первый курс Тульского педагогического института.

Автор находит правдивые, задушевные слова, чтобы рассказать читателям о массовом и благородном порыве советских парней и девушек в те военные годы, рассказать о вещах, тогда само собой разумевшихся, — раз война, значит, каждому надо быть там, где решается судьба Родины. Каждый должен найти свое место в борьбе. Это и есть чувство патриотизма.

...И вот село Рогозцы стало прифронтовым селом. Охваченная сомнениями, еще не уверенная в своих силах, недавняя студентка все же соглашается стать секретарем райкома комсомола. А район уже перерезан фронтом, половина его занята немцами. Там комсомольцы работают в подполье. И вот первое задание: Саша Кулешова переходит фронт, чтобы установить связь с подпольщиками-комсомольцами. Она пробирается из села в село, впервые видит немцев и впервые с докладом о своей работе приносит сведение о расположении германских войск.

А потом — новое задание, новый переход через линию фронта... В военную разведку Саша пришла через подпольную комсомольскую работу.

Двенадцать раз выбрасывалась Саша Кулешова из самолета на парашюте. И там, где приземлялась разведчица, взлетали в воздух железнодорожные мосты, взрывались германские штабные здания, а эфир неслись позывные ее радиостанции — шифрованные радиограммы передавали советскому командованию обо всем, что происходит в расположении противника. Она бывала то беженкой, то местной деревенской девчонкой, то невестой штабного немецкого офицера (тоже советского разведчика).

Но в работа во бывали не только успехи. Враг, с которым приходилось бороться, был опытен и осторожен. Не раз жизнь разведчицы висела на волоске, ее выслеживали, бросали в застенки, водили на расстрел, пытали, и только стойкость, находчивость, дерзость спасали ее от гибели.

Повесть о девушке-разведчице, вышедшая в серии «Люди Советской России», несомненно, привлечет внимание читателей. Юрия Стрехнина следует поздравить с успехом. Жаль только, что книжка эта вышла ограниченным тиражом, а у нас ведь миллионы и миллионы комсомольцев такого же возраста, как Саша Кулешова в годы Отечественной войны.

Юр. КОРОЛЬКОВ

АВТОР РОМАНА — КРИТИК

Серги Чилая. «Екатерина Чавчавадзе». Хроника. Авторизованный перевод с грузинского Э. Фейгина и Б. Гасса. Издательство «Советский писатель».

Известный грузинский ученый, литературовед и критик Серги Чилая обратился к новому для себя жанру. В его первом романе-хронике «Екатерина Чавчавадзе» многое обращает на себя внимание читателя. И прежде всего — образ главной героини Екатерины Чавчавадзе, которой суждено было, как свидетельствует история, стать выразительницей передовых веяний своего времени. Она принадлежала к числу тех немногих людей, чьи биографии связаны не только с жизнью их ближайшего окружения, но и с историческими судьбами всей страны, ее настоящим и будущим. В семье Чавчавадзе, в среде лучших представителей грузинского общества прошлого столетия решалось, как пишет автор, «какой путь должна была выбрать Грузия, что должны были предпринять грузины, чтобы спасти родину».

Блестящая светская красавица, дочь выдающегося деятеля грузинской культуры А. Чавчавадзе, сделавшего свой дом «мостом» для сближения с многими светлыми умами России, жена правителя Мингрелии, Екатерина показана писателем передовой женщиной, дочерью своего народа, но вместе с тем в ней есть и черты сословно-классовых противоречий. Эта сложность, многосторонность делает характер героини объемным и убедительным. Динамичность образа нарастает от сцены к сцене. Мы видим ее рядом с сестрой Ниной, оплакивающей убитого Грибоедова, видим ее светлой музой великого грузинского поэта Николоза Бараташвили, правительницей одного из княжеств и бесстрашной вентильницей, с оружием в руках выступившей против вторгшегося в Грузию Омар-паши, видим ее в отношениях с представителями грузинского и русского «высшего общества» и с предводителем крестьян-повстанцев Уту Микаев.

Художественная специфика жанра романа-хроники продиктовала своеобразный стиль произведения. В нем документальность изложения, строгое соответствие историческим фактам сочетается с беллетризованным повествованием. Биографии реальных исторических личностей становятся как бы сюжетом произведения, история — его композицией.

В романе С. Чилая описывается драматический период в жизни Грузии XIX века. «География» произведения захватывает Тбилиси и Мингрелию, Петербург и Париж. Всесоюзный читатель получает возможность познакомиться с новыми для себя фактами и документами. Свободное владение материалом обусловило успех автора, обеспечило книга популярность.

Георгий НАТРОШВИЛИ

РЯДОВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Юрий Усыченко. «Шхуна «Зора». Документальная повесть. Издательство «Маяк». Одесса.

«Через дымку десятилетий,— пишет в своей новой книге Юрий Усыченко,— люди эти кажутся нам особыми, кованными из стали, выжженными огнем бита и ненависти. А были они простыми парнями с широкой душой и мужественным сердцем, любящими жизнь во всех ее проявлениях и готовыми ради жизни—на смерть. Относительно будущего иллюзий не строили: тюрьма, каторга, казнь,— и мало кому удалось дожить до преклонных лет».

Они, эти чудесные парни, побратались под алым знаменем революции и сохранили ему верность до последнего удара своего беспокойного сердца. Им были чужды низменные страсти и желания. Определяющим началом их деятельности стали думы о народном счастье.

Этот лейтмотив является стержневым в новой книге Юрия Усыченко и наиболее полно раскрыт в повести «Шхуна «Зора». На ее страницах оживают полузабытые события революционных бита периода первой русской революции. Самодержавию удалось разгромить декабрьское вооруженное восстание 1905 года. Царизм праздновал победу. Буржуазные историки и социологи, продажные борзописцы порочили революционеров, твердили о вечности и непоколебимости «дома Романовых».

А жизнь ставила на повестку дня новые вопросы. Владимир Ильич Ленин, партия большевиков делают трезвые выводы из уроков московского вооруженного восстания, сплачивают свои ряды, готовят народ к новому штурму царского самодержавия.

Именно в этот период, в декабре 1906 года, по заданию Владимира Ильича через болгарский порт Варну транспортируются оружие, боеприпасы, марксистская литература для русских революционеров. Руководит этой сложной и опасной операцией профессиональный революционер М. М. Валлах-Литвинов — впоследствии один из первых народных комиссаров иностранных дел молодого Советского государства. Он устанавливает связь с болгарским подпольем, снаряжает шхуну «Зора» и отправляет ее к русским берегам Кавказа.

Десять человек — представители различных национальностей — образуют единый, сплоченный, верный ленинскому делу отряд. Вот капитан шхуны «Зора» — бывалый моряк, профессиональный революционер А. С. Квютенко. Поражают его выдержка, уравновешенность, понимание своего великого долга перед революцией. Под стать ему судовой механик Август, матросы Ян Словацкий, Леонид, Томутров. Особое место в произведении занимает образ Семена Аршакоевича Тер-Петросяна — человека героической и романтической биографии, любимца Владимира Ильича — легендарного товарища Камо.

«Шхуна «Зора» — историко-документальная повесть. В ней щедро использованы архивные документы, протоколы дознаний, материалы следственных органов.

Тема интернационального единения трудящихся посвящено также и другое произведение книги — драматическая повесть «Старая мансарда». Писатель говорит в ней о преемственности поколений в революционной борьбе.

В центре повести — судьба большевика-ленинца, командира Первого интернационального отряда имени Карла Маркса и Фридриха Энгельса — болгарина Йордана Тодорова. Писатель ведет своего героя многотрудными жизненными путями. Тодоров учится в России, находит здесь свое личное счастье, приобщается к революционной борьбе. Россия становится его родиной. Ей, ее свободе и независимости Йордан Тодоров отдает всю свою жизнь.

Повесть «Старая мансарда» оригинальна своим композиционным и сюжетным построением. Повествование в ней чередуется с динамичными монологами, беседе профессора Гордиенко со своими воспитанниками прерывается реальными жизненными картинами конца прошлого века, периода гражданской войны и наших дней. Все это подчинено одной цели— воссоздать судьбу людей революционного долга.

Ив. ДУЗЬ

ПОЭЗИЯ

ПРОЧНЫЕ КОРНИ

Леонид Шкавро. «Прилетайте, аисты!» Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск.

Давно и пристально я слежу за поэтическим творчеством Леонида Шкавро. Его стихи привлекают вниманием своей прочной, неразрывной связью с жизнью, любовью к рабочему человеку и, конечно же, к русской земле.

Поэт любит жизнь полно и ярко, а стихах его много солнца и воздуха, майских роз, таежных дубрав. Он умеет сказать про красоту земли точно и выразительно:

А я на все, как друг, гляжу
и, сторона густые травы,
в тайгу знакомую вхожу,
как в незнакомую державу.

В стихах — прочная кровная связь человека с землей, с родной природой. От этих простых слов приобретаешь большей уверенности и радости, чем от многих пышных, риторических, с изощренной рифмовкой, но примитивной мудростью стихов.

Леонид Шкавро наибольшей выразительности достигает в стихах о работящих, о мужественных людях Урала и Дальнего Востока. Его стихи-портреты особенно проникновенны и значительны. Поэт рисует не просто портрет рудокопа, или бурильщика, или плотогона, он создает образы людей, занятых «державным» творческим трудом, без которого немыслима сама жизнь. Характерны в этом отношении стихи «Плотогонычь».

С вересковою зеленой
хворостинкою во рту
восседает Плотогоныч
и державит на плоту...
где от нового причала
отступила тишина...
Города берут начало
с корабельного бревна.

Вот этим осмыслением державного труда рабочего человека и дорого мне поэзия Леонида Шкавро. Кстати, сам поэт постоянно живет в центре стального, золотого, алмазного Каменного пояса земли русской, герои его стихов работают бок о бок с ним.

Поэт растет от сборника к сборнику, поэтому мне нетерпима даже маленькая его небрежность. В сборнике есть стихи незначительные по теме, вялые по чувству, слабые по мастерству. В таких стихах все несвойственно Леониду Шкавро: мысль, настроение, ритмика, образ. Исчезают точные слова, свежие краски, образы без отборе черпаются из литературных источников. И как результат надуманности: «снега... ложатся мягкими боками февралю на жесткое крыло», «пчела над фиолетовой гречихой моторчик снова завела», тогда рифмуются ельника—можжевельника, земляникою—ежевикою, появляются «свет-ромашки», «кудри вереса», обоймы коровьих сосков и прочий, невзыскательный поэтический витраж.

Подобные стихи — издержки поэтического роста. Закончу этот краткий отзыв тем, с чего начал: всегда радостно следить за продвижением вперед талантливого, интересного для тебе поэта.

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

«У КРАЯ СТРОК»

Николай Тарасов. «Лирика». Издательство «Молодая гвардия». «Белые мосты». Стихи. Издательство «Советский писатель».

«И, вся еще спортивный журналист, я тихо ухожу со стадиона», — этими строками заканчивается книга стихов Николая Тарасова «Белые мосты».

Вот он покидает стадион... Мы знакомимся с поэтом. Пыл и азарт спортивной борьбы все-таки не уходят из строк, и, воскрешая в памяти город своей юности, Ленинград, он видит неповторимую «площадей открытую игру». И, конечно, только журналист мог бы однажды увидеть, как «самолет подписывал к печати пространстве просветленные листы».

Впрочем, все это внешние приметы, для знакомства. Для знакомства и фотоснимок, помещенный в книгах Тарасова: моложавое лицо человека, которому, однако, давно за сорок. Но и это, наверное, не столь важно. «Возраст поэта — величина постоянная». Пока поэт пишет, пока его стихи — повязи, сам он — молод», — говорит Александр Межиров в предисловии к «Лирике» Николая Тарасова.

Важно вот что: в стихах поэта, впервые собранных в двух тоненьких книжках, есть неподдельное внутреннее «пение» души, внемлющей и откликающейся нашей эпохе.

Время глухо зенитками било...
Паровозы дрожали во мгле...
Шла война...
Это все-таки было
и с тобой
и со мной
на земле.
Мне сегодня из прошлого прислан
привкус дыма
и пристук ладош.
Назови мне
какой-нибудь признак —
или след,
или снег,
или дождь!

«Ты мне кажешься горестно близкой», — повторяет он не раз отзвучавшие слова, вспоминая ему одному ведомую ночь на станции Лиски в сорок третьем году, ночь, от которой он хотел бы сберечь «или след, или снег, или дождь». Но оживает не только та ночь, оживает незабываемое время, подвиг народный. Вроде бы и были уже сказаны об этом чьи-то похожие слова, но чувство, но интонация... Какая нищая и грустная беспомощность, но не стихов, а памяти, стремящейся вызвать прошлое «по таинству следа»... И оттого — прибывающее к нам теплея и сильная волне связи времен, людей, добрых чувств. «Это все-таки было и в тобой и со мной на земле».

Так в том же книги Николая Тарасова! О войне! Да, и о войне, о «городе горя», и о радости возвращения жизни, и о путешествиях по свету, которых немало выпало на долю спортивного журналиста. Но не этим перечнем тем определяется своеобразие стихов Тарасова. В лучших стихах поэта, говоря его же словами, «запоминаются не строки, а вспышки чувств у края строк». Это не значит, что у него нет крепко сбитых и эффектных строк, строф и фраз, но они-то внутренне наименее интересны. Вот броский эпиграф: «Полоска солнца у подножья храма. И наугад летящая строка! И гибнет гипс. И возникает мрамор. И в караул становятся слова. Вот демонстрация воли и уверенности: «Пусной других имея ташит слева! Я засучил по локоть рукава. И стих пошел. И нету творца сплава. Не жизнь и смерть отлитые слова».

Внимательное чтение первых книг Тарасова убедило меня в том, что он то и дело идет по краю придуманного сочинительства с его обманчивой легкостью и живого творчества с его кажущейся незавершенностью. Судьбе одарила поэта множеством ярких внешних впечатлений. От спорта, от строительства, от трудной военной юности пришло к нему романтическое жизнелюбие. Вы чувствуете, как приятно ему говорить стихами: «И любят нас, и судят, и корят. Но в час корриды запрещений нет. Три кварильи у ворот корраля. И в ложе появился президент».

Зато насколько естественнее, проще, значительное звучит на этом фона другое: «Вам кажется, волшебник я и маг. А я держусь о поручни трамвая и слышу, как похрустывает март, и думаю, что вывезет кривая». Мне нравятся у Тарасова не отчеканенные, закругленные строфы, — они застыли в ложнотеатральном жесте, они слишком литературны («Волнолье вольтовое дуга рвалась из темного багета то балерины Дега, то тантинкою Гогена»), — мне нравятся у него стихи словно бы незаконченные, открытые: «Все сначала. Всплеск воды а бассейна. Нету слов и снова есть слова! Это продолжается по сей день, и об этом знаешь ты сама. Все сначала. Темные аллеи. Кораблей далеких голоса. И хотя я все-таки старею — горы, море, губы и глаза».

Рядом с модными сейчас в поэзии славословиями «тишине» стихи Тарасова привлекают упованием новых свежих чувств, страстей, открытий.

Хорошо, что вышли в свет книги Николая Тарасова, давно работающего талантливого поэта, влюбленного в «Россию весенних дождей».

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДОБРАЯ ФАНТАСТИКА

Георгий Садовников. «Продавец приключений». Издательство «Детская литература».

Вместе с бурным прогрессом науки и людям пришла новая литература, которую мы сейчас называем научной фантастикой. Эта гостья беспокоит и будоражит.

Фантастика Георгия Садовникова — гостья приятная. Ее появление вызывает добрую улыбку. Герои Садовникова храбро колесят по отделенным галактикам в поисках самой совершенной девушки; на любой планете они чувствуют себя уверенно. Конечно, героев подстерегают всевозможные опасности. Хитрюге Барбар заманивает корабль на планету хватунов — его старания можно понять: ведь если путешествие пройдет без сучка и задоринки, оно быстро кончится, а это немного росно. Три простодушных толстячка, которые рыскают на ручной комете, мечтают организовать какой-нибудь «стр-рашный» заговор — им уж очень хочется прослыть отчаянными парнями. Действительно, что может угрожать нашим героям: они стремительно перемещаются по времени и пространству, а если космический корабль вдруг начинает чихать (это Барбар заразил его вирусом гриппа), то кораблю дают солидную порцию сульфодимезина, и нежелательная вибрация сразу прекращается. Правда, однажды героям приходится тяжелевато: они попадают в мир, выдуманный плохим писателем Помсом. Но ничего, все кончается благополучно, и, кстати, командор корабля, прославленный астронавт Аскольд Витальевич, заранее знает, что все образуется, главное, не мешать и не торопить события.

Я не хочу здесь пересказывать содержание новой книги Садовникова, но отмечу только, что «Продавец приключений» с космической скоростью исчез с книжных прилавков. Успех книги у читателей вполне объясним. Тонкий юмор и буйная авторская фантазия одинаково захватывают и взрослых, и детей, забавна умелая ненавязчивая пародия на привычный фантастический антураж. ...Остановилась машина, шофер никак не может исправить зажигание, и тогда кот Мауке начинает урчать, и мотор снова заводится. Ведь от чего мотор работает! От шума. Вот эта нарочитая абсурдность, которая, бесспорно, идет от Кэрролла, от «Алисы в стране чудес», на самом деле не игра в бессмыслицу. Это прием, который учит человека свободно мыслить, преодолевать общепринятые штампы. Садовников как бы говорит своим читателям: не надо бояться будущего, в конце концов человек все устроит самым наилучшим образом, и как бы ни была загадочна природа, человек подчинит ее себе — в бескрайних просторах Вселенной он будет чувствовать себя, как дома.

Анатолий ГЛАДИЛИН

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Юрий Дмитриев. «Города-герои». Издательство «Малыш». «Пароль «Пусть живет!». Издательство «Молодая гвардия».

Две книги Юрия Дмитриева — очень разные и по содержанию, и по стилю, и даже по оформлению. И все-таки мне хочется написать о них не порознь, а именно в одной рецензии.

Первая — суровая и мужественная, я бы назвал ее книгой-солдатом. Автор рассказывает о всех наших городах-героях и о геройской крепости Брестской. Это главные герои в его книге. Автор избрал верную и интересную тональность — у каждого города, если так можно сказать, свой «характер», свой образ: веселая и остроумная Одесса, строгий и подтянутый Ленинград, певучий и лиричный Киев.

Строгим, лаконичным и в то же время образным языком Ю. Дмитриев рассказал ребятам и о прошлом, и о настоящем этих городов. И, что особенно привлекательно, дел, на мой взгляд, яркую и достаточно полную картину подвигов городов-героев.

В книге множество фотографий. Не все они, как мне кажется, одинаково удачны, но лучшие из них выразительны и органически связаны с повествованием.

Вторая книга Юрия Дмитриева «Пароль «Пусть живет!». Ее герои— ребята, для которых война уже далекое прошлое. О войне они знают по книгам, кинофильмам, рассказам дедов и отцов. Но ребятам мало слушать и читать о подвигах — они сами хотят совершить что-нибудь героическое, а вместо этого их отправляют на дачу, заставляют отдыхать и «набираться сил». Не такое, чтобы сидеть на даче, Мишка-Академик — главный герой. То и дело у него рождаются идеи, которыми он тот же час делится с товарищами. И вот мальчишеская «экспедиция» отправляется на поиски неведомого белого бобра, создается Комитет Защиты Грачей, разыскиваются растения-рудоуказчики, целебные травы, проводится «операция «Птица». И все это — не во имя корысти, а во имя добра, во имя того, чтоб людям жилось лучше, чтоб «жило все красивое, доброе, светлое».

В книге «Пароль «Пусть живет!» собраны три повести о природе, ее друзьях и врагах. Да, и о ее врагах. Перед читателем проходят и те, кто вольно или невольно губит природные наши богатства, и те, кто отдает весь жар души делу защиты и любовного бережения этих богатств. Но в книге есть и другое — огромный познавательный материал, настоящая поэтичность и добрый, теплый юмор. Все это пронизано, связано острым, динамичным сюжетом. И очень убедительно. Убедительно потому, что сюжет носит не условный, а служебный характер. Он, как это и должно быть в художественном произведении, — стержень повествования. И еще потому убедительна книга Ю. Дмитриева, что автор живо выписал характеры мальчишек и девчонок. Слабее получились у него характеры взрослых. Возможно, потому, что взрослые почти не действуют в книге, им отведено меньше места.

А теперь я вернусь и тому, с чего начал: почему мне хочется сказать об этих двух таких разных книгах вместе!

В первой книге автор рассказывает, как, обливаясь кровью, сражались города-герои, как стояли насмерть их защитники. Они сражались, умирали и побеждали во имя всего того, о чем рассказывает Юрий Дмитриев во второй своей книге: во имя того, чтоб шумели леса и смеялись дети, во имя всего прекрасного, во имя жизни!

М. ВОДОПЬЯНОВ,
Герой Советского Союза

МЕМУАРЫ

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Илья Шнейдер. «Записки старого москвича». Издательство «Советская Россия».

Имя И. И. Шнейдера, старого журналиста, бывшего в свое время руководителем школы танца Айседоры Дункан, лично общавшегося с Сергеем Есениным и переписывавшегося с ним, известно читателю по книге воспоминаний «Встречи с Есениным».

В новой книге И. Шнейдер воскрешает встречи с выдающимися деятелями отечественной и мировой культуры. Вот некоторые из этих имен: А. Луначарский, В. Маяковский, Ф. Шаляпин, К. Станиславский, Анна Павлова, А. Дункан, А. Нежданова, А. Вертинский...

В разные годы с одними из них мемуарист сотрудничал, с другими — дружил, с третьими — был просто знаком.

Человек наблюдательный, И. Шнейдер рисует живые портреты тех, с кем свела его судьба.

Автор страстно и убежденно опровергает лживые легенды, досужие обывательские вымыслы, так часто сопутствующие жизни людей выдающихся.

Он говорит о том, как гибнет талант, порвавший с взрастившей его родной почвой... Волею звучат слова мемуариста о гении Шаляпина, уехавшего за границу и шестнадцать лет метавшегося с гастролями по всему земному шару, «угождая богу злата» и растрачивая драгоценные исполинские силы.

С искренним сожалением пишет И. Шнейдер о печальной судьбе Н. Плевицкой, некогда популярной исполнительницы народных песен. «Не понимая революции, политически неразвитая, Плевицкая металась, тоскуя по родине...»

Но книга — не только о людях, чьи имена связаны с искусством. В ней — приметы целой полосы русской жизни — с начала 900-х годов до первых лет Советской власти.

О быте и нравах буржуазного газетного и журнального мира, о засилье развлекательных, низкопробных и порнографических пьес, особенно в мелких театрах конца XIX — начала XX века, о рутине министерства императорского двора, ведавшего репертуаром императорских театров, рассказывается в ней. Автор сообщает нам много нового и любопытного, говорит как очевидец, много лет сотрудничавший в различных периодических изданиях Москвы и помещавший в них театральные рецензии.

Книга И. Шнейдера — не дневник, а мемуары, притом написанные в наши дни, выверенные временем.

Мемуары эти ведут читателя от старой (конец XIX столетия) Москвы и людей, что жили и творили в этом городе, до Октябрьской революции.

«На моем жизненном пути засверкали иные огни, застучали переводные стрелки, блеснули убегающие в другом направлении рельсы, и жизнь покатилось по ним...»

Жизнь, богатая событиями, встречами с яркими, одаренными людьми, жизнь, рассказ о которой будет, я думаю, интересен читателю.

В. ВДОВИН

НЕСМОЛКАЮЩИЕ КЛАРНЕТЫ ПОЭТА

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ПАВЛА ТЫЧИНЫ

■

1914 г.

...А облака все плывут, плывут. Как большие корабли, подняв паруса — блестящие, опухлые, — плывут они в голубом небе гордо, торжественно, плывут на родные села, на степи далекие, чтобы там росою упасть на рассвете, чтобы где-то поплакать над лесом.

Хотел бы и я унестись за ними; встретить солнце за горами, изведать ласку ветра на просторе.

Я так давно уже не видел поля. Я так давно уже не слышал, как перед бурей шумит дубрава, а дождь ополаскивает корни. Ах, тогда так вольно дышит грудь! Радуга пестрая мостик перебросит между небом и землей; ку-ку! — отзовется хрипло где-то кукушка, а дождевой червяк уже начнет сновать по тропинке узором: туда, сюда...

КИЕВ

■

15.XII—23 г. Вечер. Ночь.

Читаю о Хафизе. Немного деловато, четырнадцатый век, однако понемногу образ познаю, нахожу общее. И я ведь в монастыре жил.

Ассоциация. Отчего это так: например, Пушкина, Шевченко — я так близко чувствую, как никого? Вот если бы зашел ко мне кто-нибудь из них — ей-богу, нисколько не удивился бы. Вот было бы лобызаний — приветствий и разговоров, разговоров без конца... Сегодня утром, перед тем как идти в редакцию, я раскрыл «Кобзарь»: «Чума с лопатою ходила». Почувствовал силу и простоту поэта, почувствовал человека и гражданина. Ходил по казенной грязной хате. Прислонялся к стенам и сквозь закрытые глаза видел прах Тараса Григорьевича...

— Тарас Григорьевич! Друг мой, товарищ Тарас Григорьевич!

■

Май 1925 г.

Письмо.

Вместо приветствия.

В день (пятилетнего) юбилея газеты «Вісті» вместо приветствия — весь свой гонорар в размере 500 (пятьсот) рублей за повторное издание моих книг «Солнечные кларнеты» и «Плуг» передаю на культурные нужды с. Пески Нежинского округа.

П. ТЫЧИНА

■

13.X—34 г.

...Первую половину жизни творить, а вторую молчать? Нет, я так бы не хотел. Наоборот. Первую половину своей жизни молчать, а вторую — творить, о, это совсем другое дело. Тогда и само молчанье становится оправданным, творческим.

■

1934 г. На I съезде писателей.

Иван Кулик представил меня А. М. Горькому, когда тот уже сошел вместе с другими с трибуны в комнату президиума. А Горький сразу же познакомил меня с Марией Ильиничной. Сестрой Ленина, стоявшей здесь под руку с какой-то женщиной...

Так что я недолго поговорил с А. М., чтобы не задерживать его. Но на все время оставалась в душе моей радость большая, что я познакомился с сестрой Ленина.

■

1934 г.

Харьков меня подковал и воспитал, и потому я возвращаюсь в Киев уже совсем другим.

...Первые мои слова в Киеве будут о Харькове. Это бестактно? Но я должен сказать: благодарю тебя, Харьков, что я, старый киевлянин, поработав в тебе, теперь возвращаюсь в Киев совершенно другим.

Я — гражданин славного города Харькова.

И еще нет и месяца, как я делал свой депутатский отчет перед избирателями з Харькове.

■

11.IX—35 г. Гагра

СЕГОДНЯ И СОЛНЦЕ, И НЕБО

Позавчерашнего шторма как не бывало. Только покачивание еще происходит изредка под водой, широко выталкивая на пену катящуюся волну. И не каждый курортник рискнет на несколько метров вплавь отойти от берега. Они ложатся просто животом на мокрые склоны и ждут, чтобы хоть пена великого водного целого да обдала их щедро: пене сердитая, цыркает; пена рыхлостью просоленная, вечно стекающая, текучая...

Сегодня у нас как целые моря — наука и искусство. Только кое-кому не все еще ясно, а может, просто мозгов не хватает: постичь, уловить тот нечастый, но широкий ритм завоеваний и изобретательства и разгадок. И не каждый из научных работников рискует вплавь отойти от берега. Они ложатся просто животом на размытый склон и ждут, чтобы хоть пена великого целого (научной системы) да обдала их щедро: пена сердитая, цыркает; пена математическими выкладками просоленная, вечно стекающая, текучая...

■

1.II—40 г. 12 часов дня

В кабинете моем и тихо, и бело. Едва-едва солнце из-за туч... С улицы — гудок сирены слышен: звук отражается эхом в дома, что справа и слева, и потому он кажется где-то там на морозе, каждую секунду доточенным, передразненным, удвоенным.

Как хорошо после утреннего чая работать в кабинете! Еще полно сил в тебе, и настроения, и желания. И ничто не мешает углубиться в работу — ни рубка звонким ломом сухого льда на тротуаре, ни беспорядочное постукивание в стенку соседней квартиры, ни повторяющиеся каждые пять минут вызовы меня к телефону. В телефонную трубку говоришь, а глазами другое думаешь, — потому что вот здесь, возле книжки телефонной, лежит часть настенных часов. Это Оксана забыла взять с собой. Возвращаешься в кабинет и продолжаешь об этом думать дальше. Ну что ж, сказали мы Оксане, бери, возьми, пожалуйста! Жаль только, что они без гири. И вот Оксана взяла их с собой: идут они у нее или нет — не знаем.

Однако мысль от часов уже переходит к мысли об изнашивании механизма.

Сегодня день похорон Саши. Износился тончайший механизм дорогой горбатенькой сестры моей Саши — и нет.

Уже девять зим, как нет. А Мамонтове* тело еще, видно, лежит в гробу сегодня, прямо сейчас, в Харькове (то ли в клубе, то ли в больнице), и каждый из его друзей, из близких думает, стоя в карауле у гроба: ну что бы стоило еще одну какую-нибудь привесить этому организму гирю — может быть, еще шел бы он, как эти самые часы! Ан нет — ...оказывают помощь тогда, когда уже человек на столе лежит, — ну не смех ли?.. Вот так и с каждым из нас может быть. Меня не смерть пугает, а старость. Забудут где-то на столике одну из твоих творческих гирь твои же прекрасные друзья — и ты уже творчески неживой.

И будут тебя, как и нашу Сашу, малейший стук в соседней квартире и сирены громкие бесконечно раздражать. О, механизм, тончайший человеческий нестойкий механизм! О, медицина гордая, а все же пустопорожне дребезг!

Фу на тебя, наука, если ты не в силах помочь человеку. А впрочем... может, в этим самым против извечного кругового движения восстаю, движение в природе!

...В кабинете моем и бело, и тихо.

■

20.IX—40 г. Кисловодск

Лида болеет немного — вынуждена лежать в постели. Я пошел в библиотеку и взял ей третью книгу дневников и писем Льва Толстого. Вот уж кто знает этого деда! А мне еще придется как следует его изучать. Для сравнения с Сковородой и вообще — для себя.

■

25.IX—40 г. 8 ч. утра

Железо выбивают где-то на соседнем дворе, и оно звенит охотно — высоко-высоко, с обертонами, никак не жалуясь на удары. Если бы я был железом — пусть бы жизнь била по мне молотком, а я бы звенел себе высоко-высоко, да еще с обертонами!

■

23. IX—40 г.

С Шовкуненко* — я и Лида: ездили мы в Пятигорск. Большое впечатление от всего того, что я там видел. А Эльбрус уж так открылся нам, как никогда. Хотя мы дальше от него отъехали, а не приблизились. Вот так же и с классиками: чем они дальше от нас — тем они сияют величественнее.

■

1942. 9.IX (по дороге в Москву)

ВАГОННЫЕ МЫСЛИ...

Хоть какой маленький ров с водой, а раз через него проходит железная дорога, значит, мост все равно нужен большой. Такова уж природе железной дороги.

Так и с большим талантом, как только что-то мелкое стенет на пути его совести. Ух! Целые мосты в душе его тогда возводятся, целые переправы.

■

...Хотел не остановке на солнце выйти, и даже совестно стало. Вагонные висячие ступеньки с наружной стороны дверей полностью заняты пассажирами — да не такими привилегированными, как мы здесь (не весь вагон 5 душ человек), а несчастными, не такими, которые балуют жизнь, а недобалованными, возможно, уже с самого детства; и, как живые, перед глазами отец и мать встали и, пригрозив пальцем, будто бы и сейчас мне говорят: «Никогда не забывай, Павлусь, что ты и сам из бедной семьи...»

А жизнь — она такая: и может баловать, и нет...

■

Апрель 1943 г.

...И голос у нее строгий, как стены поликлиники.

■

10.IX—43 г.

Я всегда хуже понимаю то, что недвусмысленно сказано.

■

8.X—46 г.

В послеобеденный перерыв, чтобы не спать, Лида ушла далеко в парк, а я, сбросив рубашку, до половины голый, хожу по балкону и перечитываю еще раз материалы о Веселовском бое. Море шумит, не унимаясь, волны далеко-далеко пеной заходят не берег, словно стелют из тончайшей материи скатерти, которые тут же без следа и исчезают...

Прочитав напечатанные на машинке материалы Безимы, я беру книгу Ковпака «От Путивля до Карпат».

Страшно меня увлекают материалы, хотя они скупы даже слишком!

...Зажмурив глаза, я представляю село Веселое, по которому ходил я вместе с Базимой, то место, где был ранен Руднев, ту хату, где он лежал, облитый кровью.

Можно ли все это возродить в произведении? Ведь и о живых писать тоже придется...

...Море смело бросает не берег пенистые валы. Потому что оно на знает сомнений. Потому что оно могучее.

О, нет, это тоже не так. Море тоже не каменное.

■

6.VIII—50 г.

Нельзя любить Правду больше, чем Человека, ибо сама Правда и предназначена для Человека.

■

8.IX—58 г.

Как раз когда я мучался над началом стихотворение о 9 сентября* — я, чтобы дать мозгу немного отдохнуть, взял дочитывать «Вольницу» Ф. Гладкова из «Нового мира», № 8, 1950 г., и вот на стр. 169 я вдруг остановился на слове «кассетки»...

И я отложил журнал и взял бумагу и карандаш и начал свое стихотворение:

Ластівною дружби...
(Ласточкою дружбы
все мы и вам летели...)

КОНЧА-ЗАСПА

■

В ночь с 13.IV—на 14.IV—54 г.

(Другую работу какую-то делал, а об этом вспомнилось — и вот написал.)

Меня ругали и продолжают ругать за мой цикл «В космическом оркестре». А тем временем никто из критиков не представляет, как я написал его...

...После того как столице переехала в Харьков, тесно мне стало в Киеве. К неоклассикам я не ходил. Ни разу! Киевский филиал «Литературно-Научного Вестника» с ее старыми гражданами абсолютно чужим был для меня, хотя я и числился каким-то там консультантом по поэзии. Несколько месяцев. Не больше. Журналы из Харькове привозили к нам в Киев раз в месяц. Иногда и по почте присылали. В. П-к изредка появлялся в Киеве. Любил он пробирать всех за то, что мы, киевляне, дескать, отстаем от Харькове до невозможности. Всегда он косо улыбался в одну сторону и диссонансом для 20-го киевского годе всегде блестели его новенькие башмаки.

Мы, киевляне, ходили обшарпанные, проволокой прижимая подошву, чтобы не отвалилась (я и Лиде так прижимал на туфле подошву проволокой, когда она библиотекарем работала). И хотя мы были голодны — не любили мы все-таки этих подачек гоноарские из Харькова, которые привозил нам иногда П., не только в, а и композиторы...

От голода моя любимая сестричке Наталье быстро скончалась. Моего товарища по Коммерческому институту пулеки во время поездки в села убили. А он был агитатором. Агитировал за то, чтобы хлеб государству сдавали. Мой старший брат Михайло в с. Хмельницы умер. И нашла на меня тоска, и я с революционными мотивами вырвался ввысь, над землею воспарил.

В этом моя вина. Зато а не пошел к неоклассикам. И был ао всем твердым и непоколебимым.

■

12.III—56 г.

В 9 ч. утра по радио передача.

Вторая рапсодия Николая Лысенко. Какое обрамление прекрасное — начало и концовка!

Сколько раздумий и вопросов в коротких и прямых музыкальных фразах в начале и в конце!

Это не жалоба и не печаль, а именно вопросы к жизни.

Это — философское осмысление жизни.

■

96.X—38 г.

Вчера, 15.10, перед сном взял книжку Николая Заболоцкого и прочитал три-четыре его стихотворения.

Сегодня же днем Лиде, придя из города, молче показале мне не некролог в «Лит. газете».

Выходит, что-то подсознательное потянуло меня почитать стихи Николая именно тогда, когда он уже лежал мертвым...

■

1958 г.

Далекое детство мое!..

С сегодняшних дней гляжу я не тебя, словно с горы высокой куде-то туде, вниз, вж в долину. Тем над тобой сгрудились тучи. Затмили они решительно все, но, внимательно присмотревшись, я вижу, как сквозь них пробиваются лучи солнце. Эти светлые лучи то е одном году моей детской жизни падают, то е другом году. И в восстановливаю в своей памяти: кто именно из людей, мне близких, стоит под этим солнцем возле меня, какую песню напевает над моей колыбелью, что говорит мне!

■

1959 г.

Когда именно в мои детские годы глянул из книги не меня Тарас Шевченко — не могу точно сказать. Помню лишь одно: он глянул неожиданно...

Впервые я о Тарасе Шевченко услышал в селе Пески от плотника Данила Филоновича Коцюра.

■

1959 г.

Вот осетинцы (как на северной Осетии, так и из южной). Они сидят далеко от президиума под хорами. Разговор у нас был вначале о впечатлениях от съезда партии, а потом перешли к Косте Хетагурову (в этом году его юбилейная дата). А ведь они ценят, что я редактировал на укр. Косту Хетагурова.

■

ПОДВОЙСКИЙ В КИЕВЕ

(Через него я так близко-близко Ленина чувствую.)

После парада — немного удалось поговорить с ним. А потом он ушел в сопровождении своих...

Про Ленина мне больше всего рассказывал мой учитель детства Николай Ильич Подвойский.

И вспомнилось мне место из поэмы В. Маяковского:

Товарищ Подвойский сел
в машину,
сказал устало: «Кончено...
а Смольный»...

■

1960 г.

К 70-летию.

Никто не говорит, что я в то время был рев. деятелем. Я еще ведь был юношей.

Однако в теснейшим образом связывался с революционно настроенными элементами.

Мое отношение с Ю. Коцюбинским*, тогда еще гимназистом.

А немного позже мои отношения с Вит. Примаковым**.

У Дядиченко по статистике вместе работали. Наши разговоры о том, нужно или не нужно научать санскрит. То есть вопрос стоял еще ясно: нужно ли в таков время царского самодержавие прежде всего хвататься за научение санскрите и подобных азиков, уже омертвевших, или научать новые языки, изучать все новое, чем дышит передовое человечество, которое хочет свергнуть гнет царизма.

Об отношениях Виталия Примакова к Оксане Коцюбинской*** я уже знал тогда (поженились они позже). Последний раз я Оксану встретил не Бессарабке—там, где Крещатик поворачивает на Большую Васильковскую. Солнце над Киевом пылало. Она же в блузочке красноватой (этот цвет так был ей к лицу, к черным бровям ее, к улыбке солнечной, к глазам, которые щелочкой доброту излучали...).

■

1961 г.

Я ОТКРЫВАЮ ВЕЧЕР МОЛОДЫХ

Кое-кто из них спотыкается, кое-кто еще несмелую ноту берет, но в некоторых я слышу уже будущие властные ноты сильного таланта.

■

1961 г.

Внутренний мир ребенка — слишком тонок и нежен. В этом его и сложность. И не всякий писатель может найти ходе в него. Чистое и первобытному жадное восприятие у малыше или у подростков — мальчике или девочки. На все окружающие явления ребенок смотрит широко открытыми глазами. Точно так же должен смотреть не мир и детский писатель. Но для этого следует не пригибаться в своем творчестве к детям, потому что это будет фальшью, а необходимо одно: чтобы писатель тесно сросся с детьми, чтобы он понимал каждый их шаг, каждый намек и намерение осуществить какое-то свое действие. Тогда о песнях, рассказах или стихах такого писателя заговорят семи дети. Тогда только мы и услышим их голос, их переживания. И это будет натурально. Правдиво и прекрасно.

В украинской советской литературе много работает выдающихся писателей: авторов повестей, сказок, драматургов, поэтов. И среди последних одним из самых лучших является поэт Валентин Бычко.

■

1963 г. Летом, когда болел.

Реальное осмысление того неумолимого факта, что твои лете все идут да идут, нуждается в дополнении. Это дополнение носит многообещающий, с романтической окраской характер—и звучит оно примерно так: а я ведь еще молодой! А я ведь еще много хочу дать!

То есть: огромнее жажде жизни в душе моей звучит. Откуда же идет эте жажда жизни? Прежде всего от того, что сейчас все тебе открывается для проявления таланта в значительно больших возможностях, чем это было прежде...

■

13.X—63 г. Утром, сильно болел.

Лета идут вперед, а дух своим порядком все время остается молодым. И ты продолжаешь творить только молодое. Без маленшего кашля, без бурчания!

■

1963 г.

Василь Симоненко: «Україні».

(Сб. «Зелене тяжіння», Стихотворение, изд. «Молодь», 1964, стр. 14).

Чудесно написано. Сжато, всеобъемлюще. Крылато.

У него это стихотворение идет от Шевченка, возможно, от Грабовского и безусловно от Эллена, Чумака...

■

Без даты

В КН. «КАК Я ПИСАЛ»

«В космическом оркестре» в частности, о стихотворении IX:

Хто, хто сміється у Сервілії
Кого не Кутні узило...

Неожиданно зашел вдруг ко мне на Кузнечную 107, 19, Лесь Курбас*.

Горячо говорил е моих стихах (цикл «В космическом оркестре»): «Вы мене на голову поставили! Поверьте же, ну просто-таки на голову поставили» — он все повторял.

Я не сразу понял его выражение «не голову». А это — что перевернул его полностью.

НА МАЙДАНІ КОЛО ЦЕРКВІ

Когда писал это стихотворение — всё время предо мною было мое село (кажется, самое глухое, самое темное в мире) и тот майдан, который возле церкви. Я видел, я слышал, как люди шумели: выбирали деда-чабана (теперь уже он умер, Ремоза). Я видел, как козаки отправились в путь и повернули не Хвилоновку. Там они и затихли — удалились тополи.

Последнее строфе — это серебряная белая ночь, какие бывают разве что в Норвегии. Когда писал ее — в голове стояла картина: разбрелись и матери. Тихо. Только окна нашей хаты луну отсвечивают, только могилы отце и матери сквозь церковную ограду виднеются...

■

1966 г.

С Мусой Джалилем я познакомился в Киеве на Шевченковском пленуме Союза советских писателей в 1939 году. В перерывах пленуме мы как-то сразу сблизились с ним. Много говорили тогда о Шевченко, Пушкине, Туманяне, о Габдулла Тукае, о Мажите Гафури.

Дружба писателей, художников и композиторов всех национальностей нашей Отчизны — это поистине тысяча тысяч раскрытых окон в историю каждого из советских народов.

Никогда не забудется я моей памяти тот день, когда я узнал, что Мусе Джалиль, будучи заключенным фашистами в Моабитскую тюрьму, по-дружественному вспомнил о Фадееве и обо мне.

Дружба писателей, художников и композиторов всех национальностей нашей Отчизны — это поистине тысяча тысяч раскрытых окон также и в будущее каждого из советских народов.

Люблю я Мусу Джалиле — мужественного и бесстрашного богатыря-героя. Он всегда присутствует в душе моей. Так же, как и сам народ татарский, породивший его.

8. VIII—66 г. Конча-Заспа

Когда-то, еще в детстве моем, нем, маленьким, в том числа и мне тоже, давали домой читать такие книги (не школьной библиотеки), как христианизоваиную — «Много ли человеку земли нужно (Л. Толстого). Я представляют что бы было с нами, если бы тогда да могли бы выдавать нам такие книги, как, например, «Моя встреча с Олексой Ивана Франко (конечно, а сокращенной и приспособленной к восприятию ребенке форме)!

Сейчас я ее не впервые читаю, и как только дошел до конца — плачу. Такая сила и ясность, правдивость и простота изложения.

■

1966 г.

Кто не видит роста молодежи, тот не видит и самого процессе жизни.

Жизнь ведь никогда не застывает на одних только каких-то раз и навсегда выбранных формах, а всегда изменяется, обновляется, совершенствуется. Жизнь никогда не бывает в покое, а всегда в движении, в поисках, в достижении еще более высокого уровня в сравнении с предыдущим, для того чтобы не ошибиться, твердо стать в жизни.

Есть тысячи молодых сил! Тысячи сил!

Публикация Л. ТЫЧИНЫ
Перевел с украинского
К. ГРИГОРЬЕВ

КИЕВ

---

* Я. А. Мамонтов (1888—1940) — украинский советский писатель, театровед и педагог.

* А. А. Шовкуненко — украинский живописец, народный художник СССР.

* 9 сентября — День освобождения Болгарии.

* Ю. М. Коцюбинский (1898—1937) — сын писателя М. Коцюбинского, член Компартии с 1913 года, видный государственный и военный деятель.

** В. М. Примаков (1898—1937) — член Компартии с 1914 года, герой гражданской войны, крупный советский военачальник.

*** О. М. Коцюбинская — дочь писателя М. Коцюбинского, участница гражданской войны, жена В. М. Примакова.

* Лесь Курбас (1887—1942) — выдающийся украинский советский режиссер и актер, народный артист УССР. (С 1925 г.).

Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ

■

Пускай закружат времена
Своею музыкою дикой...
И вот
Забытая весна
Лица коснется паутинкой.
Ты снова вспомнишь тишину.
И край родной... И даль... И дымку...
И лучезарную одну,
Сквозь ночь летящую косынку.
И ту неясную печаль,
И эту радость без названья...
И станет непомерно жаль
Окна далекого мерцанья...
Встает луна из темноты,
Поет невидимая птица.

И так поет она,
что ты
Не сможешь в жизне заблудиться.

■

А. Я.

Теперь спокойно Вам...
А мне
Печально...
Я помню Вас,
Я вижу Вас
Во мгле!
Хоть, кажется,
Встречались мы
Случайно
Всего лишь два-три раза
На земле.
И всякий раз

Мне виделось при встрече
Друг друга
Узнавали мы
С трудом,
Когда шумел
В разгуле красноречья
Меня и Вас
Объединяющий
Дом.
Ничем
Души моей
Вы не касались,
Когда с прямой —
Подчеркнуто —
Спиной
Нетерпеливым путником
Казались,
Прислушивающимся

К ветру за стеной!
Нас не сближал
Ни общий стол,
Ни водка.
Казалось, чужд мне
Говор Ваших мест,
И Ваша слишком строгая
Походка,
И слишком взгляд безжалостный,
И жест...
И вот теперь —
Страницы книги Вашей
Посмертные
И узнанные вновь...
Я чувствую,
Всем сердцем
К ним припавши,
Какая

Вами двигала
Любовь!
Да,
Вы имели право
На тревожный,
На резкий облик
Неуютный свой...
Как путник,
Мглой застигнутый
Дорожной,
Прислушавшийся
К ветру над землей.
Вы шли —
Открыто,
Напрямик спешили...
Но многие ль
Успели подсмотреть,
Что на земле,

Как Человек, Вы жили
И, как поэт,
Предчувствовали
Смерть!..

■

Вот опять я у моря стою
На краю плоскогорья...
Спойте, волны, мне песню свою,
Спой мне, море!
Только ты еще можешь одно
Позабыть все печали...
Ты шумишь, как когда-то давно,
Как вначале.
Только ты остаешься собой,
И, не ведая страха,
Ты простором, волной, синевой
Бьешь с размаха.

НЕУТОМИМОСТЬ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

МЫ ЕДЕМ по новым широким асфальтовым магистралям Ташкента. Перед глазами встает панорама нового города с неповторимым лицом: просторные площади, обрамленные скверами, зеленью парков, стекло и бетон новых кварталов, жилых и административных, возведенных здесь в небывало рекордные сроки с помощью строителей из Москвы, из братских республик... Камиль Яшен знает буквально все: когда и кем построено то или иное здание, кто живет в нем теперь, что было до революции и потом... На Пушкинской он просит водителя притормозить.

— А здесь совсем недавно отпраздновали новоселье наши литераторы, — кивает он на многоэтажный дом, уютно вписавшийся в общий ансамбль этой старой улицы. — Теперь, думаю, — шутит он, — нашим поэтам и писателям просто неудобно медленно и плохо писать... Кстати, на днях отпраздновал долгожданное новоселье и наш творческий союз...

За этими полушутливыми-полусерьезными репликами скрывается многое. Для председателя правления Союза писателей Узбекистана Камиля Нугмановича Яшена не существует мелочей, и проникновение, искреннее и участливое, в людские судьбы, заботу о них он считает одной из главных своих обязанностей.

Главные обязанности... Сколько же их у него? Просто не верится порой, что один человек может совмещать в себе так много разнообразных талантов. Да, именно талантов, это не оговорка, потому что, за что бы он ни брался, все ему удается. И все он делает глубоко, серьезно, с доскональным знанием дела.

Непроста его работа в Союзе писателей республики, которым вот уже двенадцать лет он бессменно руководит. Люди разных поколений, разных возрастов, разных, очень разных характеров составляют творческое целое, все силы которого устремлены к большой единой цели — развитию родной литературы. Не будь Яшен так широк, объективен и внимателен в отношении к своим собратьям по перу, он наверняка не смог бы найти общий язык ни с писателями старшего поколения, ни с молодежью, еще не успевшей овладеть необходимыми знаниями, высоким мастерством. Он отлично понимает и тех, и других, готов всегда вовремя поддержать словом и делом.

Да, кстати, и двери его дома на улице Жуковского всегда и для всех гостеприимно открыты. Не нужно предварительно по телефону договариваться о дне и часе этой встречи. Если Яшен не секретарствует в Союзе писателей СССР, если он, депутат, не на сессии Верховного Совета в Москве, если он не улетел по делам Советского комитета по связи с писателями стран Азии и Африки, председателем которого он является, в Индию или Иран, в Афганистан или Пакистан, если он не уехал к хлопкоробам Ферганы, если он не на заседании редколлегии журнала «Язык и литература» в Академии наук, если его внезапно не пригласили на юбилей драматического театра в родной Андижан, если... — словом, если он в Ташкенте, он всегда рад гостю. А придя к Камилю Нугмановичу домой, ты можешь нежданно-негаданно прямо с порога попасть на творческую дискуссию и с ходу включиться в нее — дискуссию о новом романе, новых стихах или... премьере Ташкентского академического театра имени Навои. Дело в том, что Халима Насырова, народная артистка СССР, верная подруга жизни аксакала узбекской литературы, тоже очень гостеприимна и не в ее обычае прятаться от гостей, своих коллег. Так что театрально-литературные беседы (иногда заканчивающиеся концертом) превращаются порой в долгие и жаркие споры.

С ТЕХ самых пор, как Камиль Яшен помнит себя, он стал постигать жизнь во всей ее сложности. Еще мальчишкой, с тех давних, далеких дней, когда однажды его учитель в андижанской школе, придя в класс, сказал: «Останьтесь, дети, после уроков. Мы пойдем в гости к поэту Хамзе». Да, он отлично помнит: именно там, в доме великого поэта, основоположника узбекской советской литературы, он начал постигать истину борьбы за правду. Тогда Хамза читал свои пламенные революционные стихи «Проснись, рабочий!»...

Если бы спросили, кто из писателей больше всего учился у Хамзы, не задумываясь, можно ответить: Яшен. А если бы задали вопрос, кто преданнее всех служил Хамзе, мы опять с гордостью назовем имя Яшена...

Шестнадцати лет, уже будучи комсомольцем, Камиль написал первую свою одноактную пьесу о том, как девушку насильно выдают замуж за старика. Играли эту пьесу профессиональные актеры, а начинающему драматургу присудили премию уездного комсомола и послали учиться в Ленинград. Жизненный путь был избран твердо и определен до конца: драматургия.

В 1929 году оголтелыми мракобесами в Шахимардане был убит его учитель Хамза Хаким-заде Ниязи. Через всю свою жизнь пронесет Яшен в своей душе, сердце своем и памяти светлый образ пламенного борца за освобождение родного народа. Через всю жизнь и творчество. Вскоре после смерти Хамзы он делает сценический вариант его пьесы «Бай и батрак». Потом родится его собственная драма «Хамза», из драмы — опера. А еще позднее — сценарий фильма, где бессмертный Хамза благодаря искусству народного артиста Алима Ходжаева предстанет живым перед молодыми поколениями людей обновленной земли.

Первые драматические произведения молодого Яшена были не только светом знания для народа, но и активными участниками острейших боев за социалистическую новь. Перо было приравнено к штыку. Пьеса «Два коммуниста», впервые поставленная в 1928 году на сцене Андижанского театра, не теряет своей художественной силы и в наши дни. Новая ее постановка, осуществленная два года назад, зазвучала нестареющими голосами героев, отдавших свои жизни за революцию, за социалистическое Отечество, за великие идеи Октября.

Каждое новое произведение К. Яшена отражает наиболее важные этапы в жизни нашего социалистического общества. В драмах «Гульсара» и «Нурхон» показана страстная борьба женщин Востока за свое раскрепощение. Женщины в его пьесах духовно красивы, отважны и стойки. Он новаторски сочетает в своих героинях прекрасные черты неустрашимого бойца и женского обаяния.

В пьесах «Товарищи», «Честь и любовь», «Сожжем!» К. Яшен обращается к сложному периоду в истории узбекской деревни — коллективизации.

Неповторим творческий почерк драматурга и в пьесах, посвященных Великой Отечественной войне. В них отчетливо и страстно звучит голос писателя-коммуниста, борца за мир и солдата партии. Герои яшеновских военных драм «Смерть оккупантам!», «Генерал Рахимов», «Офтобхон» — подлинные интернационалисты, настоящие героибойцы.

Важное место в творчестве К. Яшена занимает ленинская тема.

Опираясь на богатый опыт М. Горького, В. Маяковского, Н. Погодина, он, однако, не идет проторенным путем. Ильич в его пьесе «Путеводная звезда» предстает перед зрителем не только как организатор всенародной борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией, но и как большой друг народов Советского Востока, проявляющий необычайно точное и тонкое знание обстановки в Туркестане в первые годы революции. Роль Коммунистической партии, В. И. Ленина в создании республик Советского Востока, братская бескорыстная помощь рабочих России, пробуждение сознания народа раскрыты в драме ярко и выразительно.

Напряженный драматизм сражающейся правды, глубокий гуманизм борьбы, интернационализм — все это составляет пафос произведений Яшена. С подмостков театра он исторически достоверно рассказывает о подлинной, не выдуманной жизни своего родного народа во всем красочном многообразии людских характеров. В произведениях Яшена, которые никогда и никого не оставляют равнодушными, прослеживаются поистине поразительные изменения в психологии человека Востока, прошедшего нелегкий жизненный путь борьбы и исканий.

Камиль Яшен в полном смысле этого слова драматург-новатор. Его новаторство заключается не только в умении находить актуальные конфликты, но и в том, что он, пользуясь богатейшей сокровищницей родного языка, наделяет своих персонажей точными приметами речевой характерности. Жизнь яшеновских героев не раздваивается на интимное и общественное — все в них слито воедино. Это люди нравственно цельные, сильные своей беззаветной преданностью идее.

Яшен — писатель многогранный. Им заложены основы узбекской оперной драматургии. Он — поэт, литературовед и театровед, талантливый публицист, автор многих десятков теоретических статей, отличающихся образностью языка, глубиной содержания, новизной формы и оригинальностью композиции. В многочисленных своих статьях и публицистических выступлениях писатель поднимает важнейшие проблемы искусства и литературы социалистического реализма.

КАК-ТО мы были приглашены вместе с Камилем Нугмановичем в гости к одному писателю, нашему общему другу. Как всегда, были внимательны чуть усталые, но живые глаза Яшена, неторопliва и размеренна его речь. Разговор, как водится, зашел о разном — о предстоящем писательском съезде Узбекистана, о молодом талантливом поэте, выпустившем свою первую большую книжку, о последнем романе на страницах республиканского журнала, о критике.

— Тревожит меня одно обстоятельство, — поделился своими думами Яшен.— Много способных критиков в последнее время «переметнулось» в литературоведение. Это не может не вызывать нашего беспокойства. Критика — ударный фронт нашей работы. Острая, объективная критика во многом способствует появлению большой, настоящей литературы. Конечно, у литературоведения свои задачи, свои проблемы, от своевременного решения которых во многом зависят и теоретическая оснащенность, и профессиональное мастерство критика. Но нужны и критики, связанные с сиюминутными заботами нашего сложного литературного хозяйства. Нам, наверное, следует серьезно поговорить об этом на предстоящем съезде писателей республики.

И снова подумалось: сколько забот лежит на плечах этого немолодого уже человека, но такого по-юношески живого, подвижного, неутомимого! В чем секрет этой неутомимости? Природа наделила его редкостным даром — создавать вокруг себя атмосферу дружелюбия, искреннего товарищества, человеческого участия. Это качество безошибочно помогает ему найти путь к людским сердцам. У него много друзей. С ним дружили Алексей Толстой и Николай Погодин, Якуб Колас и Борис Лавренев. Среди друзей Яшена — Николай Тихонов, Алексей Сурков и египетский писатель Сибаи, чабан из Карши, ферганский хлебороб, ташкентский строитель... Это писатель сугубо современной формации — он всегда в поиске. Его манят дороги, ближние и дальние, встречи с самыми разными людьми, и его редко можно застать дома: сегодня Яшен в хлопководческом совхозе, завтра — в цехах «Ташсельмаша», а послезавтра чуть свет он садится в самолет, который уносит его за тридевять земель в далекую страну, где его с нетерпением ждут коллеги по афро-азиатскому писательскому движению. И так все время — в пути, в делах.

И планы, бесконечные творческие планы, которые, конечно же, должны осуществиться. Ну, не сегодня, не завтра, но в ближайшие месяцы, годы — обязательно.

Жизнь предоставляет художнику самые богатые и разнообразные темы для творчества. Камиль Яшен убежден в этом твердо, только умей выбрать то главное, что волнует людей, мимо чего невозможно пройти, без чего просто нельзя жить. Вот тема: Ленин и Восток. Необъятная тема!.. Или, скажем, преобразившийся, заново рожденный Ташкент. Или вот еще: новый город Навои в песках Кызылкумов... Это материал для всех жанров литературы, и Яшен уверен: для драматургии — тоже.

Х. АБДУСАМАТОВ, В. ТУРБИНА

Федор АБРАМОВ

СЮЖЕТ И ЖИЗНЬ

ПОСЛЕ ТОГО, КАК НАПИСАНА КНИГА

1.

НЫНЕШНИМ летом, когда я приехал в свою родную деревню, на меня ворохом посыпались новости. И новости все довольно ободряющие, вроде той, например, что с этой осени нашу деревню подключают к государственной электросети.

Но, по правде сказать, меня больше всего взволновала одна частная, чисто человеческая новость — недавняя свадьба у пекарихи Евдокии, которая выдала замуж свою последнюю дочь.

Пекарихой Евдокией — там у нас называют Евдокию Трофимовну, мою бывшую соседку — я восхищался всегда. Восхищался ее живым, деятельным умом, ее житейской и хозяйственной сноровкой. И, конечно же, ее трудолюбием. Человеку давно уже за пятьдесят, здоровьишко там себе, дети все пристроены — ну чего, казалось бы, убиваться, чего не сидеть дома? А она работала. Она каждый день в любую погоду — в осеннюю грязь и слякоть, в зимнюю лютую стужу, в весеннюю распутицу — шлепала за рему на свою пекарню...

С самой Евдокией я столкнулся на улице на другой день — она возвращалась из магазина с какими-то покупками — и, разумеется, первым делом поздравил ее с семейным торжеством: замужеством меньшой.

В ответ — ни слова. Только по-старинному учтивый, но холодный кивок.

Я с недоумением пожал плечами. И тогда Евдокия заговорила:

— Слыхали, слыхали, Федор Александрович, как меня прописал... Сказывали... Пелагея сундуки накопила... Пелагея на ситцах да нарядишках помешалась... Два плюшевки завела... А того не слыхал, как Пелагея робила? Муж больной, сколько лет трясучись ходил да лежкой лежал, свекор немощен, мать-свекровушка тоже рукой не пошевелит, четыре девки мал мала меньше... Дак, как думаешь, легко Пелагее было? О сундуках Пелагея думала?

Оправившись от первого изумления, я начал горячо оправдываться, уверять Евдокию, что ей неверно наговорили, что Пелагея — это вовсе и не она, Евдокия, и в доказательство привел, как мне казалось, совершенно неотразимый довод: Пелагея, героиня моей одноименной повести, в конце произведения умирает, а она, Евдокия, слава богу, не только жива, а еще и работает, да так работает, что и молодой за ней не угнаться.

Ничто не помогло. Евдокия осталась при своем мнении. Мы расстались холодно.

2.

ЗНАЮ: какой-нибудь сверхстрогий критик, прочитав эти строки, наверняка воскликнет: «Ага, так вот как мы обрабатываем действительность! В жизни героиня здравствует, с честью выполняет свои нелегкие обязанности, а автор ее того... уморил!»

Нет-нет, успокойтесь. Никакого очернительства, никакого насилия над человеком, хотя, конечно, литература далеко не простое зеркальное отражение жизни и автору приходится нередко трансформировать ее самым крутым образом.

Но в данном случае, в случае с Пелагеей, дело обстоит куда проще. В данном случае у автора была не одна Пелагея, а по меньшей мере три. И тут мне еще раз придется вернуться к Евдокии.

Хотя я и уверял ее при нашей последней встрече, что она ничего общего не имеет с Пелагеей, но все же в интересах истины я должен признать, что первый-то росток моей будущей повести дала она, Евдокия. Вернее, одна встреча с нею.

Было это давно, лет 10—12 назад. Я только что приехал в свою родную деревню и, нам всегда, первым делом вышел на «горочину», то есть на угор, на котором стоит наша деревня, полюбоваться цветущими лугами внизу, красавицей Пинегой, старинным белеющим монастырем за рекой. Но две человека, которые попались тогда мне на глаза, заслонили собой все: и красоты родной природы, и монастырь.

Это были Евдокия, а ту пору еще не старая, довольно крепкая женщина, и ее муж Петр. Петр был очень болен. По рассказам соседей, он целый день лежал дома на кровати и лишь к вечеру кое-как выползал из избы и добирался до колодца за дорогой, чтобы встретить свою жену, возвращающуюся из пекарни из-за реки.

И вот сейчас я был свидетелем этой встречи. Встречи двух людей — одного бледного, безнадежно больного, с трудом переставляющего свои непослушные ноги в серых растоптанных валенках, а второго — запотелого, замаренного, целый день выстоявшего у раскаленной печи на пекарне да еще вдобавок только что поднявшегося с тяжелым ведром хлебных помоев в крутую гору.

Но, боже мой, каков глубок чувство связало этих двух людей!

— О, горюшко ты мое луковое! — жалобно запричитала женщина, едва поставив ведро на землю. — Да зачем же ты опять вышел-то? Зачем наминать свои больные ноженьки? Разве я сама не дойду?

А мужчина от волнения говорить не мог. Мужчина, тот просто всхлипывал и, с трудом переступая с ноги на ногу, как ребенок малый, тянулся к ней руками...

В тот вечер, до слез взволнованный этой сценой, я записал ее в свою записную книжку, а на другой день, после бессонной ночи, принялся писать рассказ.

Но, увы, рассказа у меня не получилось. Получилась всего лишь идиллическая, душещипательная картинка, в которой не было еще ни характеров, ни сколько-нибудь значительной мысли.

Короче говоря, я скоро понял, что, для того чтобы росток, угнездившийся в моем писательском воображении от встречи с Евдокией и Петром, дал зеленые побеги, мне нужно время, нужны серьезные раздумья и новые жизненные впечатления.

За жизненными впечатлениями дело не стало. Они пришли, как всегда, сами собой и совершенно неожиданно.

Как-то раз, года три спустя после встречи с Евдокией и Петром, я оказался в одном маленьком среднерусском городке, в кабинете секретаря райкома. И вот этот секретарь, наставляя при мне своего инструктора, отъезжающего в командировку в один совхоз, вдруг бросает:

— Да, вот еще что. Вухаточку черного хлеба прихвати оттуда, если нетрудно. Для меня.

Помню, меня тогда очень удивила эта просьба. Что за причуда? Разве в райцентре хлеба нет?

— Да есть, как нету! — начал оправдываться смущенный секретарь. — Хлеба давно у нас вдоволь. Да там пекариха больно хороша. Хлеб печет — пальчики оближешь. Наш хлеб против ее хлеба — замазка...

Надо ли говорить, как «дрогнуло» при этих словах мое писательское сердце и как бурно заработала моя писательская фантазия!

А второй случай, который, быть может, еще больше помог мне окончательно уяснить характер Пелагеи, а следовательно, и сюжета повести, — это история жизни одной работницы железной дороги, рассказанная мне три года назад на Ярославщине, куда я частенько наведываюсь весной и летом.

Так вот, работница эта, а свое время хватившая немало лиха, во всем отказывала себе — в еде, в одежде, в обуви, работала на износ, в две смены, и все это ради дочери, все это ради того, чтобы ее единственная дочка ни в чем не знала нужды, вышла «в люди». Конец этой истории, как и надо было ожидать, оказался печальным. Дочка выросла черствой эгоисткой. После восьмилетки она укатила в город и известила свою мать только тогда, когда та была уже в гробу...

Таковы главные жизненные толчки, импульсы, которые дали, так сказать, земную, «материальную» основу «Пелагеи».

3.

ПОДОБНЫМ ЖЕ образом я, вероятно, мог бы рассказать и о жизненной основе моих романов «Братья и сестры» и «Две зимы и три лета». И в них, этих романах, за каждым героем так или иначе стоит живая натура, живая модель. Так, например, с прототипом главного героя «Двух зим...» Михаилом Пряслиным я встречаюсь на своем Пинежье каждое лето. И не только встречаюсь, но и беседую с ним. Но, боже мой, как мало похож этот здоровенный мужчина с твердым, упрямым взглядом на того совестливого и самоотверженного парня, которого читатель знает по роману! Да это и понятно. Писатель не фотограф. От реального человека он берет порой лишь какую-либо поразившую его черточку, ту «живинку», без которой любой созданный им образ всего лишь мертвая и безжизненная схема.

В связи с романами «Братья и сестры» и «Две зимы и три лета» мне хотелось бы сказать о другом — о роли автобиографического материала в сюжете этих книг. Конечно, в творчестве писателя в той или иной мере все автобиографично, все пропущено через его сердце, но в моих романах, в отличие от некоторых повестей и рассказов, эта автобиографичность особого рода. Скажем, не будь в моем личном опыте раннего безотцовства, чувства повышенного долга перед семьей, перед родными, я бы, вероятно, никогда не смог написать пряслинскую семью, постигнуть, так сказать, красоту и радость взаимовыручки, самопожертвования во имя ближнего.

С другой стороны, в разгадке характера русского человека, его великой стойкости и душевной щедрости, чему посвящены мои романы, решающую роль для меня, как и для многих писателей моего поколения, имела минувшая война.

В конце зимы сорок второго года меня, тяжело раненного фронтовика, вывезли из блокадного Ленинграда на Большую землю. После долгих скитаний по госпиталям я наконец очутился у себя на родине — в глухих лесах Архангельской области. И вот тут-то мне и посчастливилось увидеть своих земляков во весь их богатырский рост.

Время было страшное. Только что подсохшие степи юга содрогались от гула и грохота сражений — враг рвался к Волге, а тут, на моей родной Пинеге, шло свое сражение — сражение за хлеб, за жизнь. Снаряды не рвались, пули не свистели, но были «похоронки», были нужда страшная и работа. Тяжелая мужская работа в поле и на лугу. И делали эту работу полуголодные бабы, старики, подростки.

Много видел я в то лето людского горя и страданий. Но еще больше — мужества, выносливости и русской душевной щедрости. И вот на основе всего увиденного и лично пережитого и родился впоследствии мой первый роман «Братья и сестры», а затем его продолжение — «Две зимы и три лета».

4.

ИНТУИЦИЯ, вдохновение, озарение... Или, как я назвал бы все это, невидимая химия творческого процесса, происходящего где-то в глубинах нашего сознания и проявляющая себя в виде внезапных «мыслительных» вспышек и эмоциональных разрядов...

Область загадочная и совершенно не изученная. Да и вообще — поддается ли она изучению? В самом деле, занимаешься совершенно другим делом — пишешь, читаешь, гуляешь, разговариваешь, и вдруг тебя «озаряет», вдруг твой мозг «срабатывает» в сторону давно задуманного, но по тем или иным причинам отложенного произведения, начинает «выдавать» мысли, детали, нужные слова.

Я этими «даровыми» находками очень дорожу, так как они обладают силой и свежестью первозданности, без которой нет искусства. И все же довольно об этом. Что толку говорить о той стороне писательской работы, повторяю, чрезвычайно важной, быть может, решающей в создании подлинно художественного произведения, которая почти совершенно не зависит от твоих усилий!

Мне кажется, гораздо важнее подчеркнуть значение логического, рационального начала в творческом процессе. Тут, в этом вопросе, у нас далеко нет единства. Я знаю писателей, даже одаренных писателей, которые с каким-то смущением говорят об этом, словно рассудок принижает их как художников, низводит до уровня ремесленников. А вот сказать, что вто у меня вылилось в один миг, само собой — вто считается признаком истинного таланта. К сожалению, эти «утробные», «селезеночные» настроения поощряются порой и нашей критикой.

Я не скрываю. Я — за анализ, за мысль, за исследование. И в этом плане, мне думается, работа писателя мало чем отличается от работы ученого. Во всяком случае, работая над «Пелагеей», мне пришлось не раз и не два обдумывать прошлое нашей деревни, пути развития нашего общества в послевоенные годы. А как же иначе? Где, как не в прошлом, искать отгадку сложного, противоречивого характера героини, которая совмещает в себе и вдохновенного труженика, я бы сказал даже, поэта труда, и обывателя, зараженного бациллой приобретательства?

Думаю, не обойтись писателю и без некоторых изысканий литературоведческого порядка. Скажем, знание опыта своих предшественников. Ну разве мыслимо было мне, например, браться за «Две зимы и три лета», не разобравшись в том большом и сложном хозяйстве, которое называется послевоенной прозой? Нельзя же в самом деле писать по принципу: а вот дай-ка я еще покажу, как было это в моей деревне!

Да что там ломиться в открытые ворота! Кому не известно, что произведение, не освещенное большой и оригинальной мыслью, не может подняться над уровнем фотографической зарисовки, а следовательно, не может претендовать и на внимание своих современников.

Особо хочу сказать об изображении так называемых послевоенных трудностей. Убирать ли рытвины и ухабы с пути героев, выравнивать ли их дорогу?.. Но кому от этого польза? Разве не ясно, что, преуменьшая действительные трудности и лишения, которые наш народ преодолел в своей битве за лучшее будущее, мы тем самым — хотим этого или нет — обкрадываем его, преуменьшаем исторический подвиг советских людей?

5.

КОГДА кончается работа писателя над сюжетом? В ту пору, когда он ставит последнюю точку в своей рукописи?

В основном — да. Но нередко бывает и так, что мысль о совершенствовании своего детища не покидает писателя всю жизнь. И это вызвано не только его профессиональной взыскательностью и требовательностью к себе. Это связано и с его духовным и интеллектуальным ростом, с углублением его представлений о том предмете, которому посвящено произведение.

Между прочим, именно этим прежде всего объясняется стремление некоторых писателей к доработке и переделке своей книги уже после того, как она побывала в руках читателя. Мне кажется, это стремление — в интересах литературы — надо поощрять. Мне, например, окончательно найти сюжет «Пелагеи» помог А. Т. Твардовский. Помню, как прочитав повесть, он сказал:

— Как будто бы все есть. Есть характеры, есть среда, есть слово, а вещи нет.

Должен признаться, что я и сам не был удовлетворен своей «Пелагеей», но, конечно, только выслушав мнение такого авторитетного и глубоко уважаемого мной человека, я начал «прозревать». Короче говоря, после долгих раздумий я пришел к выводу, что ошибка моя заключалась в концовке повести, где после смерти Пелагеи у меня в первом варианте шла еще довольно подробная история жизни Альки в городе. И вот оказалось, что эта история, сама по себе любопытная, и, кажется, неплохо написанная, в этой повести лишняя, так как она переключает читательское внимание с главного образа на сравнительно второстепенный, а значит и ослабляет идейно-эмоциональный накал вещи.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ мне снова хотелось бы вернуться к тому, с чего я начал эту статью,— к Евдокии. Я не уверен, что этот номер газеты дойдет до нее. И как знать — не просветит ли ее опять кто-нибудь по-своему?

Пусть. Мне все-таки после этой статьи легче будет встретиться с нею в следующий раз.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

И. МИКАВА — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил в адрес юбиляра приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Дорогой Николай Маркович! Горячо поздравляем Вас с шестидесятилетием со дня рождения. Автор ряда пьес, рассказов и очерков, Вы всегда сочетали свою творческую деятельность с общественной работой в качестве ответственного секретаря правления Союза писателей Абхазии, председателя Грузинского отделения Общества культурной связи с заграницей, а ныне в аппарате правления Союза писателей СССР как консультант по грузинской литературе.

Желаем Вам здоровья, новых успехов в работе».

Гасану САИДБЕЙЛИ — 50 лет

Азербайджанскому писателю Гасану Саидбейли исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по азербайджанской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится: «Дорогой Гасан Мехтиевич! Сердечно поздравляем Вас, известного азербайджанского прозаика, драматурга и киносценариста, с днем пятидесятилетия.

Мы знаем и высоко ценим Вас — автора романов, повестей, пьес, рассказов, киносценариев, посвященных человеку труда, людям сегодняшнего Азербайджана. Читателю полюбились Ваши повести «У нас в Астаре», «Из боя в бой», «Телефонистка», а также повесть «На дальних берегах» и роман «Годы идут», написанные в соавторстве с Имраном Насумовым, в которых запечатлены героические страницы недавнего прошлого азербайджанского народа, подвиги сынов и дочерей Азербайджана в годы Великой Отечественной войны и в наши дни.

Немало сил Вы отдаете развитию азербайджанского кино и как сценарист, и как режиссер-постановщик, как общественный деятель, вот уже много лет возглавляющий Союз кинематографистов Азербайджана.

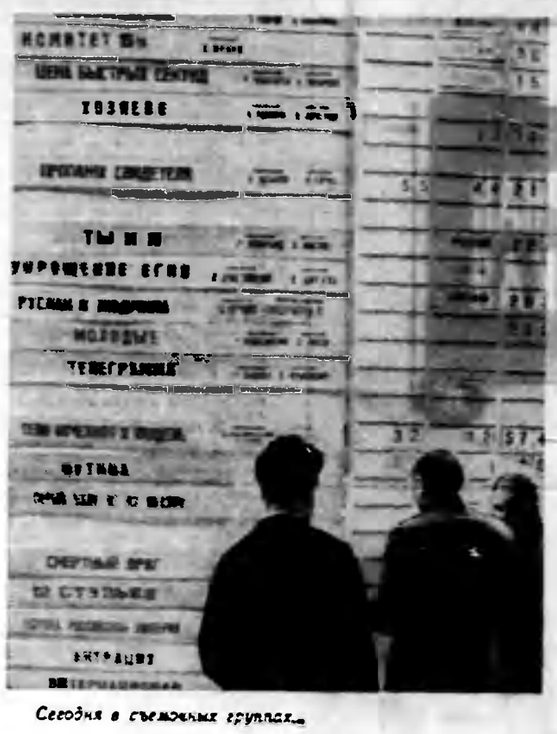
Желаем Вам, дорогой Гасан Мехтиевич, крепкого здоровья, новых больших успехов в творчестве во славу нашей советской многонациональной литературы».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Идут съемки фильма «Хозяева».

Сегодня в съемочных группах...

«МОСФИЛЬМ»-71

«МОСФИЛЬМ» летний отличается от зимнего, наверное, лишь зеленым яблоневым садом, заложенным Александром Довженко. Год творческий далеко не всегда совпадает с годом календарным. Декабрь передает январю готовые к производству сценарии, замысловатые сооружения в павильонах, кассеты уже отснятой пленки...

И все-таки в первые дни 1971 года корреспонденты «ЛГ» пришли на «Мосфильм», пытаясь даже за частными деталями обычного рабочего дня увидеть новое, узнать, чем начинают пятилетку восемь творческих объединений крупнейшей киностудии Европы.

...Режиссер Юрий Озеров занят монтажом «Битвы за Берлин» — последнего фильма эпопеи «Освобождение». Долгий труд большого коллектива подходит к концу.

Вспоминается, как совсем недавно между вторым и третьим блоками студии стояла декорация — «Рейхстаг» образца мая 1945-го: с обнаженными перекрытиями куполе, разбитый выстрелами зияющий пустыми глазницами овон. Грузовики бесконечной вереницей везли щебень, гнутые тяжелые балки, мешки с песком. Сейчас на маленьком монтажном экране проходят кадры штурма.

Через несколько секунд на том же экране появляется знакомое по первым фильмам эпопеи лицо Цветаева (артист Н. Олялин). Он — теперь уже майор — во главе штурмовой группы прорывается туннелем метро к центру города. Навстречу мчится поток воды...

Метро сооружали под Москвой в Перервинском шлюзе. На глубине 9 метров построили станцию «Кайзерхоф». На «станции» установили подлинное оборудование берлинского метрополитена — от автомата, продающего шоколад, до вагона 1940 года выпуска.

Примерно в те же летние дни, когда на «Мосфильме» пылал «рейхстаг», пять тысяч молодых ребят и девчат в куртках цвета солдатских плащ-палаток послушно повиновались режиссерскому голосу усиленному мегафоном. Представители всех студенческих строительных отрядов столицы перед отъездом на север и восток снимались в фильме «Молодые». Эта цветная широкоформатная лента в основе ее сценария — роман А. Андреева «Рассудите нас, люди». Режиссер Н. Москаленко сейчас тоже с утра до вечера в монтажной. Мосфильмовцы дали обещание сдать картину «Молодые» к XXIV съезду партии.

И еще один подарок студии съезду — вероскопический фильм «Интернационель». Его уникальные кадры по крупицам собираются в архивах Госфильмофонда, музеев, библиотек, на зарубежных студиях. Те, кто видел предыдущую работу режиссеров А. Светлова и А. Шейна «Наш марш», вероятно, убедились в художественной выразительности и перспективности этого зрелища.

— 1871 и 1971 годы. Две даты. Между днями Парижской Коммуны и днями сегодняшними — век. Век, пронизанный «Интернационалом», — говорят режиссеры. — О его всепобеждающей силе, о главных революционных событиях века — наш фильм.

...ПОСТАНОВЩИК «Двенадцати стульев» Л. Гайдай просматривал уже смонтированные куски. Остап, неотразимый в своей красной ковбойке, льстил Эллочке, и трагически менялся цвет усы Воробьянинова.

Потом в комнате, где хранятся знаменитые стулья мадам Петуховой, Л. Гайдай дал нам мини-интервью:

— Финал фильма совпадает с финалом книги?

— Совпадает.

— А вам не жалко Остапа?

— Конечно, жалко. Даже мне... (Это уже сказал Сергей Филиппов, исполнитель роли Воробьянинова.)

— Жалко, — подтверждает и Гайдай. — Но мы решили не отступать от романа.

— Когда будет закончена работа?

— Администрация вашего клуба «12 стульев» просит показать ей фильм 1 апреля. Мы постараемся...

В павильоне «Мосфильма» сегодня мирно соседствуют сверкающий паркетом просторный зал богатого особняка (его с удовольствием осматривает Юлий Яковлевич Райзман) и скромная комната современной квартиры. Не очень новая мебель. Книги, видимо, собираемые на одно десятилетие. В этой декорации режиссер А. Сурин снимает очередной эпизод фильма «Антрацит». Фильм расскажет об одном дне шахтерской бригады.

Рядом добротно выстроенная деревенская изба. Достаточно просторная, чтобы в ней поместилась съемочная аппаратура. Через всю стену кумачовый лозунг, сразу возвращающий зрителя к двадцатым годам: «Долой неграмотность!»

— Помните роман Василия Шукшина «Любавины»? — спрашивает «владелец» этой избы режиссер Л. Головня.— Книга крупных характеров. По ней снимается наш фильм «Хозяева».

ПОРОЙ даже внешний вид рабочей комнаты на «Мосфильме» легко подскажет тему будущей картины. В кабинете Витаутаса Жалакявичюса, известного литовского режиссера, дебютирующего на «Мосфильме», стопкой сложены журналы на испанском языке, под стеклом — фотография Че Гевары. Жалакявичюс приступил к постановке фильма «Это сладкое слово — свобода» (сценарий лауреата Ленинской премии В. Ежова, действие происходит в одной из латиноамериканских стран).

Этажом ниже кабинет Сергея Урусевского. Пустые, свежеокрашенные стены — и один большой портрет Сергея Есенина. Известный оператор собирается самостоятельно поставить свою вторую картину — «Сергей Есенин». И еще фильм о поэте — «Страницы», посвященный Сергею Чекмареву (режиссер — недавний выпускник ВГИКа В. Акимов).

Интерес кинематографистов к произведениям русской классической и советской литературы традиционен. В основе мосфильмовских премьер 1971 года — «Руслан и Людмила» Пушкина и чеховская «Чайка», горьковский «Егор Булычов...» и «Смертный враг» Михаила Шолохова, «Иванушка неплакучая» Михаила Алексеева и «Мальчики» Александра Рекемчука, «Мой брат играет на кларнете» Анатолия Алексина и «Записки Серого Волка» эстонского писателя Аугуста Лепа.

О многих будущих лентах «ЛГ» в дальнейшем расскажет более подробно. Пока лишь краткая деловая информация.

Михаил Ромм приступил к работе над первым фильмом художественно-документального цикла «Мир сегодня».

Сергей Юткевич обращается к «Клопу» Маяковского.

Григорий Чухрай экранизирует документальную публицистическую картину «Память» и будет ставить «Дубровского».

Ефим Дзиган готовится снимать фильм «Север, Юг, Восток, Запад» по сценарию В. Кожевникова, посвященный советским пограничникам.

Юлия Солнцева восстанавливает «Аэрограда» Довженко.

Александр Зархи предполагает перенести на экран роман К. Федина «Города и годы».

Андрей Тарковский снимает «Солярис» по Ст. Лему.

Алексей Салтыков будет ставить фильм «Сибирячка» по сценарию А.Ф. Салынского...

УЖЕ в проходной встречаем Аллу Демидову:

— В «Чайке» играю Полину Андреевну. Буду сниматься в фильме Ларисы Шепитько «Ты и я».

Дверь студии захлопывается. На улице валит снег. Молодой человек, идущий нам навстречу, на ходу достает из портфеля толстую папку, вероятно, с новым сценарием...

Р. ПОСПЕЛОВ

Фото М. ТРАХМАНА

ПОЧТА ОТДЕЛА ИСКУССТВ

ЕЩЕ РАЗ О «КОРОЛЕВЕ ЭКРАНА»

«Литературная газета» опубликовала статью А. Каплера «Адрес: «Кинопанорама» (№ 40, 1970), в которой говорится, что выведенный в моей пьесе «На рассвете» эпизодический образ «королевы экрана» Веры Холодной будто бы порочит память этой актрисы.

Поскольку речь идет не в единичном критическом выступлении (А. Каплер за последние три с половиной года пять раз говорил о том же по Центральному телевидению), считаю необходимым внести ясность в этот вопрос. Тем более, что в своей статье А. Каплер приводит не только устаревшие цитаты из первоначального варианта пьесы, но и не совсем точно цитирует мое письмо к нему.

Бросая мне упрек, что «королева экрана» якобы охарактеризована мною отрицательно, А. Каплер почему-то «не заметил», что в моей пьесе Вера Холодная помогает Григорию Ивановичу Котовскому проникнуть вместе с группой коммунистов-подпольщиков в закрытый интервентами Одесский порт, спасает от ареста французскую революционерку Жанну Лябурб и совершает другие поступки, отнюдь не порочащие ее память.

Действительно, в первом варианте пьесы Вера Холодная вначале говорила о своем желании уехать в Париж, но затем, под влиянием революционных событий, отказывалась от своего намерения. Зрителю понятно, что минутное настроение актрисы «перечеркивается» ее активными действиями, а мы судим о человеке не по случайно высказанным словам, а по его делам!

Автор статьи приводит выдержку из моего письма, где говорится о том, что во время работы над пьесой в 1963 году я не знал о категорическом отказе Веры Холодной принять приглашение заграничных кинофирм, опубликованном в «Киногазете», № 22 за 1918 год, и с тех пор не фигурировавшем ни в одном из печатных источников. Но А. Каплер почему-то обрывает цитату перед моей фразой: «Сообщение об этом факте заставило меня внести соответствующие исправления в текст пьесы».

Конечно, если не «отсечь» эту фразу, не было бы повода для гневного пафоса: «Как же можно писать о реальном человеке, не зная о такой «мелочи»...» и т. д... Перефразируя автора статьи, хочется сказать: «Как же можно, цитируя письмо, умалчивать о такой «мелочи», как переработка пьесы?»

Говоря вскользь о виденном им одесском спектакле, в который уже внесены указанные изменения, А. Каплер замечает, что «в ленинградском театре все осталось неприкосновенным». Но ведь в моем письме есть ответ и на это: «Ленинградский театр не успел еще внести известные Вам исправления. Произошло это не по злому умыслу: разослав свои поправки в другие театры, я не известил о них ленинградцев, так как полагал, что в Ленинграде моя пьеса уже не идет. Очень сожалею о своей оплошности и не замедлю ее исправить».

Зная об этом, вряд ли было необходимо писать статью и вводить в заблуждение читателей!

С уважением

Григорий ПЛОТКИН

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА

Публикуя письмо Г. Плоткина, редакция «ЛГ» со своей стороны считает нужным отметить следующее.

История русского дореволюционного кинематографа неотделима от имени Веры Холодной, и это заставляет с вниманием относиться к тому, как отображаются ее творчество и ее жизнь в художественных произведениях. Тем более что гражданская позиция актрисы совершенно определенно была высказана ею незадолго до смерти на страницах «Киногазеты», и это ее высказывание впоследствии воспроизводилось в советской печати: назовем, в частности, статью С. Русаковой «Помнят до сих пор» («Огонек», № 31, 1966).

Цитаты из пьесы «На рассвете» автор статьи А. Каплер привел по тексту пьесы Г. Плоткина, хранящемуся в Центральной театральной библиотеке. Это обычный источник для справок и проверки.

Принимая к сведению заявление автора о том, что он переделал пьесу, редакция все же считает критику А. Каплера правомерной, поскольку пьеса Г. Плоткина сохранилась в репертуаре театров в течение ряда лет, а в момент написания статьи шла в первоначальной редакции на сцене Ленинградского театра музыкальной комедии.

Редакция получила много откликов на статью А. Каплера, выражающих согласие с позицией автора. Пришло письмо и от сестры В. Холодной, Софьи Васильевны, которая благодарит редакцию за статью и сообщает, что в Одессе в память актрисы ныне установлен мемориал.

Вл. БЛОК

ДРАМАТИЗМ ДРАМЫ

ЗАМЕТКИ О СОЦИАЛЬНОСТИ КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЕ

СРЕДИ вопросов драматургической теории, которые заслуживают серьезнейшего рассмотрения, актуален вопрос о социальности драмы. Как она художественно выявляет социальные отношения современности, их сущность и перспективу? Проблема эта изрядно запутана. Не обошлось без путаницы во этому поводу и в недавно вышедшей книге В. Сахновского-Панкеева «Драма», в целом интересной и содержательной.

Обратимся к главе «О социальном и всеобщем драматическом конфликте». Тут предпринята попытка опровергнуть распространенное мнение, «будто драматический конфликт всегда социален». «Сфера проявления асоциального конфликта (который подчас следовало бы именовать антисоциальным), — пишет автор, — чрезвычайно широка. С одной стороны, очерчена она теми произведениями, где человек предстает существом чисто биологическим, живущим лишь по велению инстинктов, ассоциативных импульсов и по сути неотличимым от животного. С другой — пьесами, построенными на извечных коллизиях, игнорирующих реальное общественное бытие человека».

Не правда ли, здесь многое веяло? Как тем пьесам, где человек неотличим от животного, удается обзавестись драматургическим конфликтом, всегда выражающим борьбу идей, мировоззрений, отношений к жизни? Как могло получиться, что коллизии, заслужившие право называться «извечными», игнорируют общественное бытие человека? Но, может быть, что-либо проясните примерами, выдвинутыми для подтверждения новой концепции?

Вначале ее автор отказывает в социальности древнеримской комедия масок — ателлане. Однако в ее общественном резонансе, по-видимому, лучше нашего исследователя разбирались Юлий Цезарь и римские императоры. Цезарь ее запрещал, Тиберий упорно преследовал, а Калигула одного из ее исполнителей приказал, не углубляясь в анализ творческих вопросов, попросту публично сжечь.

От ателланы сохранились только скудные отрывки, но вот пьеса, которую может прочитать каждый, «Классическим образцом» асоциальной драмы В. Сахновский-Панкеев называет «Трамвай «Желание» Теннесси Уильямса, ссылаясь при этом, в частности, на то, что его персонаж Стэнли Ковальский «не является человеком. Он — двуногое животное, руководствующееся только физическими возбудителями». Однако аморальный Стэнли весьма уверенно себя чувствует, уважаем соседями, преуспевает в делах. Говорит ли это что-нибудь о том обществе, где сие происходит? К тому же Т. Уильямс обнажает беспардонное корыстолюбие Ковальского, исповедуемый им культ силы, и даже сам Сахновский-Панкеев замечает, незаметно для самого себя подрывая собственную концепцию, что «грязной скотине Стэнли политически отведено место в рядах фашиствующих молодчиков». Объективно драма «Трамвай «Желание», конечно же, представляет собой обвинение американскому обществу, ее конфликт весь пропитан социальностью. И, как я думаю, в этом одна из причин того, что эту пьесу ставит А. Гончаров в Театре им. Маяковского.

Лишь в чисто «развлекательных» произведениях не выражена борьба разных взглядов на жизнь, то есть нет драматургического конфликта. Асоциальной по своему содержанию может быть только бесконфликтная пьеса, находящаяся, строго говоря, за пределами искусства. Другое дело — характер производимого ею впечатления. Нередко пьесы, внешне совершенно невинные, сугубо развлекательные, «хорошо сделанные» в псевдореалистической форме, сохраняют свой буржуазный дух, — я это прекрасно учитывают поставщики «массовой культуры» в театрах Запада. И нам, чтобы идти дальше, необходимо разделять эти две проблемы: социальность отражения действительности драмой и ее конфликтом и тот социальный резонанс, который она производит, иными словами, ее подлинное идейно-эстетическое воздействие.

Бесконфликтной пьесе легко уклониться от объемного отображения действительности, поскольку она освобождена от необходимости вглядываться в общественные противоречия. Но и подлинный драматический конфликт сам по себе не обеспечивает драме полновесной жизненной правды. Односторонность позиции или предвзятость взглядов писателя порой приводит к тому, что он талантливо выделяет только одну сторону действительного противоречия. Ведь не назовешь «некоммуникабельность» героя новой западной драмы плодом вымысла какого-либо испытанного писателя. Не поспоришь против того, что каждый умирает в одиночку, что множество движений внутреннего мира человека скрыто от всех на свете... Но это только одна сторона правды.

Диалектика действенного общения и душевной замкнутости личности угадывается едва ли не в каждой классической пьесе. Но особенно рельефно она впервые предстала на сцене в драматургии Чехова. Его новаторство было ошеломляющим во многих отношениях, поэтому до необычного раскрытия Чеховым «проблемы некоммуникабельности» критическое внимание дошло позднее, особенно настойчиво — в недавние годы. Некоторые исследователи стали подчеркивать обособленность героев Чехова, непонятость одних его персонажей другими, их отчужденность от среды. И вместе с тем почему-то упускается из виду, что Чеховым же найдены поэтические приемы для выражения в драме теснейшего духовного общения между людьми. С полуслова, с полупамека, порой во одному междометию понимают друг друга духовно родственные герои — три сестры, Маша и Вершинин, иногда Вершинин и Тузенбах... А вот с Наташей все они разговаривают как бы на разных языках. Поначалу близкий сестрам, их брат Андрей потом вынужден исповедоваться перед глухим Ферапонтом. Вносит в любую беседу сумятицу взаимного непонимания «некоммуникабельный» Соленый. Раневская и Гаев при всей разнице их характеров чутко реагируют и на мысли друг друга, и на самые как будто летучие чувства и настроения. Но словно невидимая стена отделяет их от Лопахина.

Нельзя не заметить, что диалектика «коммуникабельности» и «некоммуникабельности» в пьесах Чехова соответствует социальным противоречиям между героями, причем система взаимных пониманий и непониманий часто не совпадает с личными симпатиями. Каждая из этих систем отражает особый уровень духовной культуры, получает свою речевую тональность, свою мелодику и ритмику, внутренние контрасты. Драматургически осмысленные особенности общения становятся одним из средств как индивидуальной, так и социальной характеристики героев.

Совсем иное мы наблюдаем подчас в современной западной драме, где всемерно обнажается невозможность, да и нежелание людей понять друг друга, а констатация всеобщей разъединенности переходит в ужас перед дисгармонией жизни. В безыдеальном обществе, у тех, кто не утратил способности анализировать свое бытие, рано или поздно возникает ощущение бессмысленности, пустоты существования.

Художественные исследования всех этих явлений прямо или косвенно обнажают антигуманизм буржуазной морали.

ОДНАКО попытаемся проанализировать пьесу С. Беккета «В ожидании Годо», отчетливо раскрывающую позицию художника, который отнюдь не стремится к подобным выводам.

Конфликт драмы строится на противопоставлении потребности ее персонажей в активных поступках и нелепости, абсурдности всех их начинаний. Чем дальше, тем больше персонажи постигают ничтожность любого действия. Ничтожные поводы вызывают у них пространные псевдоглубокомысленные монологи, серьезные же события задевают лишь краешек сознания. Протест, возникнув на минуту, тотчас иссякает, участие друг к другу, вспыхнув ненадолго, теряется в словесной суете... Ненадежна память, она задерживает в себе случайное, реальность часто оказывается в ней призрачной, а выдумка приобретает черты реальности. Персонажи как будто тянутся друг к другу, ищут взаимной поддержки и вместе с тем признаются в том, что лучше всего чувствуют себя в одиночестве... Ждут Годо, который должен всех спасти, но кто он такой, как выглядит, в точности неизвестно, да это, в общем, и не важно, потому что Годо, по-видимому, иллюзия, выдуманная для собственного успокоения.

Воздействие пьесы на зрителей во многом зависит от того, кто и как ее ставит, кто и как ее смотрит. Возможно, если зрителем пьесы «В ожидании Годо» станет человек, отчетливо видящий пороки буржуазности, он воспримет пьесу как сатиру на обывательское прозябание. Но для зрителя, ищущего оправдания своей общественной пассивности, скорее всего убедительным будет выглядеть создаваемое пьесой ощущение тщеты всякой деятельности.

Ощущение бессмысленности любых позитивных усилий переплетается у Беккета с обесценивающим всякую борьбу угнетающим ожиданием неизбежной для каждого кончины. О смерти говорится много, ее дыхание от эпизода к эпизоду все явственнее заполняет атмосферу драмы.

Всякому нормально мыслящему человеку чужда идея: «После меня хоть потоп». И в старости он продолжает заботиться о будущем своих детей, родных, близких. Приговоренный к смерти, неизбежно больной торопится успеть завершить свой труд, поделиться мыслями, опытом. Эти стремления, органически присущие личности, обогащают ее творческий потенциал, увеличивают протяженность ее влияния во времени, как бы переносят ее через поколения. Нравственная ценность личности в социалистическом обществе во многом измеряется дальностью прицела ее действий, совпадающих с заботами лучших людей эпохи... Есть закономерность в том, что нравственный упадок современного буржуазного общества соединяется с гипертрофией отчаяния, боязнью смерти, эстетизацией неуверенности, бесплодности сопротивления.

РЕЗКИМ и светлым контрастом этому пессимистическому искусству выглядит драматургия социалистического реализма, раскрывающая красоту и перспективность человеческого деяния, направленного к благородной цели. Тут главное, думается, — полностью использовать те чудесные возможности, которые предоставляют драматургии два основных ее взаимосвязанных свойства. Первое из них — действенность, второе — способность и потребность драматургического конфликта отражать диалектику жизни. Именно острота и глубина выявленных пьесой противоречий определяют ее драматизм и тем самым — силу ее эмоционального воздействия.

Один из досадных изъянов нашей литературы для театра состоит, видимо, в том, что за последние годы мало она дарит произведений, насыщенных подлинным драматизмом. В наступившем сезоне появились пьесы, посвященные существенно важным темам, привлекательные значительными характерами. Среди них — «Сочтемся славою» Я. Волчека, «Сказки старого Арбата» А. Арбузова, на которых мне хочется остановиться особо, так как они своим содержанием близки вопросам, затронутым этой статьей.

Герою «Сказок старого Арбата» мастеру кукол Федору Балясникову — шестьдесят, и он очень задумывается о своем возрасте, никак не хочет примириться с тем, что пора уже вроде и поступиться кое-какими надеждами, не говоря уже о некоторых чувствах.

Не сомневаюсь, что Балясников завоюет симпатии, улыбки, признательность за то, что в его обществе трудно пребывать в дурном настроении. Но охватит ли зрителей истинное волнение за судьбу героя, хотя он часто говорит о серьезном, о том же самом, что и герои «театра отчаяния», то есть о смерти, об одиночестве и прочем? Он, разумеется, за жизнь, он воплощение энергии, творчества для людей, он терпеть не может одиночества, с удовольствием отмечает: «Все-таки прекрасно сознавать, что тебя тянут в разные стороны!» Все это хорошо, но еще не обеспечивает драматизма пьесы. Потому что Балясникову все его победы — и в творчестве, и в спорах с любящими его людьми, и над самим собой — даются сравнительно легко. Автор, видно, так ценит жизнестойкость своего героя, что не решается ставить перед ним трудно одолимые препятствия, побуждать к неоднозначной и тем более мучительной внутренней борьбе. Пьеса, дескать, всего лишь «сказка», а к тому же еще и комедия, — чего же вы хотите?

Если бы Арбузов действительно задал такой вопрос, наверно, следовало бы ответить, что он по-своему прав. Отнюдь небесполезны и такие драматургические решения, но ведь и комедии бывают разные, в частности и насыщенные драматизмом. И хотя «Сказки старого Арбата» поддержат, несомненно, репутацию арбузовского таланта своей доверительной искренностью, эмоционально оправданным, а внешне порой неожиданным сочетанием доброй лиричности в мягкого юмора, своей психологической проницательностью, мне все-таки жаль, что счастливо найденный писателем характер не вошел в коллизии, которые могли бы вызвать более сильные переживания зрителей, может быть, даже эмоциональные потрясения. Жаль, ибо именно такая реакция лучше всего обеспечивает глубокие, долговременные зрительские впечатления.

Яков Волчек не определил жанра своей новой пьесы «Сочтемся славой». Ее герои — ученые и актеры. Такое собрание действующих лиц не случайно.

Пьеса как бы ищет гармонию между безотчетной радостью творчества и жесткой требовательностью к себе, самозабвенными полетами человеческого духа и трезвой практичностью, скрупулезно и расчетливо собирающей плоды вдохновенного творчества для насущного земного их потребления.

Крупные столкновения возникают между физиками большого масштаба, в прошлом друзьями, а теперь почти врагами, — Гараниным и Архангельским. Для обоих беззаветный труд, поиск, борьба — родные стихии, единственно дающая дыхание среда. Спор идет вокруг вполне «производственного» вопроса: Архангельский утверждает, что нужно вновь проверять стократ проверенное открытие, прежде чем начать великий эксперимент, Гаранин — против дальнейших проволочек. Однако за внешне специальными точками зрения Волчек умеет вскрыть разность социально-нравственных позиций, отношений к миру. И это в пьесе самое интересное, это питает ее драматизм, обещает все большее его нарастание...

Свои обещания автор выполняет далеко не полностью. Он, возможно, и дал бы все от него ожидаемое, если бы, как мне кажется, не усомнился в полноценной сценичности обретенного конфликта. Изрядное место отведено изложению в диалогах истории любви Гаранина и актрисы Ольги. Они вплоть до финала не могут соединить свои судьбы, потому что, во-первых, некогда, во-вторых, сын ученого, Алексей, сам молодой ученый, ревнует безупречно достойную кандидатку в мачехи к памяти покойной матери. Все это написано так, что хотя и помогает прибавить новые черточки к характеру Гаранина, но мало связывается с движением основной коллизии.

Право же, драма способна быть сколько угодно многоплановой и даже многотемной, иногда ей необходимы и сюжетные отвлечения. Но непременно единым должен быть конфликт, выраженный, как правило, «комплексно» — и в открытой борьбе, и в противоречиях характеров, и в диалектике мысли. Едины, по терминологии Станиславского, сквозное и контрсквозное действие, понимаемые как «подводные течения» пьесы. Конфликт образно концентрирует в себе развитие всех тем и планов пьесы. Тут нам подают примеры и Шекспир, и Островский, и Чехов, и Горький, и «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, и «Нашествие» и «Метель» Л. Леонова... А эпизоды, которые расставляются драматургом вне конфликта, поверх его или в стороне от него, снижают, конечно, целостность впечатления.

Так эта статья, начатая некоторыми рассуждениями о социальности содержания драмы, завершается постановкой вопроса о социальности ее функции, то есть ее общественного воздействия. Обе проблемы неразрывно связаны с идейной целеустремленностью драматической литературы, с ее живым, естественным дыханием.

Фото недели

По приказу президента Никсона американские тяжелые бомбардировщики недавно вновь обрушили свой смертоносный груз на головы мирных жителей ДРВ. В результате бомбежек имеются жертвы среди населения.

НА СНИМКЕ (справа): *раненный осколком бомбы вьетнамский крестьянин с сынишкой на одной из улиц пригорода Ханоя.*

Фото из журнала «Эспрессо» (ИТАЛИЯ)

Братья мужественной американской коммунистки Анджелы Дэвис, которой грозит расправа в Сан-Рафеле, Фаррия, Джордан и Реджинальд Дэвис (снимок слева) возглавляют демонстрацию протеста против судебного фарса калифорнийских властей.

Фото из газеты «Унита» (ИТАЛИЯ)

ПОЛИТИКА

ЗА КУЛИСАМИ ФАКТА

РАЗГОВОР С ПАТРОЛМЭНОМ МЭРФИ ИЗ ПОЛИЦЕЙСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА НЬЮ-ЙОРКА

Бандитские выходки *сионистских* хулиганов против советских учреждений и граждан в Нью-Йорке и Вашингтоне известны всем. Нападения на здания советского представительства при ООН, на отделение ТАСС в Вашингтоне, бомбы, взорванные в нью-йоркском отделении «Интуриста» и Аэрофлота, у входа в здания информационного и торгового отделов посольства СССР, оскорбления советских дипломатов, грязные ругательства на русском языке, которые члены так называемой «Лиги защиты евреев» выкрикивают специально перед советскими женщинами и детьми,— все это только за последние недели.

Любому человеку, видевшему два или три раза участников истерических антисоветских демонстраций у здания советского представительства или тех юнцов, которые, бледнея от собственной наглости, врывались в здания советских учреждений в Нью-Йорке, ясно, что во всех этих случаях действуют одни и те же несколько десятков человек, многие из которых — подростки школьного возраста.

И когда, каждый раз после очередной выходки сионистов, узнаешь, что могущественная нью-йоркская полиция, оснащенная всей современной полицейской техникой (не говоря уже о физической силе специально подобранного и тренированного личного состава), снова и снова оказывается «бессильной» перед десятком юнцов, что атаман Кахана снова и снова выходит сухим из воды, неловко смотреть в обветренные физиономии нью-йоркских копов. И когда коп — громила ростом в шесть футов, который, если очень нужно, согнет ручищами дуло винтовки, говорит, что те юнцы для него — «крепкий орешек», становится смешно, настолько ложь очевидна.

Но, наверное, и полицейскому терпению приходит иногда конец. Возможно, некоторым копам надоело быть козлами отпущения и принимать на себя вину, которая целиком не лежит на их плечах.

Во всяком случае, такая мысль возникла у меня после беседы с патролмэном (участковым) Мэрфи из отдела прессы полицейского департамента Нью-Йорка. Я позвонил в этот отдел не другой день после того, как узнал о Заявлении Советского правительства правительству США по поводу безнаказанных бесчинств сионистов против советских граждан в Нью-Йорке и Вашингтоне. Позвонил, чтобы узнать, собираются ли нью-йоркские полицейские предпринимать меры для обеспечения безопасности советских учреждений в США.

Дежурный по отделу сказал, что позовет к аппарату человека, который сможет дать мне компетентный ответ.

Трубка долго молчала, потом ее взял патролмэн Мэрфи. Он выслушал меня и сказал следующее:

— Все вопросы об охране советских граждан решаются не в полиции, а в государственном департаменте, полиция — только исполнитель.

И в тоне его голоса мне послышалась откровенная досада.

— Значит, вопрос — как охранять, зависит не от вас, а от них? — спросил я.

— Все идет через госдепартамент в Вашингтона, сэр, — еще раз подтвердил патролмэн.

Я подумал вначале, что, может быть, патролмэн Мэрфи адресовал меня к госдепу просто потому, что не захотел говорить со мной. Или из чувства перестраховки. Но в тот же день в газете «Нью-Йорк таймс» я прочел черным по белому, что действительно вопрос о степени охраны советских учреждений в Нью-Йорке решается не полицией, а государственным департаментом.

Стало понятно раздражение, которое я услышал в голосе патролмэна Мэрфи. Видимо, в этом и кроется причина ябессилия» всей нью-йоркской полиции перед кучкой хулиганов из «Лиги защиты евреев», которая, пользуясь покровительством некоторых кругов Вашингтона, специализируется на антисоветской истерии.

Г. БОРОВИН,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК. (По телеграфу)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

В БОННЕ ПРЕКРАСНАЯ СЛЫШИМОСТЬ

Мои коллеги к партнеры по телефонным разговорам могут засвидетельствовать: в Бонне прекрасная слышимость. Такой, по крайней мере, она была до сих пор. А в ближайшем будущем, по свидетельству местных властей, обещает стать еще лучше.

В Западной Германии официально вводится третий участник в телефонных беседах и переписке двух лиц. При этом гарантируется, что слышимость (для всех троих) нисколько не ухудшится, зато беседа (телефонная или письменная) станет намного познавательней, по крайней мере для третьего. Круг третьих лиц отобран весьма четко: это — сотрудники секретных служб (тайной полиции и охранки). Отныне бундесбюргер, обласканный всеми «щедротами» буржуазной демократии, станет еще богаче: он получает очередное право, право быть подслушанным. И если раньше он мог гнать от себя ату назойливую мысль (а оснований для таких подозрений и прежде было предостаточно), то теперь у него не будет сосать под ложечкой от неопределенности. Западногерманской Фемиде вручили подслушивающий аппарат, и ее новую деятельность благословили решением высшей судебной инстанции. Федеральный конституционный суд в Карлсруэ (тот самый, что в 1956 году запретил КПГ) принял на днях решение, узаконивающее подслушивание телефонных разговоров и досмотр почтовой и телеграфной переписки западногерманских граждан.

Судебный приговор высшей инстанции вызвал волну возмущений и протестов среди общественности и печати. Газета «Зюддойче цайтунг» назвала это решение «капитальным вмешательством в элементарные гражданские права, последствия которого пока даже невозможно предвидеть».

Закон о подслушивании был передан на рассмотрение федерального суда в Карлсруэ в связи с его очевидной антиконституционностью. После длительного разбирательства суд признал, что закон не противоречит «основным правам и достоинству граждан».

Не всем даются легко такие логические кульбиты. Из восьми судей в Карлсруэ за легальность закона о подслушивании проголосовали пятеро, а трое — против. Больше того, эти трое — Геллер, фон Шлабрендорфф и Рупп — выступили 5 января с заявлением, в котором критикуют вмешательство государства в личную жизнь граждан. По их мнению, подслушивание оскорбляет человеческое достоинство и противоречит основам существующей в стране конституции. «Обоснование, высказанное этими тремя, — отмечает газета «Кельнер штадт-анцайгер», — является не только пощечиной для парламента, мужественной и резкой отповедью их пяти коллегам, но и сигналом для общественности». Увы, несмотря на возмущение и протесты, бундесбюргер взят под тотальный контроль.

Человеку с детства прививают отвращение к подслушиванию и подсматриванию. Теперь буржуазное государство делает это нормой своей морали. И слышится, как трещит по всем швам буржуазный миф о правах человека. А слышимость в Бонне действительно отличная.

В. ЛОМЕЙКО,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

КЕЛЬН. (По телефону)

МНЕНИЯ

Женевьева ТАБУИ

БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ— ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Женевьеву Табун по праву можно назвать старейшиной французской журналистики. Вот уже почти полвека ее международные комментарии на важнейшие темы не сходят со страниц европейской печати. Голос ее часто звучит по французскому радио.

Мировую известность Женевьева Табун завоевала в годы, предшествовавшие второй мировой войне. У нее были широкие связи в дипломатических кругах европейских стран; она общалась с немецкими антифашистами, располагала богатой информацией. И это позволяло ей смело разоблачать происки гитлеровцев, а заодно и тех буржуазных политиков, которые шли на сговор с фашистской Германией.

Отдавая себе отчет в том, сколь серьезна угроза фашистской агрессии, Табун в та годы горячо ратовала за создание действенной системы коллективной безопасности в Европе. Она справедливо считала, что только объединенные усилия всех миролюбивых государств могут предотвратить войну. И сейчас Женевьева Табун верна себе: она выступает за укрепление европейской безопасности. Об этом свидетельствует, в частности, и комментарий, написанный французской журналисткой специально для «Литературной газеты».

Во Франции часто можно услышать рассуждения о том, что безопасность в мире основана в наши дни на равновесии сил между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Это одновременно и верно, и ложно. Ибо в этом случае смешивают «защиту против возможной войны» с подлинной безопасностью, то есть с таким положением, когда нет угрозы, вызывающей опасения, а, напротив, царят спокойствие и уверенность.

На протяжении более чем ста лет европейская безопасность была синонимом наличия средств, предназначенных для устранения беспокойства, созданного германской гегемонией в Европе». Так было в 1914 и в 1939 годах. Ныне европейцы впервые за сто лет не испытывают прежнего страха перед Германией. Это объясняется отчасти политикой правительства Брандта, но главным образом сознанием того, что Россия внимательно следит за тем, чтобы к экономической мощи Западной Германии не добавилось ядерное оружие, которое повергло бы всю Европу в состояние страха.

Впрочем, безопасность некоторых европейских стран может быть поставлена под угрозу экономической и финансовой экспансии какой-либо слишком крупной державы. Примером могут служить действия США в Латинской Америке в течение последнего столетия. Но не это является темой нашего комментария.

Я хочу подчеркнуть, что равновесие сил не может обеспечить надежной безопасности, ибо оно создает к сохраняет состояние напряженности. Эта напряженность будет усиливаться с каждым новым поворотом исторических событий, даже с каждым новым научным открытием, способным временно изменить соотношение сил в пользу той или иной державы.

Надежду Европе может дать совещание по европейской безопасности, если оно приведет к заключению пакта об отказе от применения силы, подобного я какой-то мере договору между Москвой и Бонном. Необходимо, чтобы восторжествовал дух сотрудничества между европейскими странами, которого им ныне так недостает.

Европейское совещание могло бы создать механизм, который позволил бы претворить в жизнь давнюю мечту о прочном мире в Европе.

УТОЧНЕНИЕ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Женевьева Табун высказывает свою личную точку зрения по поводу того, насколько задачи общеевропейского совещания по безопасности.

Важнейший вопрос о «германской опасности», который затрагивает Женевьева Табун, требует, однако, дополнения.

Исходя из реально сложившегося положения, необходимо говорить о каждом из двух германских государств в отдельности. В одном из них — ФРГ — реваншистские силы отнюдь не сложили оружия и не оставили мыслей об агрессии. Неонацистские элементы продолжают действовать. И это не дает оснований для спокойствия.

Решающим моментом, в силу которого европейцы действительно могут не испытывать «прежнего страха перед Германией», является существование немецкого государства рабочих и крестьян — Германской Демократической Республики. Вместе с Советским Союзом, другими социалистическими странами это миролюбивое государство стоит на страже мира в Европе.

К сожалению, такое серьезное обстоятельство, определяющее положение в Европе наших дней, Женевьева Табун в своем комментарии упустила.

Юрий БОЧКАРЕВ

ПАРИЖ. (По телефону)

КУЛЬТУРА

ИНТЕРВЬЮ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЯ

ПОСОЛ РЕСПУБЛИКИ ЧИЛИ

Имя выдающегося чилийского поэта, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Пабло Неруды широко известно в нашей стране. О нем не раз писала «Литературная газета», и сам поэт выступал на ее страницах. Недавно в печати появилось сообщение о том, что Пабло Неруда назначен послом Чили во Францию. Думаю, что «ЛГ» не стоило проходить мимо такого события, и самое время было бы взять у поэта-дипломата интервью.

В. КРУЖКОВ

ПЕРМЬ

По просьбе редакции «Литературной газеты» корреспондент ТАСС в Чили А. Медведечко встретился и беседовал с Пабло Нерудой накануне его отъезда в Париж.

— Я дипломат со стажем,—сказал поэт.—Еще в 1927 году я был назначен консулом в Бирме. Впоследствии не раз был на различных дипломатических должностях на Цейлоне, в Испании, Аргентине, Мексике, Франции и Италии.

На могу отделить поэта от политического деятеля, не могу представить писателя, который чувствует себя удовлетворенным жизнью, если он не участвует в борьбе за счастье своего народа. Невозможно быть спокойным, зная, что миллионы твоих соотечественников страдают от нищеты и голода. Поэт прежде всего гражданин. Именно этим определяется ценность его творчества.

— Я всегда считал, — продолжал Неруда, — что партия коммунистов является партией, представляющей коренные интересы простых чилийцев. Этот год для всех нас был особенным: впервые в истории страны прогрессивные силы пришли к власти. Это трудно представить, но в нашем правительстве четверо рабочих, из них три коммуниста. Такого мы еще не знали. Разумеется, победе далась нелегко. Позади десятилетия трудной и мужественной борьбы. Позади долгие годы подполья и изгнания, годы постоянных преследований и репрессий. Но ни подполье, ни изгнание, ни долгие годы борьбы не прошли бесследно. Наконец пришла наша победа. Теперь народ определяет судьбу своей страны. Представлять такую страну во Франции я считаю большой честью.

Беседа подходила к концу. Я задал традиционные вопросы: над чем работает поэт в эти дни? Будят ли он писать стихи, находясь на посту посла?

— Без стихов нет поэта. Конечно, я пишу. Работаю над большим поэтическим циклом. О чем? Позвольте не говорить: я в этом отношении немножко суеверен и считаю, что, как только раскрою тайну, работа может не удасться. Скажу одно: этот цикл, как и все прежние, будет посвящен моему народу. Отвечу на второй вопрос: я буду писать и во Франции. Я поэт и должен писать.

САНТЬЯГО. (По телефону)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

Покушение на Шерлока Холмса

На парижских экранах идет фильм голливудского кинорежиссера Билли Уайлдера, озаглавленный «Частная жизнь Шерлока Холмса». Постановщик ловко использует оба «притягательных» начала, содержащихся в этом названии. Однако «частную жизнь» знаменитого сыщика он изображает такой, что Конан Дойль вряд ли узнал бы в главном действующем лице фильма своего героя. Билли Уайлдер сам написал сценарий картины, рассказывающей о «самом грандиозном провале самого великого детектива». В фильме, пишет парижский журнал «Реалите», Шерлок Холмс предстает «...слабым, легкоранимым существом, одиночкой, который боится женщин, и разгадывание полицейских загадок для него является способом бегства от жизни. Когда ему слишком скучно, он играет на скрипке или делает себе уколы кокаина».

«Действительно, странный Шерлок Холмс!» — восклицает автор рецензии Жорж Элгози. Не трудно, однако, расследовав это «покушение» на Шерлока Холмса, установить, что знаменитый сыщик стал жертвой модернистской моды.

НРАВЫ

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

«МИЛЛИАРДЕР-ПРИЗРАК»

В свое время имя мультимиллионера Говарда Хьюза, неукоронованного короля игорного города порока» Лас Вегаса, не сходило со страниц американской печати. Его называли «миллиардером-призраком», самым таинственным человеком» в мире напитала. Владелец крупных промышленных предприятий, акционер железнодорожных и авиационных компаний, хозяин увеселительной индустрии Лас Вегаса, он не только сказочно богат, но одержим страхом за свою жизнь.

Никто, кроме самых приближенных и доверенных лиц, не знал, когда он покидал и когда появлялся в «Дезерт Инн» — роскошной гостинице, строительство которой обошлось в шесть миллионов долларов. Самолет Хьюза поднимался с тщательно замаскированного аэродрома в пустынном районе штата Невада и улетал в неизвестном направлении. В распоряжении магната — целая армия частных детективов и охранников, обеспечивающих его безопасность. В последнее время это уже перестало быть сенсацией.

Недавно, однако, о Хьюза снова заговорили в связи с неожиданными обстоятельствами. Появились слухи о его похищении, неизлечимой болезни и даже смерти. Лондонский «еженедельник «Обсервер» сообщает, что этому предшествовала ссора мультимиллионера с... Пентагоном, хотя, как известно, его финансовые интересы в немалой степени связаны с военно-промышленным комплексом.

Конечно, Хьюз целиком за то, чтобы США производили новейшие виды вооружений. Однако он хочет, чтобы испытывали их *подальше* от штата Невада. Ведь в Лас Вегасе расположены принадлежащие ему гостиницы, пропускной способностью в 15 миллионов человек в год, казино, игорные дома, рестораны и тиры. А толчки во время подземных ядерных испытаний в штате Невада ощущаются в роскошных отелях и казино и мешают беспечному отдыху богачей. В прошлом году магнат направил жалобу в военное ведомство. Но министр обороны Лэрд не посчитался с этим.

Хьюз разгневался и исчез: на этот раз о нем ничего не знают даже самые близкие люди.

Может быть, он действительно под покровом тайны отправился в «лучший мир»?

Началась борьба за право распоряжаться владениями короля Лас Вегаса. До сих пор его «вторым я» считался Мэйхью, в прошлом агент ФБР, юрист и бизнесмен.

Честер Дэвис и Фрэнк Гэй — управляющие промышленными предприятиями Хьюза в Неваде. Они завидуют Мэйхью и мечтают избавиться от него. Воспользовавшись отсутствием хозяина, Дэвис и Гэй прибыли в Лас Вегас, захватили один из отелей, объявили Мэйхью, что он уволен и должен немедленно покинуть город. Для подтверждения своих прав претенденты на власть в «городе порока» предъявили письменное распоряжение Хьюза об увольнении Мэйхью. Тот сказал, что это фальшивка, и не двинулся с места.

Между тем подоспели праздники — рождество, Новый год, каникулы. Прибылями не шутят, игорный сезон для золотой молодежи в разгаре, и противники объявили временное перемирие.

«Обсервер» пишет, что спор, если не появится Хьюз, будет решать губернатор штата Невада — ведь и у него есть доля в этом пироге...

«Думайте десятично!»

Перед Новым годом в Великобритании началась необычная кампания под лозунгом «Думайте по десятичной системе!». Цель кампании, продолжительность которой полтора месяца, а стоимость — 3 миллиона фунтов стерлингов, — внедрить в сознание англичанина, что отныне он должен вести свои финансовые сделки и расходы в денежных единицах, кратных десяти. Дорогие его сердцу фрипенсы, сикспенсы, шиллинги, гинеи следует забыть навсегда, сохранив лишь из-за уважения к традиции пенс и фунт, наполнив трансформированные единицы новым содержанием. Начиная с 15 февраля фунт стерлингов будет состоять из ста новых пенсов вместо 20 шиллингов по 12 пенсов каждый, как прежде.

Открывая эту кампанию, председатель «Государственного десятичного валютного совета» лорд Фиси заявил: «Это будет одна из самых активных кампаний, когда-либо предпринимавшихся в стране. Ведь мы меняем привычки многовековой давности».

Типографии уже изготовили 20 миллионов красочных буклетов «Гид к десятичной системе» объемом в 20 страниц.

Многие официальные лица, однако, выражают опасения, что привыкнуть к новой, более простой системе англичанам будет так же трудно, как и отвыкнуть от старой, в которой разбирался далеко не каждый житель Британских островов.

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ

ИЗ ПЕРЕДАЧИ КИТАЙСКОГО РАДИО

Моряк Северного флота Чун Ши-хун, несмотря на сильный ураган и дождь, достойно отстоял вахту. Вернувшись в кубрик, он снял свою промокшую одежду и повесил ее на провод, чтобы посушить. Но из-за разрыва в сети в результате урагана в проводе был ток, и Чун Ши-хуна сильно ударило. Когда его привезли в больницу, его сердце не билось. Ему была оказана срочная помощь, но деятельность сердца не восстановилась.

В больнице было старое оборудование, и опытных врачей не было; те, кто работал, растерялись и не знали, что делать. Но потом они начали массаж сердца Чун Ши-хуна. К тому времени оно уже бездействовало 159 минут.

Три врача по очереди 60 раз по 8 минут массировали сердце пострадавшего, но оно не билось. Тогда они прочитали одну из цитат в сборнике Мао Цзэ-дуна и снова взялись за массаж, и вдруг Чун Ши-хун начал дышать. Его сердце стало биться вновь!

Так врачи с помощью философских идей Мао Цзэ-дуна дали вторую жизнь Чун Ши-хуну.

ПРЕССА

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВ

НЕОБЫЧНАЯ РОЛЬ АЛЕНА ДЕЛОНА

Лондон, июнь 1940 года. Некий француз, оказавшийся в штаб-квартире генерала де Голля, положил в карман листок бумаги, исписанный энергичным размашистым почерком, испещренный помарками и исправлениями. То был текст «Воззвания ко всем французам» генерала де Голля, которое вскоре появилось на стенах лондонских домов, беспрестанно передавалось в эфир английскими радиостанциями и стало в оккупированной Франции одной из самых опасных нелегальных прокламаций...

Прошли годы. Господин по фамилии Журден, взявший со стола небрежно брошенную рукопись, понял, что в его руках — ценный исторический документ. Нередко, принимая гостей, он вспоминал о своем лондонском прошлом и, когда речь заходила о генерале де Голле, приносил кожаную папку и доставал из нее «поразительную штуковину»...

Настал год 1970-й. Франция похоронила генерала де Голля. Не прошло и четырех дней после его кончины, как Журден доверительно сообщил приятелю, что хотел бы продать «Воззвание». Но вот заговорщики сделка должна сохраняться в величайшей тайне. Он согласится уступить документ только иностранцу, который увезет его за пределы Франции.

Приятель Журдена обратился к г-ну Пьеру дю Сен Сиру, имеющему высокопоставленные знакомства за рубежом. Г-н де Сен-Сир побледнел, как полотно. Для него было непостижимо, как можно продать ценнейший документ деголлевской эпохи, чтобы похоронить его в сундуках иностранного коллекционера! Г-н де Сен-Сир срочно вызвал своего друга. Этот друг — Ален Делон.

— Садись, Ален, слушай, Ален садится и слушает.

— Что жа делать? — спрашивает г-н де Сен-Сир.

— Владелец «Воззвания» решил продать его только иностранцу, он так и сделает.

— Отлично, — говорит Делон, — иностранцем буду я.

Ален Делон звонит в Аргентину, где у него есть надежный друг:

— Будь наготове. Как только я тебя попрошу, сядешь в самолет и прилетишь в Париж. Я потом объясню, зачем это нужно.

Через неделю в кабинет Делона входит элегантный мужчина. Это г-н Хосе Рота, аргентинский друг Делона, прилетевший во Францию, чтобы сыграть роль посредника. Рота выучил эту роль наизусть.

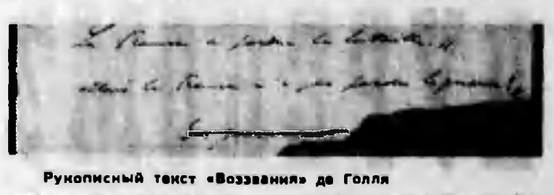
Назавтра он является в назначенное время на свидание к Журдену. В Буэнос-Айресе его приятель дежурит у телефона. Если продавец, осторожности ради, захочет ему позвонить, он подтвердит, что действительно собирается приобрести документ...

Вот что рассказал Хоса Рота об этой встрече:

— Я сразу же ощутил недоверие Журдена. Малейшая оплошность с моей стороны—и он отказался бы от дальнейших переговоров. Но в конце концов Журден успокоился.

— Деньги при вас? Наличными?

Рота невозмутимо достает толстую пачку новых купюр. Продавец извлекает из папки документ.

Рукописный текст «Воззвания» де Голля

В эту минуту Журден совершенно уверен, что «Воззвание» начало долгое путешествие в Южную Америку, где станет ревниво охраняемым сокровищем богатого скотопромышленника.

Но спустя четверть часа «Воззвание» оказалось в руках у Алена Делона. Через два недели в министерстве обороны Делон торжественно вручил папку министру г-ну Дебре.

...Поначалу Журден запросил за «Воззвание» 30 миллионов франков. Потом сбавил цену и потребовал 30. Тридцать миллионов... Тридцать сребреников...

«Пари-матч» (ФРАНЦИЯ)

(Печатается с сокращениями)

ПЯТЬ ШАГОВ ЗОДЧЕСТВА

СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА АРХИТЕКТОРОВ СССР ВЛАДИМИР БЕЛОУСОВ РАССКАЗЫВАЕТ О СТРАТЕГИИ, КОТОРАЯ ОБЕСПЕЧИЛА УСПЕХИ СОВЕТСКОГО ГРАДОСТРОЕНИЯ В МИНУВШЕМ ПЯТИЛЕТИИ И ОТКРЫВАЕТ ПЕРЕД ЗОДЧИМИ НОВЫЕ, ПЛОДОТВОРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Гор. СОСНОВЫЙ БОР. 2-й микрорайон.

АРХИТЕКТУРНЫЙ СТЕНД «ЛГ»

УЛЬЯНОВСК. Гостиница «Венец»

ВОПРОС: В наша время архитектура стала столь многогранной, многоплановой сферой человеческой деятельности, что охватить ее в целом, особенно неспециалисту, чрезвычайно трудно. И все-таки какова, по вашему мнению, центральная проблема всей современной советской архитектуры!

ОТВЕТ: Да, архитектура, традиционно оставаясь искусством, ныне стала во многом похожа на точные науки с их узкой специализацией по разделам и одновременно широким фронтом общего движения. Появились в единой архитектурной профессии более замкнутые специальности: архитекторы, занимающиеся планировкой транспортных магистралей, архитекторы по ландшафту, я уж не говорю о специалистах по гражданскому, промышленному, сельскому зодчеству. Научно-технический прогресс, величие задач и стремительность исполнения этих задач наложили свою печать и на нашу профессию.

И все-таки я думаю, что назвать главную, так сказать сквозную, проблему архитектуры можно. По-моему, это проблема градостроительства.

За последние четыре года мы построили около ста городов и несколько сотен жилых массивов и микрорайонов. К 1980 году нам предстоит построить еще примерно 250 городов и несколько тысяч отдельных микрорайонов. С работами подобного размаха и срочности архитекторам не только нашей страны, но и мира никогда еще не приходилось иметь дела. Нам отводятся годы на такое строительство, какое прежде осуществлялось десятилетиями и даже веками.

Это количественная сторона вопроса. Но количество, как известно, переходит в качество. Все, что мы ныне проектируем и строим, так или иначе является частью градостроительства или же прямо и непосредственно от него зависит. Архитектор прошлого мог строить отдельно стоящий замок вельможи с английским парком при нем или усадьбу помещика среди неких деревень, при этом не решалось никаких градостроительных задач. Города же развивались стихийно.

Ныне положение совершенно иное. Современный город — единый комплекс, строящийся по строгому плану, и все остальное — пригородные сооружения, промышленные объекты, места отдыха и так далее — строится в теснейшей с ним связи. Дороги и транспорт сделались важнейшими составными частями города, без них он немыслим. Сегодня все территории, где человек работает, живет или отдыхает, «подведомственные архитекторам — идет ли речь о расположении окон в цехах или интерьере квартиры.

По-моему, именно градостроительство на практике собирает зодчих воедино, ибо только совместный труд многих узких специалистов архитектуры создает тот сложный организм, который носит название «город». Сейчас любое обсуждение творческих проблем в Союзе архитекторов непременно начинается с анализа градостроительных решений.

Архитектор пришел и на село. С его помощью нынешняя деревня постепенно, но неумолимо преобразует свой облик. Где-то превращение идет медленно, где-то быстрее. В Московской области, скажем, реконструкцией сел занялась столичная организация Союза архитекторов, самая большая в стране. Над реконструкцией подмосковных деревень сейчас работают в столице примерно пятьдесят проектных институтов.

ВОПРОС: Городской организм, если пользоваться вашей формулировкой, — невероятно сложная цепь причин и следствий. А в распоряжении современных архитекторов почти те же орудия труда, что и в прошлом: собственная голова, ватман, карандаш да готовальня. Как же вы обходитесь!

ОТВЕТ: Это не совсем так. Двести и даже еще сто лет назад можно было возводить здания, опираясь лишь на личный опыт, интуицию, ориентируясь на небольшое число ограничений: ну, например, в Петербурге предельная высота домов была ограничена высотой Зимнего дворца. Сегодня на одной лишь интуиции не проживешь — мы строим не здания сами по себе, а города!

Нужны глубочайшие социально-экономические обоснования, точнейшие технические расчеты. Без электронно-вычислительной техники нам не обойтись. Сейчас мы вплотную подошли к необходимости — пусть вас не удивит это слово — автоматизировать проектирование городов и отдельных объектов, ибо людям уже трудно учитывать ту бездну факторов, от которых зависит выбор оптимального варианта.

ВОПРОС: Владимир Николаевич, а как на практике учитывается такой фактор, как национальные традиции в архитектуре! Ведь это настолько тонкий и деликатный нюанс, что машине, вероятно, нелегко с ним «справиться»!

ОТВЕТ: Да, машине это не под силу. Тут нужны человеческий вкус, творчество, фантазия, талант. О национальных традициях в архитектуре написано много книг. В теории, казалось, все ясно, а на практике не совсем. Вмешивается множество соображений, интересов, в том числе ведомственных. Если у директора завода есть, положим, фонды на кирпич, но нет лимита на цветную мозаику, то он, понятно, построит столовую без мозаики, ибо рабочих кормить-поить надо сегодня же, а не тогда, когда появится лимит. Кроме того, надо было вырасти кадрам национальных архитекторов, достаточно хорошо знающих и достижения мирового зодчества и одновременно чутко ощущающих национальный колорит, архитектурные традиции своего народа.

Ныне такие кадры есть. Я думаю, в последние годы мы всерьез, на практике ищем и часто находим гармонию национального и интернационального в архитектуре. Национальные традиции не сводятся ведь к чисто формальным приемам или деталям — к той же мозаике, например. Архитектор, считающийся с климатическими условиями, ландшафтом, обычаями народа, обязательно строит, применяясь именно к данному ареалу, а значит, вольно или невольно считается с многолетним опытом национального строительства. В этом смысле показательны кварталы в новом Ташкенте, где наряду с многоэтажными комфортабельными жилыми домами построены группы одноэтажных зданий. Архитекторы учли многовековой народный опыт. Новые дома хорошо приспособлены к многим местным особенностям — но созданы из современных материалов, конечно. Одноэтажные дома рассчитаны на одну семью, но большую — ведь в Узбекистане многодетные семьи.

Интересно строят сейчас в Ашхабаде. Здания Каракумстроя, гостиница «Ашхабад», библиотека спроектированы под руководством Абдуллы Рамазановича Ахмедова на уровне высшего творчества. Авторы смело использовали в архитектуре орнамент старинного туркменского ковра. Органично вошли в сложившийся ансамбль городов современные, но разные по характеру гостиницы «Алма-Ата» в столице Казахстана, «Иверия» в Тбилиси. Города Навои в Узбекистане и Шевченко в Казахстане спроектированы ленинградцами с учетом местных условий и традиций — это города с прогрессивной планировочной структурой, продуманной объемно-пространственной композицией, комплексным решением системы обслуживания.

Архитектуре нового района Вильнюса — Жирмунай — удостоено Государственной премии СССР. В городе строится еще один район — Лаздинай, и его создатели смело заявляют, что он будет еще лучше.

ВОПРОС: А как обстоят дела в РСФСР!

ОТВЕТ: Как раз на днях я вернулся из Тулы, где присутствовал на открытии нового областного театра. Беру на себя смелость утверждать, что с архитектурной точки зрения это сегодня лучший театр страны. Группа из четырех архитекторов Гипротеатра создала оригинальное, не имеющее прототипов театральное сооружение. Здание перекрыто единой пространственной плитой. По чертежам и конструкциям авторов проекта создано уникальное оборудование для сцены, выразительные интерьеры. Туляки сами все сделали на своих заводах, в театре — ни одного привозного гвоздя.

Много и вдумчиво работают зодчие в Горьком, в Новосибирске, на Дальнем Востоке.

ВОПРОС: Хорошо, конечно, что мы ствли строить надежней, быстрой и массово. Но вот такой вопрос. Сто городов, построенных за четыре года, двести пятьдесят, что нам предстоит построить за девять пят, — у всех ли у них весна судьба! Ведь новые города обычно строятся с определенной утилитарной целью: около заводе, для эксплуатации открывшегося месторождения нефти или руды, на транспортной магистрали. Но, допустим, месторождение истощается, а город — что будет с ним!

ОТВЕТ: Это сложный вопрос, и исчерпывающе на него ответить пока нельзя. Действительно, новые города зачастую встают на голом месте или преобразуются из предшествующего поселка. Все они строятся по генеральному плану. Смотря по обстоятельствам, предусматривается максимальный размер население. «Нефтяные» города Западной Сибири, например, рассчитаны на десятки тысяч человек, а вот Тольятти — на 300 тысяч. Набережные Челны — на 450 тысяч. Полумиллионный город сразу не построишь, он вводится по этапам. А пока этапы сменяют друг друга, жизнь вносит свои коррективы. Генплан — это на двадцать пять — тридцать лет развития. Практически — до 2000 года. Дальше — туманней. Более или менее приемлемые схемы на пятьдесят лет вперед мы имеем для большинства городов. Иногда в общих чертах можно предвидеть судьбу города на сотню лет. Кое-кто из архитекторов считает, что предвидение на пятьдесят, а тем паче на сто лет похоже на гаданье на кофейной гуще и не имеет смысла. Я с этим не согласен. Вкладывая гигантские ценности в капитальное строительство, мы обязаны хотя бы в общих чертах уметь предвидеть, уметь не дать обесцениться своему труду в будущем. По рельефу, ландшафту и другим природным условиям удается предсказать, что, мол, и через сто лет данный город будет расти, предположим, не на север, а на юг, и именно так надо ориентировать его коммуникации. Зная климат, мы можем с уверенностью сказать, что господствующие ветры и через четыре поколения будут диктовать необходимость ставить заводы так, а жилые дома — эдак. И все-таки прогнозирование градостроительства еще только в начале своего развития.

Конечно, месторождение когда-то иссякнет, такое может случиться, завод придется демонтировать, но город, возникнув, приобретает самостоятельную ценность и продолжает жить, переподчиняя своим интересам наши сегодняшние расчеты.

ВОПРОС: По-видимому, подобные же вопросы вынуждены решать архитекторы и в других развитых странах! Урбанизация — мировой процесс, однако любопытно знать: можно ли сейчас назвать на Запада страну — лидера в архитектуре, подобно, скажем, Италии XIV века!

ОТВЕТ: От зарубежных архитекторов нередко приходится слышать, что они завидуют условиям работы советских архитекторов, свободных от давления богатых частников, фирм, землевладельцев. Они бы тоже не против руководствоваться лишь целесообразностью и человечностью, но связаны по рукам и ногам... На случайно видный теоретик архитектуры Доксиадис стихийность городского развитие возвел в норму, создав теорию так называемого динамичного города, бесконечно тянущегося вдоль беспрерывно удлиняющихся транспортных магистралей.

Конечно, в вопросах, стоящих перед архитекторами мира, много общего, но решаются они по-разному. Наверное, именно поэтому на Западе нет ныне страны — лидера в архитектуре... Можно найти интересные примеры строительства отдельных зданий и сооружений. В Японии прекрасные олимпийские стадионы, во Франции — творчество Ле Корбюзье, в Бразилии — здания Нимейера. Но если рассматривать архитектуру в широком плане, то мы увидим нерешенные проблемы градостроение во Франции, безуспешные попытки регулировать, сдерживать рост Большого Лондона путем строительства городов-спутников, которые по идее должны были оттянуть часть населения из столицы Англии, а на самом деле превратились в «города-спальни», куда лондонцы приезжают лишь на ночь, что еще больше усложнило их жизнь. В Японии, отыскивая выход из трудностей развития капиталистического города с его пороками, архитекторы предложили строить новый район над морским заливом, дабы, кроме всего прочего, прекратить спекуляцию землей и открыть городу выход к «большой воде», к морю, — ныне Токио отрезан от него промышленными предприятиями, складами, портовыми сооружениями. И хотя проект сулит какой-то выход из создавшейся ситуации, он свидетельствует в общем-то о тупике в градостроительстве...

Показателен итог последнего конгресса Международного союза архитекторов в Аргентине, в решении которого ясно и четко отмечено, что лишь ликвидация социальных противоречий может создать реальные предпосылки для развития подлинной архитектуры.

В нашей стране при социалистическом строе давно нет места социальным антагонизмам. Этим и объясняется расцвет советского градостроительства, его успехи в минувшей пятилетке и те перспективы, которые открываются перед нами в ближайшем будущем.

Сегодня на нашем архитектурном стенде — работы ленинградских зодчих и инженеров, удостоенные в юбилейном ленинском году Государственных премий РСФСР в области архитектуры. Это микрорайон № 2 города Сосновый Бор (архитекторы Б. Г. Машин, Б. Н. Локтев, Е. Ю. Пискаренко, Ю. Т. Савченко, инженеры-строители В. Н. Латий, Г. И. Шурыгин) и гостиница «Венец» в Ульяновске (архитектор Б. Н. Баныкин, инженер А. В. Карагин, инженеры-строители Г. В. Анциферов, Б. Н. Стариков).

Сосновый Бор — новый градостроительный комплекс, выросший на побережье Финского залива под Ленинградом. Уже несколько микрорайонов построено там среди густого леса.

Авторы проекта и строители микрорайона № 2 искусно вписали жилые и общественные здания в естественный ландшафт. Умело использованы в качестве декоративных элементов камни-валуны и обломки гранита. Для детей из валунов сложена настоящая древняя крепость... Жилые дома микрорайона имеют улучшенную планировку и отличаются высоким качеством строительных и отделочных работ. В плане это не простые прямоугольники: секции зданий соединены под углом, и благодаря этому застройка приобрела особую живописность.

Весь город строится так, чтобы людям было удобно и уютно в нем жить.

Простое и строгое по своим архитектурным формам здание высотной гостиницы «Венец» органично вошло в общий ансамбль Ленинского мемориального центра в Ульяновске. К основному корпусу гостиницы, где расположена жилая часть, — в удобных и комфортабельных номерах может разместиться 1 000 человек — примыкает двухэтажная пристройка с рестораном, баром, административными помещениями.

ЧТО БУДЕТ С НУРЕКОМ?

А. ОДИНЦОВ

На карте нашей Родины за последние годы появились десятки новых городов. Они преисполнены молодости, энергии, а главное — удобны для человека, отлично гармонируют с окружающей природой. В городах-новостройках их создатели предусмотрели все необходимое для труда и отдыха современника.

Однако жизнь ставит все новые и новые проблемы. Вот одна из них. Давно ли градостроители жили лишь во времянках, испытывая на себе все неудобства и тяготы быта? А вот строители Нурекской ГЭС живут в отличных домах, в благоустроенном городе! Казалось бы, только радоваться. Но без трезвого и серьезного расчета, без учета перспективы радость обрачивается новыми заботами, потерями. Иллюстрацией тому могут служить история и нейсная пока судьба Нурека. Возводят ГЭС тысячи людей, а работать на ней — сотням. Уйдут строители — кто же поселится в их домах, кто останется в городе, рассчитанном на десятки тысяч жителей?

СТАРИННЫЙ кишлак Нурек был расположен на древней тропе человека. По горным склонам, над узким каньоном многоводного, разъяренного в теснине Вахша пробирались древние люди планеты. Археологи обнаружили стоянку и по каменным орудиям, по остаткам кострищ определили возраст — сто тысяч лет. Тут весной 327 года до нашей эры прошагали когорты Александра Македонского. По Великому Шелковому пути двадцать веков двигались караваны: купцы и разбойники оставили немало следов.

Десять лет назад на месте глинобитного кишлака чабанов и табаководов решено было построить город строителей Нурекской ГЭС, створ которой находится как раз в самом знаменитом месте, у Пулисангина — Каменного моста, за обладание которым люди не раз сражались.

Сейчас, когда пишутся эти строки, моста уже нет, Вахша тоже нет — он нестоится в двух туннелях, проложенных в скалах, на бывшем дне реки сооружается уникальная по конструкции каменно-набросная плотина, самая высокая в мире — триста метров! В глубине скал проложено уже, наверно, около тридцати километров туннелей различного назначения и возводится здание для девяти гидроагрегатов, мощность которых достигнет 2 700 тысяч киловатт.

Десять лет назад в хижине с земляным полом состоялась первая сессия Нурекского городского Совета. Говорили о будущем города, и депутаты поздравляли друг друга с этим радостным будущим, а в порядке критики, в частности, заметили, что ишаки и собаки мешают свободному движению людей и машин. Не мудрено: тогда большая часть населения Нурека была четвероногой.

НА ТОРЦЕ первого четырехэтажного дома московские студенты-сурикольцы изобразили шагающего рабочего, а над ним надпись: «Я знаю — город будет!»

И город стал!

В нем, вместе с двумя поселками индивидуальных застройщиков, около двадцати тысяч жителей. Без малого сто сорок — преимущественно четырехэтажных — жилых домов. Много улиц, но только одна — для городского транспорта: тяжелые машины обходят Нурек стороной. Так решается проблема шума, загрязнения воздуха выхлопными газами. На улицах, параллельных главному проспекту, — молодые зеленые насаждения с арыком к каждому дереву, детские площадки с купальными бассейнами-лягушатниками, качелями, горками, беседками... Плавательные бассейны с вышками, искусственные озера, стадион, парк, бульвары. Превосходный архитектурный ансамбль в центре города. На здании управления строительства — гребешки бетонных жалюзи — защита от солнца; на торце — скульптурная эмблема «Покорение Вахша».

Гостиница, галерея с колоннами, где устроились всевозможные мастерские бытового обслуживания. Дом культуры с фризами в фойе и дворики с фонтанами... А неподалеку — кинотеатр с гигантским мозаичным панно, универмаг, кажется, состоящий из одного стекла. Между этими зданиями — тоже фонтаны... Вниз по набережной — к Вахшу — широкая лестница... Таков этот город Нурек! Он производит прекрасное впечатление, хотя жить в нем очень жарко. Солнце пробивает стены, а в квартирах впору выращивать тропические растения.

Жара отпугивает многих. Архитекторы, пожалуй, не учли особенностей здешнего климата, где летом 35—40 градусов в тени.

И все-таки не это самая главная проблема Нурека...

НЕДАВНО я побывал в Постакане — небольшом городском поселке на Вахше, неподалеку от Нурека. Там Байпазинская плотина поднята реку на пятьдесят метров через туннель, пробитый поперек хребта Каратау, вода течет в Яванскую и Обникиикскую долины, орошая хлопковые поля, сады, виноградники. Прежде там была засушливая степь.

Я бывал в Постакане не раз во время строительства — городок кипел. То там, то здесь вырастали новые дома, образовывая улицы, площади; люди жили в вагончиках, главная проблема была — жилье. Помню, в трехкомнатной квартире стояло двенадцать раскладушек, застеленных спальными мешками. Там жили инженеры, мастера, прорабы...

Сейчас Постакан опустел. В двухэтажном двенадцатиквартирном доме живет одна семья. В другом таком же — две семьи. Небольшая группа эксплуатационников, учителя, фельдшер, продавцы в магазинах, повар, официантка, посудомойка, библиотекарь, киномеханик, еще несколько человек — вот и все население некогда многолюдного поселка.

А что будет с Нуреком?

Есть города металлургов, угольщиков, химиков, есть города-курорты, города-музеи... Нурек — город строителей гидроэлектростанции. В ближайшие два с половиной года, до пуска первых агрегатов, здесь ожидается острейшая нехватка жилья, ибо надо набрать еще по меньшей мере полторы тысячи рабочих. Для них срочно решили построить двухэтажные деревянные дома, тридцать или сорок. А потом? Потом постепенно начнут уходить строители — туннельщики, бетонщики, арматурщики... Что будет тогда?

Председатель исполкома Нурекского горсовета В. Шукуров сообщил мне, что, очевидно, в Нуреке начнется строительство швейной фабрики, что, может быть, создадут фабрику сувениров, что, по-видимому, сохранят авторемонтные мастерские.

— Но пока это лишь проекты, — так закончил председатель горисполкома.

На швейной фабрике используется женский труд. А что делать мужчинам? В городе останутся эксплуатационники, максимум человек сто, часть мужчин будет работать в автомастерских... По самым оптимистическим расчетам, работа найдется для пяти, ну, шести тысяч жителей. А город — на 21—28 тысяч!

Разные люди в Нуреке в разговоре со мной пытались угадать его судьбу, высказывали различные предложения, предположения. Можно расширить пригородный совхоз, а рабочих выселить из стареньких домиков и предоставить каждой семье одну или две квартиры. Можно разместить учебные заведения, и не одно, а несколько...

Заместитель главного инженера Нурекгэсстроя В. В. Коваленко, в ведении которого находится строительство города, заявил без обиняков:

— Город вызван к жизни строительством гидростанции, потом нам Нурек будет не нужен. Что с ним делать — нас не касается, мы — гидростроители! Построили ГЭС и ушли на следующую площадку. Деньги на Нурек — капитальный город — выделило Министерство энергетики и электрификации СССР. А может быть, надо было строить временное жилье? Провести дороги, подземные коммуникации — все на рассчитанное количество рабочих, а затем привезти комфортабельные домики — с охлаждением, отоплением, горячей водой, телефоном... Построили, скажем, ГЭС — домики эти погрузили на поезд и — дальше.

ГОРКОМ партии и горисполком провели недавно в Нуреке беседу за «круглым столом». Тема: настоящее и будущее новых городов на примере и уроках Нурека. Проблема очень важная. Только в Таджикистане предполагается в ближайшее время построить две крупные электростанции на Вахше — Рогунскую и Байпазинскую и большую ГЭС в низовье Пянджа. В сравнительно близком будущем маленький Таджикистан превратится в гигантский энергетический котел, ибо по запасам гидроэнергии республика находится на втором месте в стране после РСФСР. Какие же города нужно строить энергетикам: временные или постоянные?

Иван Машков, электрик, сказал за этим «круглым столом», что надо заранее думать о будущем городов, что вместе с проектом ГЭС должен быть разработан проект города, перспективный план его развития. Уехали строители, но в городе к тому времени создана промышленная база, она развивается, новые рабочие заполняют жилища строителей, у города только меняется профессия. Так должно быть!

Геннадий Трегубов — бригадир монтажников, Михаил Черемнов — проходчик, Камол Хамсариев — бригадир бетонщиков, Анатолий Титов — бригадир плотников и другие, вспоминая, как строили Ангарск, Братск, Дивногорск, говорили преимущественно о том же: города нужно строить продуманно, планово.

Участники «круглого стола» вспоминали: не раз бывало так, что нефтяники строили для себя, химики — для себя, энергетики, как видим, — тоже для себя... Пора прекратить эту ведомственную самодеятельность.

Пора, пора уже заинтересованным организациям четко ответить на вопрос: что же будет с Нуреком?

НУРЕК,
Таджикская ССР

АЭРОФЛОТ: В ВОЗДУХЕ И НА ЗЕМЛЕ

Сокращая расстояния, сближая города, страны и континенты, прокладывают все новые и новые воздушные трассы серебристые лайнеры с крылатой советской эмблемой. За последнее пятилетие Аэрофлот превратился в крупнейшее авиационное предприятие мира. Советские пассажирские самолеты совершают регулярные рейсы более чем в пятьдесят стран.

Аэрофлот — символ современности. Высокие скорости, новейшая техника, удобство и комфорт привлекают к нему все больше путешественников. 290 миллионов человек были пассажирами Аэрофлота в минувшем пятилетии.

За последние годы на воздушных линиях Аэрофлота, общая протяженность которых превышает полмиллиона километров, появились новые великолепные машины — «ИЛ-62», «ЯК-40», «ТУ-114», «ТУ-134» и другие. Они отлично себя зарекомендовали.

Но чем больше пассажир получает, тем требовательнее, взыскательнее становится. Об этом свидетельствует, в частности, и присланное в редакцию читательское письмо.

Уважаемая редакция! Пишем под впечатлением случая, который произошел с нами в аэропорту Бугульмы. Нас было четверо — мы возвращались в Ленинград и должны были самолетом добраться до Казани. Объявлен рейс, началась посадка. Пассажиры вошли в самолет, расселись. А минут через пятнадцать вдруг вышел пилот и заявил: «Рейс отменяется, у меня кончилось летное время. Выходите...» Конечно, все были возмущены, пошумели, но что делать — начали одеваться, вытаскивать вещи, выбираться сами...

Мы узнали фамилию командира корабля — Васильев, рейс № 114. Произошло все это 17 ноября.

Мы спросили дежурного диспетчера: «Как же можно объявлять рейс и сажать людей в самолет, если у летчиков кончилось летное время?» Он ответил спокойно: «Подумаешь. Бывает... Знаете, приняли грубо — как будто в порядке, а когда все сели, сосчитали точно...»

Нас очень удивила такая кустарщина в работе столь современного вида транспорта. Вы на раз писали о работе железной дороги, думается, что было бы совсем неплохо разобраться и в том, как обслуживает своих пассажиров Аэрофлот.

И. ИРМОВ, И. РЯБИНИНА, С. РОЗОВ, О. ЛАРИН

ЛЕНИНГРАД

Это был не первый сигнал. После опубликования статьи «Обыкновенный пассажирский поезд...» («ЛГ», № 15, 1970) читатели периодически напоминали: подобный «эксперимент» необходимо провести и на воздушном транспорте. Там тоже не все так блистательно, как у поэта. Помните?

Аэропорт — озона и солнца
Аммиадитованных посольств!

И вот решение принято. Два корреспондента одновременно вылетят из Москвы в разных направлениях по кольцевому маршруту навстречу один другому, посетят пять крупнейших аэропортов страны: в Ленинграде, Баку, Ташкенте, Новосибирске, Свердловске, совершив таким образом два «кругосветных» путешествия и продублировав (с разрывом в два-три дня, чтобы факты не оказались случайными) свои наблюдения. При этом они будут держать постоянную связь с третьим участником эксперимента, находящимся в Москве, и через него — друг с другом.

«ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ!»

Витрина городского агентства Аэрофлота в Новосибирске уверяет: «Комфорт и отличное обслуживание не утомит ваш полет на самолетах Аэрофлота». Простим некоторую стилистическую неожиданность этого произведения рекламного искусства и поговорим о сути.

Налетав по десять с лишним тысяч километров, затратив на все путешествие по 16 часов летного времени, мы прониклись уважением к самому простенькому, самому примитивному плакатику на деревянном щите, сопровождавшему нас по всей трассе и без всякой аргументации рекомендовавшему пользоваться услугами воздушного транспорта. Потому что даже на самом лучшем, фирменном, очень скором электроэкспрессе мы одолели бы таков расстояние минимум за две недели. А это, по сути дела, половина уже использованного нами отпуска.

Путешествие заканчивалось 2 декабря. В 17.02 самолет «ТУ-134», «выполнявший рейс» 1146 по маршруту Ленинград—Москва, вырулил на взлетную дорожку. В салонах все было, как обычно. Обаятельная стюардесса, мило улыбаясь, предлагала пассажирам конфеты; световое табло призывало не курить и пристегнуть ремни. А когда табло погасло, засветились экраны нескольких установленных над креслами телевизоров:

— Уважаемые товарищи пассажиры! На борту нашего самолета начинает работу экспериментальная телевизионная установка... Надеемся, это сделает полет еще более приятным...

После этого пассажирам предложили просмотреть видовой фильм о Ленинграде. Потом была концертная программа, которую пассажиры досматривали, пока самолет, закончивший рейс, выруливал к зданию аэропорта. Полет длился час — этот час «пролетел» подобно минуте.

Еще совсем недавно в книге И. Смелякова «Деловая Америка» мы с любопытством читали, что: «На пути из Нью-Йорка... пассажир имеет возможность посмотреть, конечно, за деньги, 2—3 кинокартины. Другие авиационные компании ведут опыты по приему и показу в самолете телевизионных передач». И через несколько строк еще раз: «Звук передавался через наушники, за отдельную плату».

Сегодня телевизор начинает, как видим, входить в наш «небесный комфорт», Без отдельной платы. Однако и там, где телевизионных установок еще нет, где пассажира развлекает лишь вид облаков да маленьких, словно изображенных на топографической карте, гор, полей и рек, где «кажущееся время» полета (есть теперь такой термин) сокращает только газета или сон, ему, пассажиру, хорошо и удобно.

Даже лучшие иностранные авиационные компании признают: ныне Аэрофлот — крупнейшее авиатранспортное предприятие мира, с которым нельзя не считаться. Даже в рекламной статье, превозносящей успехи британских авиакомпаний, говоря о внедрении сверхзвукового лайнера «Конкорд» и о славе, которую фирма «BOAC» собирается в связи с этим делить с французской «Эр-Франс», английский журналист считает нужным оговориться: «Хотя вполне возможно, что их опередит Аэрофлот с «ТУ-144». Да и как не оговариваться, если скоростные лайнеры с крылатой советской эмблемой мчатся над морями и океанами, летают в столицы и крупные центры более пятидесяти государств Европы, Азии, Африки, Америки!

Аэрофлот ведет счет на миллионы. Протяженность его воздушных магистралей превышает 600 тысяч километров, они сблизили прежде далекие Украину и Дальний Восток, Заполярье и Среднюю Азию, связали три с половиной тысячи городов и населенных пунктов. В последнем году пассажирооборот составил 90 миллиардов километров. Это значит, что каждый житель нашей планеты в среднем совершил воздушное путешествие в 20 километров.

Но ведь это в среднем. А в действительности? Сколько времени, сил, нервов тратит пассажир, чтобы купить билет? Сколько часов ждет вылета? Сколько раз переживает неприятности, связанные с отменой рейса, с задержкой, с пересадкой?

Мы решили проследить, как все это выглядит сегодня, в наши дни, в наш век, когда скорость стала мерилом прогресса, когда время — самая большая ценность.

Мы сделали скромную попытку получить 1 (один) билет в ближайшей городской кассе (что в вестибюле станции метро на площади Маяковского). Из двух окошек работало одно. Очередь — четыре человека. Терпеливо ждем 25 минут и...

— На сегодня билеты не продаем.

— Как, мне же сказали...

— Гражданин, отойдите от кассы, не мешайте работать.

Корреспондентское удостоверение плюс настойчивая просьба связаться с диспетчером — и все становится на свои места: улететь можно — просто, оказывается, касса располагала устаревшими сведениями.

Просто... Но ведь именно устаревшие сведения и превращают порой покупку билета в сложное мероприятие, особенно если учесть, что авиация стала подлинно массовым видом транспорта, что ее услугами пользуются сейчас миллионы и что каждый первый, второй, третий... миллионный пассажир Аэрофлота обязательно спешит.

Наверно, нынешний способ «обилечивания» пассажира был изобретен еще на заре авиации, когда столь распространенным теперь видом транспорта пользовались ноль целых и совсем немного сотых процента путешественников. Понаблюдайте за этой операцией.

Кассирша вписывает в билет вашу фамилию, запрашивает по селектору место, вписывает его, номер рейса, время вылета, затем вырезает ножницами на тарифной сетке нужную сумму, оставшуюся часть сетки прикрепляет к контрольному листку. И даже если она очень расторопна, на все это уходит не меньше трех-четырех минут. А если кассирша медлительна? И если — летнее время, сезон и очередь?..

Некоторое время назад группа работников Аэрофлота была в Швеции. Решили познакомиться с процедурой продажи билетов. Представитель компании САС предложил кому-нибудь выбрать маршрут. Назвали десяток городов разных стран — почти кругосветное путешествие. Набрав на пульте билетного автомата, связанного с центральным диспетчерским пунктом, фамилию пассажира и названия городов, оператор через минуту получил отпечатанный билет на сложнейший маршрут. Причем в каждом пункте пересадки было забронировано место.

Подобная система — «Сирена-1» — уже монтируется в нашей стране. Данные о количестве свободных и занятых мест на все внутрисоюзные рейсы будут храниться в памяти электронно-вычислительных машин. Они смогут распоряжаться билетами на месяц вперед...

И одному, и другому корреспонденту пришлось доставать билеты в Ташкенте с помощью удостоверений. А в самолетах оказалось в первом случае 40, а во втором — 28 свободных мест! В других, «благополучных», городах корреспонденты простаивали у кассовых окошек от 20 до 50 минут. А ведь сейчас зима, что называется, «не сезон».

Заработает «Сирена-1», и время, которое мы теряем, простаивая у кассовых окошек, резко сократится. Но когда это будет... А пока — пожницами и авторучкой...

В московском аэропорту Внуково, откуда начался первый этап второго путешествия — Москва—Ленинград, касса оповестила:

— Погода нелетная, состоится ли рейс — неизвестно.

Что делает обыкновенный пассажир, когда он получает столь исчерпывающие сведения? Очевидно, тяжко вздыхает, сдает в камеру хранения чемодан и отправляется перекусить. Так поступил и наш корреспондент. И, как всякий обыкновенный пассажир, был наказан. Не успел он изучить меню, как из динамика раздалось:

— Пассажиры, желающие вылететь в Ленинград, могут приобрести билеты...

До вылета оставалось 20 минут. За эти 20 минут нужно было успеть:

купить билет;

взять вещи из камеры хранения;

добраться до самолета.

Из блокнота корреспондента:

«...Нас оказалось пятеро — тех, кто услышал объявление, успел купить билеты и получить вещи. Мы выскочили на поле. Вдали, метрах в восьмистах, стоял наш красавец «ИЛ». И никакой возможности добраться до него в оставшиеся три минуты... .

Со стороны это было, наверно, очень забавное зрелище: пятеро взрослых мужчин во всю прыть бежали к самолету. Нам было не смешно. Один, ловя ртом воздух, уже начал отставать — сердце, видно... Но судьба сжалилась над нами, послав ангела-спасителя в лице человека, проезжавшего мимо нас на багажном автокаре. «Подвези, — крикнули мы ему, — заплатим!» Ангел не спеша развернулся, забрал нас и покатил к готовому отъехать трапу... Получить плату за спасение он, естественно, не забыл».

Да, о посадке в самолет, о том, что ей предшествует и что за ней следует, мы, наверно, могли бы сейчас написать целую повесть. Правда, повесть весьма противоречивую. Ибо первую главу мы целиком посвятили бы тому восторженному чувству, которое охватывает, наверное, любого пассажира, поднимающегося по трапу серебристого лайнера самого высокого класса и оставляющего за задраенным люком все земные заботы и волнения. А вот вторую главу... В ней мы оперировали бы не столько чувствами, сколько фактами; а факты, как известно, не всегда настраивают на восторженный лад. Мы рассказали бы в этой главе, к примеру, о тесном Ленинградском аэропорте и городском аэровокзале, который так мал, что при регистрации сразу на несколько рейсов возникает дилемма: либо регистрировать вещи без пассажиров (что, естественно, невозможно), либо пассажиров без вещей.

Нельзя сказать, чтобы Аэрофлот не заботило такое положение. Проектируются и строятся новые аэропорты. В одном из городов подсчитали даже, что их новый аэропорт будет больше нынешнего ровно вчетверо. Одновременно подсчитано, что к тому времени, когда строительство завершится, здания вновь придется расширять...

Рассказали бы мы и о том, как, спустившись с неба на землю в Ленинграде, пассажиры — и среди них один из наших корреспондентов — 35 минут ждали трап (всего на 20 минут больше им понадобилось, чтобы перенестись сюда из Москвы). Вспомнили бы мы и о том, что другой корреспондент вместе с пассажирами «своего» рейса больше часа добивался выдачи багажа в Ташкенте, а через несколько дней — сорок минут в свердловском аэропорту Кольцово. Что в Новосибирске оба они были свидетелями того, как изрядно озябшая девушка в синей форме энергично приглашала покидающих самолет пассажиров занять места в открытых вагончиках автопоезда. Такие вагончики с успехом используются летом на ВДНХ: не жарко, экскурсантов ветерок обдувает. А в Новосибирске зимой температура 20 — 25 градусов мороза — не самая низкая, и ветер, гуляющий по летному полю, засыпает снегом пассажиров, неосмотрительно выбравшихся из самолета первыми. А когда еще спустятся последние! Все-таки их почти сто человек. В общем, это был бы рассказ о том, что на языке самих же работников Аэрофлота именуется «земным барьером».

Удивительно! Единая фирма, одни и те же серебристые крылышки на обшлагах, одинаковые синие береты... Почему же так разительно несхожи порядки, царящие на «седьмом» небе, и те, с которыми то и дело сталкиваешься на земле?

Мы уже упоминали, что наши корреспонденты находились в полете по 16 часов — вместе им хватило полутора суток, чтобы одолеть расстояние в 20 тысяч километров, то есть «проскочить» половину экватора. И еще трое с половиной суток (мы учитывали только «экспериментальное» время) разошлись так, по мелочам: чтобы доехать, скажем, от центра Москвы до Внукова, дождаться автобуса или купить билет. В этих мелочах как-то незаметно «растворялись» сверхскорости самых современных лайнеров, на которых мчались наши корреспонденты. Стоит проделать простой расчет, чтобы обнаружить: весь свой маршрут они преодолели, двигаясь фактически со скоростью не 800 километров в час (все это было только в небе), а лишь 170 (по шестьсот с лишним километров в час «съедала» земля). Но с такой скоростью летали пассажирские самолеты в конце двадцатых годов!..

Полет из Москвы в Баку длится три с половиной часа. У нашего корреспондента он занял впятеро больше времени. И все из-за «пустяка»: рейс задержали на полтора часа, и самолет прибыл в столицу Азербайджана поздно, когда автобусы расписанием уже не предусмотрены. Такси? Пожалуйста! Только оплата по единой таксе — 5 рублей. Корреспондент вспомнил нашего почтенного главного бухгалтера, который, охраняя государственную копейку, и к обычным-то квитанциям относится с некоторой долей сомнения, и остался до утра — ждать автобуса. А потом поездка в город. В общем — 18, с половиной часов.

В Новосибирске автобус, везущий пассажиров в аэропорт, одновременно «захватывает» самые густонаселенные районы. А в аэропорт, как известно, часто едут с ребенком, двумя чемоданами и сумкой. И как быть такому пассажиру, если автобус набит до отказа? Правда, есть здесь рейсы, пассажиры которых могут зарегистрироваться, сдать багаж в городском аэроагентстве и удобно расположиться без вещей в автобусе-экспрессе. Но этот комфортабельный вид обслуживания носит выборочный характер: из Новосибирска ежедневно отправляется около восьмидесяти рейсов, а в городском агентстве регистрируется только 20. Воспользоваться экспрессом обоим нашим корреспондентам так и не удалось. Не только в Новосибирске, но и в Свердловске. Там тоже успешно действует тот же порядок: пассажиров лишь шестнадцати рейсов (а всего их почти 90) регистрирует и отправляет в аэропорт городское агентство.

Но все-таки, очевидно, ничего более неприятного, чем

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

для всей чуть ли не 80-миллионной армии пассажиров Аэрофлота, нет.

...Этот случай произошел в то время, когда эксперимент только начинался.

16 ноября в 21 час 40 минут, точно по расписанию, в Московском аэровокзале, что на Ленинградском проспекте, закончилась регистрация пассажиров на рейс 143, следующий по маршруту Москва — Новосибирск. А потом на столицу опустился туман...

Трое суток каждые три часа радио объявляло: «О времени посадки в автобус пассажиров рейса... будет сообщено дополнительно». Трое суток! Каждые три часа!..

Наконец, 19 ноября в 12 часов 25 минут радио сжалилось над привязанными к залу ожидания и решило отпустить их на прогулку. Было объявлено, что следующая информация о рейсе № 143 последует в 18.00. А ровно через час, когда измученные ожиданием пассажиры ушли размяться, началась посадка...

...Остальные улетели на следующий день. Без вещей. Предполагалось, что багаж уже в Новосибирске. Оказалось, он остался в Москве. Вещи, конечно, доставили. Но не дальше, чем в аэропорт Толмачево. И бывшие пассажиры бывшего рейса 143 получали багаж, потратив на это мероприятие по воскресному дню.

А вот происшествие, зафиксированное в домодедовском «Журнале итогов работы смен...».

Объединенный рейс 441 — 443 Москва—Куйбышев не был отправлен по метеорологическим условиям. Почти трое суток люди томились в аэропорту. В основном — окончившие командировку, без денег, некоторые с детьми. Ресторанные цены мало кого устраивали. Впрочем, как и буфетное меню. Наконец на исходе третьих суток 40 человек ворвались в кабинет сменного начальника аэропорта тов. Школьникова: «Немедленно отправляйте нас, самолеты давно начали летать!»

Аэродромное начальство пошло на уступки. Пассажиров привели в самолет, усадили, продержали полчаса в состоянии «сейчас полетим» и... попросили выйти. Почему? А вот почему. Водитель автокара, подвозившего багаж, был, мягко говоря, нетрезв и пробил борт самолета...

Итог этого дежурства подвел собственной рукой начальник смены: «Нарушений и происшествий не было».

Вот так! И все-таки мы уверены — свидетельство тому наш тысячекилометровый полет, — что пьяный грузчик, повредивший самолет, — явление для Аэрофлота не самое типичное.

Зато типичны задержки рейсов и вынужденные посадки по метеоусловиям. О том, чем они чреваты для пассажиров, хорошо известно. А для работников Аэрофлота? В общем, тоже известно: фактически ничем.

Три года назад «Литературная газета» уже писала о том, как расплачивается с Аэрофлотом проштрафившийся пассажир. Опоздав на минуту к рейсу, он платит штраф в размере 25 процентов цены билета. Задержав пассажира на сутки или даже на неделю, Аэрофлот никаких финансовых обязанностей перед ним не несет.

Почему же вина Аэрофлота ложится на чужие плечи?

Впрочем, чем-чем, а комплексом вины некоторые работники этого солидного ведомства не страдают: «Мы-то тут при чем? Стихия!» Ну, а при чем тут, спрашивается, пассажир? Почему он должен отвечать за столь частые в нашей полосе туманы и грозы?

Мы можем понять: гостиниц пока мало, и хотя они строятся, пассажиров так много (по подсчетам, их число увеличивается прямо пропорционально росту летных скоростей), что обеспечить всех спальными местами трудно. Но организовать трехразовое недорогое питание (с учетом детского меню) можно? Заменить «пряничные» и «леденцовые» буфеты диетическими кафе и филиалами столовых работники Аэрофлота вместе со службами общественного питания в состоянии? Обязаны! Ответственность клиента и фирмы должна быть взаимной. Причем не только материальная. Не менее важен и

МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

26 ноября в новосибирском аэропорту Толмачево пожилая женщина прослушала объявление по радио и пропустила свой рейс. Она попросила администратора помочь ей разобраться, как улететь в Новокузнецк. Корреспондент дословно записал ответ администратора: «Сдавайте билет и езжайте поездом, если летать не научились!» Расстроенная женщина, чуть не плача, отошла от окошка...

И мы снова в недоумении останавливаемся перед тем же вопросом: как могло случиться, что высокая «небесная» школа улыбки до земли так и не дошла? У трапа начинаются (и у него же оканчиваются) большие и маленькие неприятности пассажира, в которых он, пассажир, меньше всего виноват сам. Его заставляют ждать (даже тогда, когда с метеоусловиями все в порядке), он не может добиться нужной справки, к нему относятся недоброжелательно, ему грубят.

Из блокнота корреспондента:

«Полет из Ленинграда в Свердловск должен начинаться в павильоне № 1. Над окошком плотно закрытого справочного бюро висит записка: «Справка находится в павильоне № 2». Оказывается, обеденный перерыв. Пассажиры подхватывают сумки, чемоданы, детей и бегут в павильон № 2. У справочной образуется длинющий хвост. А когда вплотную подходим к окошку, обнаруживаем рукописное объявление: «Наши телефоны 93-33-51...» и еще три номера».

Второй корреспондент пытается воспользоваться одним из них на пути в Москву. Разговор происходит 2 декабря в 11 часов утра. Итак, 93-33-51:

— Скажите, можно сегодня улететь в Москву?

— Рейсы есть, а можно ли улететь, не знаю, звоните в кассу.

Отбой.

Второй звонок:

— Скажите, пожалуйста, как позвонить в кассу?

— Телефона кассы не даем!

Снова отбой.

Третий звонок:

— Простите, как мне узнать, можно ли сегодня улететь в Москву и где купить билет?

— Поезжайте в аэропорт, обращайтесь в кассу.

Ту-ту-ту...

А потом оказалось, что в аэропорт ехать совсем не обязательно, билет можно купить в любой кассе и есть телефон, по которому дают любую справку о билетах. Только, чтобы узнать его, нужно основательно потрепать себе нервы. Так же, впрочем, как и при получении всяческих иных справок. Вот еще несколько записей из корреспондентских блокнотов:

Свердловск, аэропорт Кольцово. 23 ноября на автоматическом указателе движения рейсов — ребус:

№ рейса	пункт назначения	время
0000	Горький	0001

Ташкент. 27 ноября. В справочном бюро — постоянный хвост. Слышимость ужасная, никакой информации о задержках и их причинах.

Аэрофлот оперирует большими цифрами: сотни, тысячи, миллионы. И тут у нас все в полном порядке. Цифры растут, «пассажиропотоки» движутся в нужных направлениях. Неуютно в этом потоке лишь самому пассажиру: о нем в суете земных дел как-то забывают. И он терпеливо стоит в очередях, бегает за справками, мыкается в ожидании летной погоды. И все прощает, когда садится в самолет. Потому что в самолете, повторяем, ему, пассажиру, хорошо и удобно.

Пожалуй, хватит. Ибо, как сказала одна продавщица, «жалобы писать все горазды, а как благодарность — времени нет...» Да, должно быть время на благодарность. Но мы все больше привыкаем к тому, что хорошее становится обычным. А о плохом надо не лениться писать. Чтобы это плохое искоренять.

Л. ВЕЛИКАНОВА,
М. ДЕЙЧ, С. МИТКИН

На примере здравоохранения мы видим, как много дают человеку социальные завоевания нашего общества. Только с 1940 года в СССР почти вдвое выросло число больничных учреждений и более чем втрое — количество больничных коек. У нас самая низкая смертность по сравнению с другими ведущими странами мира. Если в США, по данным 1967 года, на 10 тысяч жителей приходилось 18,9 врача, в Англии — 14,5, в Италии — 10,3, то в нашей стране — 25 врачей.

По роду службы мне пришлось два с половиной года прожить в Соединенных Штатах Америки. Я видел своими глазами, как в окрестностях Нью-Йорка скученность населения и отсутствие медицинской помощи приводили к массовым заболеваниям и инфекциям.

Говорят, что мы живем в век атома и космоса. Хочу добавить: в век блестящего развития биологии в широком понимании этого слова. Сегодня достижения биологических наук создали предпосылки для дальнейших успехов медицины. Советскими учеными открыты новые свойства вирусов, получены мутации, которых до этого не было в природе. Мы, вероятно, стоим на пороге того, что сумеем лечить хромосомные болезни. Изучение свойств мозга позволяет сегодня прямо воздействовать на самые сложные структуры человеческого организма.

В нашей стране ликвидированы чума, оспа, паразитарный тиф, полиомиелит, малярия. По словам академика К. И. Скрябина, крупнейшего гельминтолога нашего времени, в ближайшее десятилетие осуществится комплекс активных мероприятий для уничтожения возбудителей инфекций человека.

Сегодня у нас есть все условия для того, чтобы еще выше поднять уровень медицинского обслуживания, еще эффективнее сделать помощь врача больному, еще полнее использовать достижения науки в лечебной практике.

Человек представляет непреходящую ценность для социалистического общества. Благородной цели — охране здоровья человеке — подчинено все: и новейшие достижения нашей медицинской науки, и наиболее рациональные формы организации советского здравоохранения.

Ф. ТАЛЫЗИН,
член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР

ОПЕРАЦИЯ НА МОЗГЕ

РЕПОРТАЖ ИЗ НЕЙРОХИРУРГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

МНЕ, как, вероятно, и вам, не раз приходилось читать описания операций, исполненные драматизма. И я нисколько не сомневаюсь, что были среди этих описаний такие, где драматизм больше нагнетался воображением пишущего, который тут следовал определенной традиции. На самом же деле риск для больного был невелик, а положительный результат операции угадывался заранее.

Накануне того дня, о котором здесь пойдет речь, я услышал от хирурга откровенное признание: «Побаиваюсь я... Парень сохранный, а работа предстоит тяжелая».

«Сохранный» — значит в общем-то здоровый, одна только и есть болезнь — вата, да и она сейчас никак себя не обнаруживает.

Петр Годун, шофер с Украины, в самом деле на вид крепкий парень. Но три года назад он впервые упал на улице, потерял сознание. Так и попал сюда, в Институт неврологии. На операцию не согласился. Думал — пустяки. Выписался, уехал к себе.

Болезнь все-таки загнала его в угол: снова он упал — на этот раз два месяца лежал без сознания. Наконец понял: когда-нибудь, в роковую минуту, он упадет и больше не поднимется.

Страх смерти, по-человечески понятный, хотя нередко со стыдом замалчиваемый, привел его назад, в светлую тихую палату, где бесшумно снуют милые стройные сестры в белых шапочках, халатах, брюках, поближе к притягательному центру всех надежд (хотя, вместе с тем, и страхов) — операционной, оборудованной всем (ну, пусть почти всем) совершенным, что только есть в мире, наглухо экранированной металлом от любых помех (здесь ведь столько точной электронной аппаратуры!) — предмету особой гордости директора института академика Е. Шмидта и, конечно, заведующего всем этим хозяйством профессора Э. Канделя...

Все-таки удивительное это слово — «сохранный», которое добавляет тяжести предстоящей операции, и без того тяжелой. За «сохранного» как будто и ответственность больше. А тяжела операция тем, что аневризма — клубок больных сосудов, — подлежащая удалению, запрятана в глубине мозга. Не просто до нее добраться. А если и доберешься — не просто извлечь. Врач, показывавший нам рентгеновский снимок сосудов мозга на стене в операционной, так и сказал: «Сегодня скорее всего мы лишь «отключим» эти артерии». И добавил: «Если повезет».

Удалить или, в крайнем случае, перекрыть больные артерии, не дать случиться новому, быть может, последнему, кровоизлиянию в мозг (те два первых падения — результат таких кровоизлияний) — это цель операции.

В операционной — как на дипломатической церемонии: каждый «передвигается» в своем ряду, согласно регламенту, писаному или неписаному. Слишком выпячиваться или, напротив, удаляться от центра событий не рекомендуется. В первом ряду действуют хирург и его ассистенты. Во втором — медицинские сестры, участвующие в операции. В третьем — анестезиологи, реаниматологи... На самой периферии — инженеры, обслуживающие аппаратуру, среди которой главенствует полиграф, со скрупулезной точностью регистрирующий все жизненно важные функции оперируемого.

Нам нелегко было найти свое место, хотя мы и понимали, что оно где-то позади. Смущало и то, что хирург время от времени вспоминал о своем долге гостеприимного хозяина, поворачивал к нам голову, увенчанную лампой, и спрашивал: «Вам видно?» — или: «Вам понятно, что мы делаем?».

«Понятно, понятно», — торопливо кивали мы, проклиная приведшее нас сюда профессиональное любопытство, которое, как нам казалось, может дорого стоить человеку, распластанному на операционном столе.

Впрочем, скоро наступил момент, когда все позабыли о нашем существовании. Во время трепанации черепа оказалась задетой «синусная» вена.

Это бывает редко. Но редки и трепанации такого типа, как сегодняшняя: обычно «окно» делается где-нибудь сбоку, а сейчас, по необходимости, как раз посередине головы. Тут и проходят основные отводящие кровь от мозга кровеносные сосуды.

По каким-то, едва уловимым движениям я почувствовал, как накаляется атмосфера. Кто-то быстро вышел, кто-то вошел. Потом все застыли, вытянувшись, глядя на хирурга. Опасность заключалась в том, что врачи не имели доступа к пораженному сосуду и, стало быть, не могли «залатать» его.

Все звуки как будто исчезли. Внимание, загипнотизированное непривычным видом крови, вырывало лишь фрагменты, куски происходящего: врачи коротко что-то говорят друг другу, указывая при этом на то место, которое «держит» «черепной лоскут»; хирург откладывает проволочную пилку и принимается за дело более решительно; анестезиолог готовится форсировать переливание крови.

Наконец мозг обнажился. Марлевые тампоны устремились к тому месту, откуда хлестала кровь. «Нет! — твердо сказал хирург. — Я должен посмотреть». Тампоны раздвинулись.

— Слава! Быстро! Мышцу из ноги!..

Появился высокий молодой парень. Сделал необходимые приготовления и застыл как бы в молитвенной позе, сложив перед собой руки в резиновых перчатках, — обычное положение перед операцией. Мышца нужна, чтобы остановить кровотечение. Старый, испытанный способ: кровь быстро свертывается при соприкосновении с ней.

Я все еще был как будто под гипнозом. С удивлением я заметил, как хирург, попросив сестру разрезать какую-то губку пополам и получив ее, показывает, как надо разрезать. Удивительно мне было то, что он требует это сделать именно так, как ему нужно, не иначе (это в тот-то момент, когда, кажется, исключена сама возможность на чем-нибудь сосредоточиться).

Эти деловые распоряжения подействовали лучше, чем прямые призывы к спокойствию. Я подумал, что, должно быть, это испытанный прием. Так достигается не только успокоение других, но и самоуспокоение. В конце концов никто не застрахован от учащения пульса в критические мгновения.

Прошло несколько минут. Слава все еще стоял в выжидательной позе, по молодости лет, видимо, считая излишним задавать вопросы, ускоряющие ход событий. Но хирург, казалось бы, забыл о нем. Анестезиолог, второй человек в операционной после хирурга, взял на себя инициативу и спросил громко:

— Вам нужна мышца или нет?

— Нет, уже не нужна, — ответил хирург.

Все поняли, что кровь остановлена.

ИТАК, мозг обнажен. Операция, по сути дела, лишь начинается. Хирург, только что делавший тяжелую физическую работу слесаря, превращается вдруг в ювелира. Каково-то его рукам привыкать к такой перемене...

Над всеми звуками в операционной главенствуют два — тяжелое дыхание больного, вбирающего в свою грудь кислород, и мерные удары его сердца, усиленные кардиографом.

Эти два несомненных свидетельства присутствия человека не позволяют забыть о нем и смотреть на мозг просто как на препарируемый орган. А многое располагает и к этому...

Издавна меня ужасало зрелище чьей-то разбитой головы. А ведь, пожалуй, я никогда не видел столь обширной раны, как здесь. Если разобраться, однако, ужас при лицезрении жертв всяких дорожных происшествий проистекает из того, что там все собравшиеся вокруг (и ты тоже) смотрят на пострадавшего глазами людей, несведущих в медицине, неспособных не только ему помочь, но даже оценить тяжесть совершившегося.

Здесь все иначе. Эти люди знают меру допустимого риска. От столетия к столетию, мелкими и крупными шагами продвигалась медицина к этому знанию. Долго оставалось незыблемым убеждение, что операции на мозге невозможны, что ни один человек после такой операции не выживет. На этот счет сохранилось немало пессимистических суждений медицинских светил прошлого. Первое нейрохирургическое отделение было основано в России — Владимиром Михайловичем Бехтеревым в 1898 году. Однако систематические операции начались значительно позже, лишь около середины двадцатых годов нашего века. От этого времени и исчисляет свою историю нейрохирургия.

Удаление аневризмы — среди самых сложных современных операций. Лишь немногим более десятка лет назад начали ее практиковать у нас в стране крупнейший наш нейрохирург академик А. Арутюнов, профессора Э. Злотник, А. Коновалов, Б. Самотокия...

...В руках у хирурга нет ничего такого, что напоминало бы нож: в правой он держит пинцет, в левой — «ложку», то есть узкую тонкую полоску хромированного металла. Он не делает никаких движений, которые можно было бы счесть «поступательными», — осторожно раздвигает волокна и сосуды. Вот, кажется, сейчас раздвинет и тогда уж пойдет в глубину. Однако действия хирурга остаются прежними.

И все-таки продвижение вперед несомненно. Время от времени хирург говорит: «Ток!» — и недремлющая сестра проворно дотрагивается до его пинцета электрическим контактом: препятствия, которые нельзя отодвинуть, хирург пережигает.

Путь к очагу болезни лежит через левое полушарие. Больной предупрежден, что в результате операции может оказаться поврежденной речь: тут, поблизости, находится ее центр. Но выбора нет: аневризма — это мина, которая может взорваться каждую секунду и причинить несоизмеримо большие, невосполнимые разрушения. Особенно обидно, если взрыв произойдет сейчас, во время операции, на подходе, когда уже столько затрачено сил... Случись такое — возникнет та же ситуация, что и при повреждении «синусной» вены: очаг кровотечения близок, но... недоступен. И поэтому хирург торопится. Торопится не спеша: другого способа поторопиться у него нет.

Напряжение необычайно велико, так что изредка приходится делать небольшие перерывы. Кто-то подходит к хирургу сзади, поправляет марлевую повязку, которая закрывает его лицо.

Чем глубже в мозг опускается пинцет хирурга, тем кажется невозможнее что-то в нем различить, не говоря уже — сделать. И все-таки на этом маленьком, неудобном плацдарме разыгрались основные события.

Нельзя подобраться непосредственно к аневризме, дотронуться до нее инструментом. И без того она готова в любой момент прорваться. Ничто не спасет человека, если такое случится. Об этом и сказано: тяжелая, опасная операция.

Когда разряжают мину, главное — добраться до взрывателя и вывинтить его. Здесь главное — перекрыть основную артерию, питающую аневризму. Но сначала надо найти ее. Идет поиск. В поле зрения вместо одной артерии неожиданно показываются две. Какая-то из них — здоровая. Если бы знать, какая. Но медлить нельзя. Медлить — значит увеличивать меру риска. Перекрываются обе артерии: здоровая — временно, больная — навсегда.

Аневризма обескровлена, но обескровлен и большой участок мозга, который питала здоровая артерия. Такое не может продолжаться долго, это грозит гибелью мозговым клеткам. Осторожно раздвигая ткани, хирург прослеживает путь того и другого сосуда. Теперь картина ясна. Снят ненужный зажим — кровообращение восстановлено.

Взрыв все-таки произошел. Но это был маленький, неопасный взрыв. Так рвутся дымовые шашки на поле во время маневров. Какой-то тоненький второстепенный сосудик, идущий в параллель перекрытой артерии, дал течь. Все-таки, я заметил, на лбу у хирурга выступила испарина. Испугаешься и детской хлопушки, когда идешь по минному полю.

Но это лишь мгновенная реакция. Снова, как в первый раз, — никаких судорожных движений. Так же осторожно хирург продолжает освобождать сосуды.

Помогая хирургу, анестезиолог снижает давление у больного: сейчас это важно, ведь в артериях оно раз в десять больше, чем в венах, значит, больше будет и потеря крови.

Наконец-то открылась кровоточащая ветвь (долго присматриваясь, и я различил ее). Одно точное движение — и с ней кончено.

Теперь можно заняться другими сосудами: сначала «отсечь», перекрыть, а потом удалить. Пятнадцать серебряных клипсов наложил хирург в этой операции. (Когда успел он это сделать, я опять же не видел. Об этом мне сказали после.) Пятнадцать больных сосудов было «выключено» из кровообращения.

Расслабление наступает неожиданно, застав всех врасплох. Мозг раскрыт, но опасности уже нет. Вместе с расслаблением мгновенно приходит усталость. И это тоже опасно. Надо силой собрать все свое внимание, чтобы не допустить ошибки, — теперь она была бы воистину непростительна.

Проделан обратный путь — из глубины на поверхность. Хирург зашивает оболочку мозга. Операция для него закончена. Остальное сделают ассистенты.

ЧЕЛОВЕКУ важно видеть результаты своей работы, иначе то дело, которым он занимается, много теряет в его глазах. После удаления аневризмы такого результата врач в общем-то не замечает. Он подходит к постели больного и видит, что у него все в порядке: движения, память, речь. Нет отрицательных последствий операции (которые могли бы быть), но нет и явных свидетельств достижения цели. Их не будет и позже, через год, два, три. Так что врач вынужден довольствоваться единственным «логическим» свидетельством: человек жив, здоров, ему ничто не угрожает, — значит, операция удалась. Разумеется, делается контрольная рентгенограмма, или, точнее, ангиограмма, на которой хорошо видно, что аневризма удалена. Однако и это — доказательство «для ума»...

Но вот другая операция. На операционном столе — женщина, пораженная болезнью Паркинсона. У нее дрожат руки, так что содрогается все тело. Они дрожат изо дня в день, вот уже пятнадцать лет. Перерывы бывают только тогда, когда женщина спит. На столе врачи нарочно не усыпляют ее, чтобы иметь возможность непосредственно судить о точности попадания в вентро-латеральное ядро мозга, повинное в этом истязающем человека дрожании. Операция идет под местным наркозом.

После трепанации черепа (гораздо менее обширной, чем при удалении аневризмы) начинается погружение в мозг тонкого металлического стержня. Делается это под неусыпным контролем рентгена. Уникальная рентгеновская аппаратура, без всяких проявителей и закрепителей, выдает сухой снимок через тридцать секунд после того, как щелкнет затвор. Хирург разговаривает с женщиной, просит согнуть руку, сделать какие-то движения. Вот инструмент достиг расчетного положения. Дрожание вдруг прекращается. Ощущение такое, будто выключен рубильник...

Не правда ли, это производит впечатление чуда?

Двенадцать лет назад Эдуард Кандель, тогда еще молодой кандидат наук, впервые у нас в стране начал эти, как их называют, стереотаксические операции.

Техника их, как, возможно, вы уже заметили, совсем иная, нежели у операций на сосудах. Там приемы напоминают общую хирургию: врач должен делать обширную рану, чтобы добраться до очага болезни. Стереотаксис же — олицетворение той самой «поступательности» движений: инструмент, стержень, точно «выставляется» на голове больного в направлении предполагаемого очага болезни (предварительно делаются тщательные расчеты), после чего этим инструментом, осторожно продвигая его вперед, к цели, «протыкают» мозг на требуемую, большую, глубину, недосягаемую иным способом.

При этом точность попадания требуется снайперская: миллиметр влево, миллиметр вправо, вверх, вниз — и можно считать, что операция не состоялась. Инструмент прошел мимо цели — мимо той мозговой структуры, которую требуется разрушить. Больше того, при своем движении он мог задеть другие, исправно работающие центры и вызвать тяжелые последствия.

Понятно, что, когда начинались эти операции, прибора, который обеспечивал бы такую точность, не было. Предстояло найти также наилучший способ разрушения клеток мозга: ведь от одного только прикосновения металлического стержня они не разрушатся...

Случай, скорее несчастный, чем счастливый — Э. Кандель участвовал в знаменитой эпопее спасения академика Ландау, попавшего в автомобильную катастрофу, — свел нейрохирурга с Институтом физпроблем. За жизнь Ландау физики, как известно, боролись с не меньшим героизмом, чем врачи.

Наибольшую «отдачу» это сотрудничество стало приносить после того, как в 1961 году для разрушения клеток мозга впервые был применен холод: низкие температуры, как известно, — главный «конек» Института физпроблем. Когда стало ясно, что криохирургия, хирургия с использованием холода, необычайно перспективна, началась работа над прибором.

Первооткрыватель этого метода американец И. Купер до сих пор использует при операции громоздкую и дорогую аппаратуру. Сотрудники Института физпроблем уже через месяц создали удивительно простой и удобный инструмент, едва ли не умещающийся в ладонях.

Сейчас наша медицина располагает уникальным прибором для локального замораживания мозговых структур.

Это седьмая по счету модель прибора. Профессор А. Шальников, неутомимый энтузиаст во всяком деле, за какое бы он ни брался, постоянно усовершенствует его, так сказать, по собственной инициативе, без всякого нажима со стороны.

Как-то Саша Кукин, тогда еще студент, с третьего курса увлекшийся криохирургией, позвонил ему довольно поздно домой по какому-то делу. Жена сказала, что он только что сварил на кухне желатину и отправился в лабораторию испытывать прибор. На часах было около двенадцати...

Желатина — обычная среда, имитирующая мозговое вещество в различных опытах. Опуская в нее длинную двухмиллиметровую иглу прибора, внутри которой циркулирует жидкий азот, видишь, как на конце ее растет ледяной шар, температура в центре шара — минус 70 градусов. То же самое происходит и в мозге.

Вы спросите: почему холод только на конце иглы, а не по всей ее длине? Чтобы не допустить такого, было потрачено много сил (а допускать это нельзя было потому, что тогда поражались бы и здоровые участки мозга, прилегающие к игле). Надо было во что бы то ни стало изолировать канал с жидким азотом. Однако ни один теплоизоляционный материал для этой цели не годился — он слишком увеличил бы диаметр иглы. Тогда решили сделать внутри ее микроскопическую полость и выкачать оттуда воздух. Вакуум стал тем «материалом», который искали... А непритязательного вида игла трудами искусных механиков Д. Васильева, В. Гдовского, Ю. Лурье, Ф. Маслова превратилась в сложнейшее техническое устройство, современный вариант тульской блохи.

Такие же приборы созданы для операций на гортани, глазных, урологических операций... Сейчас как будто налаживается наконец их заводское изготовление.

Стереотаксические операции, пожалуй, стоят среди самых «щадящих», самых «гуманных», которые известны хирургии. Но их, вероятно, можно сделать еще «гуманнее». Тут намечаются разные пути.

Например, при разрушении опухолей гипофиза нередко обходятся сейчас без трепанации черепа: стержень прибора вводится через полость носа.

А ведь некоторые из этих опухолей поистине страшны. Больные клетки вырабатывают гормон роста так же, как и здоровые, общее его количество в организме повышается. У человека начинают расти руки, пальцы, уши, нос, губы, обезображивая его. На три-четыре номера увеличивается размер обуви.

После разрушения опухоли холодом (а такие операции проводятся в Институте неврологии уже второй год) происходит столь же чудесное преображение, как и при излечении болезни Паркинсона: за несколько дней человек как бы уменьшается в размерах, возвращаясь к прежнему виду, хотя уменьшаются, конечно, только ткани, но не кости.

Вообще разрушение опухолей мозга холодом имеет многие преимущества перед простым, механическим удалением. Ведь при удалении приходится так или иначе задевать обширные участки мозга...

Замороженную опухоль извлекать не надо: после того как прибор выведен, она оттаивает и постепенно рассасывается. Но чтобы заморозить ее, чтобы ледяной шар охватил ее целиком, надо создать более низкую температуру, чем при «точечной» операции. Когда замораживают опухоль, чуткое ухо уловит даже треск. Как в лесу в крещенские морозы. Оптимистический, обнадеживающий звук.

Сейчас подумывают о том, чтобы воздействовать на глубинные структуры мозга не только холодом. Например, ультразвуком, лазерным лучом...

Когда профессор Э. Кандель рассказывал мне о новой работе, в которой он участвует опять же вместе с физиками — только на этот раз из другого института — о попытке заменить иглу сфокусированным протонным пучком, я подумал, что от классической хирургии тут, пожалуй, уже мало что остается: чтобы пропустить протонный пучок, не нужно делать трепанацию и вообще как-то осязаемо вторгаться в человеческое тело...

Таков закон прогресса: в конце концов нововведения в науку начинают не то чтобы «отрицать» ее самое — иные из них как бы выходят за ее пределы. Однако, сказать точнее, — просто расширяется бытие науки. Она продолжает жить — и в классическом, и в сверхсовременном виде. Она живет, ибо она нужна людям.

О. МОРОЗ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Фото Л. НИСНЕВИЧА

УЧЕНЫЙ СТАВИТ ВОПРОС

Е. ТАРЕЕВ,
академик АМН СССР, Герой Социалистического Труда

КТО ВЫ, СОВРЕМЕННЫЙ ДОКТОР?

В ОДНОМ английском журнале недавно была напечатана статья «Смерть профессора терапии». В статье показывается, как внутренняя медицина все больше распадается на ряд разделов, остаются лишь кафедры кардиологии, гематологии, ревматологии, эндокринологии... Но ни один из узких специалистов не может заменить профессора-терапевта.

Я отнюдь не против узких специализаций в медицине, я — лишь за осторожное отношение к этому вопросу, чтобы, увлекшись, не остаться вообще без терапевтов широкого профиля. Ведь только такой врач способен глубоко разобраться в причинах заболевания, особенностях его течения, не говоря о том, что становится все больше сложных системных болезней (коллагенозы, лекарственные реакции, системные васкулиты и т. д.), поражающих одновременно несколько органов, где совершенно необходим подход терапевта широкого профиля.

Кстати, если обратиться к опыту таких крупных специалистов нашего времени, как кардиолог П. Е. Лукомский, гематолог И. А. Кассирский, то они прежде всего являются великолепными терапевтами широкого профиля.

Любая специализация должна основываться на знании терапии в целом. Она, если угодно, — фундамент всех врачебных специальностей. Конечно, врач, тем более участковый, не может быть «семи пядей во лбу». Но чтобы стать даже хорошим «диспетчером» и безошибочно направлять больных именно к тем специалистам, которые нужны в данном случае, он должен уметь за внешней маской распознать истинное лицо болезни, что далеко не просто.

Так что проблема сводится прежде всего к тому, как улучшить подготовку общего врача. Срок учебы в медицинституте — шесть лет. Но ведь иной не студентов, усердствуя над книгой лишь перед экзаменами, не учится и шести месяцев. Где уж тут стать врачом знающим!

Когда-то замечательный русский терапевт Мудров хорошо сказал, что средний врач не нужен, что уж лучше никакого врача, чем плохой.

Профессия врача требует постоянной, я бы сказал, пожизненной учебы. Необходимо не отставать от новейших достижений медицинской науки, да и смежных с нею дисциплин. Известный хирург Бильрот, например, предлагал каждые пять лет устранять лечащим врачам экзамены. Не знаю, верен ли этот путь, нужны экзамены или конкурс, но в какой-то форме контроль необходим, чтобы тот же участковый врач не уподобился чеховскому Ионычу, безнадежно отстав от современного уровня знаний.

Профилактическое направление в медицине — характерная особенность советского здравоохранения. Социалистическое общество обеспечивает широкие возможности для предупреждения болезни. Но используем ли мы эти возможности полностью? Заняла ли профилактика достойное место во врачебной практике?

Мне представляется, что тут прежде всего нужна большая психологическая ломка. И начинать надо опять же с вуза. Молодой врач должен выходить из его стен настроенным на профилактическую медицину и нести этот настрой в общество.

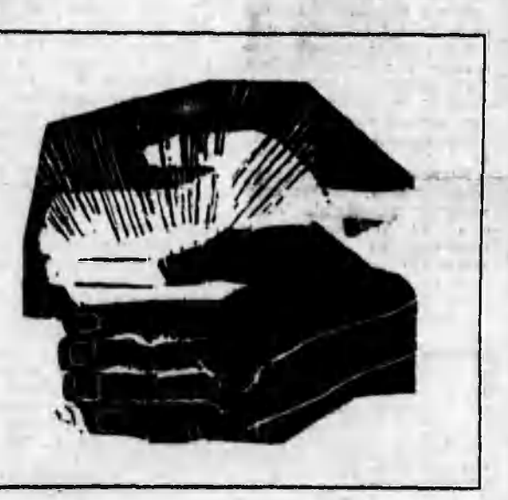
Спору нет, у нас достаточно внимания уделяется санитарной пропаганде. Мы совсем немало пишем о вреде алкоголя, курения, выхлопных газов.

Но надо понять наконец, что здоровье поколения, продолжительность его активной жизни, вернее трудового долголетия, зависит от культуры труда и отдыха, прививаемой с детства, а все это не есть дело одних медиков, а есть долг и дело всего общества.

Привить истинно культурное отношение к своему здоровью трудно. Но без этого не продвинуться вперед. Велика ли польза от того, что больной страдающий, к примеру, силикозом или облитерирующим эндартериитом, после комплексного курса лечения продолжает вопреки запрету врачей пить и курить — и в результате годами проживает на больничной койке, в государство исправно ему платит пенсию? По-видимому, в таких случаях становятся необходимыми социальные меры воздействия. И, в принципе, чем теснее станет связь медицинских и социальных мер, тем большего мы добьемся, ибо кому не известно, что силы врача удесятеряются, когда не помощь к нему приходит общество.

ДОБРЫЙ МАСТЕР ИЗ ТАЛЛИНА

Евгений БОГАТ

РАССКАЗ О РАБОЧЕМ-ХУДОЖНИКЕ, О ПОЭЗИИ ТРУДА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЕСКОРЫСТИИ

1.

Возвращаясь из летнего путешествия, мы на один день остановились в Таллине и, обежав старый город, уже к вечеру узнали об открытии нового музея в реставрированных развалинах Доминиканского монастыря.

Я помнил хорошо эти руины. Их суровая живописность бередила воображение. Серый, тяжкий, изрытый большими оспинами камень и разрушаясь держал в тайне дух XIII столетия. Раньше, бывая в Таллине, я не раз о толщу этих стен расшибал лоб в надежде увидеть хоть что-то, но не мог отыскать в камне и тончайшей, с лезвие ножа, расщелинки.

Реставрация этой старейшей в Таллине постройки — дело живое и творческое, рассказывали мне эстонские архитекторы и историки. «Вообразите урок по истории XIII—XV веков в стенах, построенных в ту же эпоху! У вас есть дети? Дочь? Вот и подумайте о той полноте живого чувства истории... Работа же для этого нужна минимальная — не строить, а открывать».

И вот мы с дочерью не пошли, а побежали. До закрытия музея оставались минуты, но мы показали пожилым суровым женщинам, охранявшим эту тяжкую, сумрачно вечереющую таинственность, билеты на утренний самолет, и они разрешили войти. Камень, нависая, сердито теснил нас дальше, дальше: в молельни, трапезные, переходы, опочивальни... Мы, казалось, раздвигали его локтями, тоскуя по небу, по окнам, и когда вышли к двум, окрашенным медью августовского вечера, ощутили что-то похожее на радость освобождения. Мы могли бы, конечно, насладиться ими с расстояния в несколько шагов и быстро повернуть обратно, помня, что нас ждут суровые женщины, последний таллинский вечер и утренний самолет. Тогда я не познакомился бы с мастером Энке и мое понимание современного человека было бы, наверное, беднее, чем сейчас.

Первой у окна застыла дочь:

— Посмотри! Как у Андерсена...

И я увидел под нами дворик. В нем росли большие деревья с веселыми домиками для белок на уютных ветвях, там и сям висели фонари, а кормушки для птиц на тонких, изящно выкованных цепочках покачивались от легкого ветра.

Особенно понравились нам фонари: чувствовалась в них большая подлинность. Если бы не они, дворик мог показаться декоративным. Они же, из меди, с толстыми стеклами, безупречно точной формы, сообщали ему особую, что ли, достоверность. Из сумрачности монастыря мы вышли к тоже таинственному, но доброму, живому миру нашего детства. Он был перед нами, у самых окон и, как оказалось потом, фантастически — если иметь в виду физическое расстояние — далек. Лишь через час, обогнув тяжкое нагромождение камня, потом поплутав по улицам старого города, мы нашли его, и в вечерних сумерках, с уже зажженными фонарями он показался совершенно андерсеновским.

Осмотревшись, мы увидели по левую руку ступени в подвал — какие-то первобытные камни и заменяющий перила канат; конечно, не удержались, сошли и, переступив порог, очутились в живописном подземелье. По стенам шли стеллажи и, тускло отсвечивая медью, стояли на них фонари. Потом увидели мы стол в углу, заваленный чертежами, массу различных таинственных инструментов и человека. Он, должно быть, стоял в тени, наблюдая за нами, а теперь вот подошел. Юношески худощавый, с откинутой назад густоволосой седой головой, он улыбался доброжелательно и безмятежно, держа что-то рабочее, деловито поблескивающее в руках. В его улыбке и лице не было и тени удивления, точно он нас ожидал и теперь рад, что мы, как и обещали, появились. Но не мог же он нас ожидать, и поэтому: «Мы увидели из окон монастырской опочивальни...» — начал было я. Но он, рассмеявшись то ли над моей растерянностью, то ли собственному воспоминанию, остановил меня, подняв руку, раскрыв ладонь, тоже отсвечивающую медью:

— Да, да, они, монахи, тут вина держали и съестное, — он показал головой на камни пола, — целый год мы с женой ворочали, пока... — Он обвел ладонью стены и, отступив, пододвинул два табурета: — Садитесь.

Я сел, а дочь, осмелев, подошла к одному из фонарей, по-детски, пальцем, удостоверилась в его реальности, потом жадно, в мгновение ока, осмотрев стеллажи, нашла самый маленький и самый изящный фонарь-мальчик, фонарь-паж и уставилась в его лицо завороженно и любовно.

— Да, да, — согласился человек, достал фонарь и, тщательно обтерев его маслянистой ветошью, опустил в подставленные ладони, потом повторил убежденно: — Да. — И объяснил, обращаясь ко мне: — Она должна была выбрать именно его.

А дочь с чудом из яркой меди и туманных стекол в охапке стояла молча, не веря, должно быть, что это явь.

Я поблагодарил несколько растерянно, потом заговорил о мастерстве. Мне показалось, что эта тема должна быть особенно понятна хозяину диковинной мастерской. Но я ошибся.

Она рассердила его.

— Мастерство? Я в старой Эстонии служил в антикварном магазине у одного жулика, и он меня на руках носил. Я работал под старину, делал эти... антикварные вещи. Украшения, мебель. Что хотите! Даже под шестнадцатый век. Не отличали... — он посмотрел на руки и, точно виня их за что-то, укоризненно покачал головой, потом повторил с усмешкой: — Мастерство.

Был он на редкость артистичен. Сейчас, когда я невзначай задел его за живое, это с явственной силой играло в лице, жестах, интонациях голоса. И я не удержался от вопроса, безусловно, не лишенного бестактности, когда тебе неизвестно даже имя собеседника.

— В вашей семье были артисты, музыканты? Вы сами?..

— Да, — ответил он быстро. — Но я ее разбил. О каменный пол на мелкие куски. — Опять посмотрел на руки с отчуждением, сурово. И пояснил: — Они фальшивили. — Помолчав, добавил: — И когда я это понял, то разбил ее. А семья была рабочая. Ни артистов, ни поэтов. Железнодорожная семья. Депо.

— Вы разбили скрипку?

Он чуть беспомощно съежился, усмехнулся:

— Что-то осталось? Вот и жена говорит: иногда держишь голову и руки так, будто возьмешь и заиграешь Венявского или Крейслера. — Он рассмеялся, понемногу успокаиваясь.

Тут мы оба посмотрели на мою дочь. Она стояла, обняв обеими руками фонарь, и ждала весьма нетерпеливо, когда можно будет идти.

— Завтра утром мы улетаем, — сообщила она.

Он поклонился ей почтительно, как большой, и посмотрел на меня, чуть сощурясь, точно ожидая чего-то. Я улыбнулся, должно быть, беспомощно и жалко, ощущая все болезненнее томительность этой минуты. Потом, кивнув дочери — иди, выдавил из себя:

— Дорогой, весьма дорогой подарок, разрешите... — и рука моя досказала то, чего не повернулся выразить язык.

Он удивленно наморщил лоб.

— Хотите заплатить? Тогда почему вы назвали это подарком? Как зовут вашу дочь? Когда от меня уходит фонарь, — объяснил мягко, — я помню его уже, ну, в образе человека. Он имеет его имя. Он уже, — рассмеялся, — фонарь-девочка, фонарь-мальчик, фонарь-мужчина...

Я назвал имя дочери. Он поблагодарил.

— Ты теперь фонарь-девочка, — сообщил я ей, когда мы вышли на улицу Мюйривахе, похожую на русло высохшей горной реки, некогда бушевавшей в ущелье. Мы поднялись к дому Аэрофлота, отдали билеты на утренний самолет и остались в Таллине, чтобы завтра и послезавтра ходить к мастеру Энке.

2.

— Почему я делаю фонаря? Думаете: мода? Сейчас ведь многие любят это... под старину! («И если бы он работал за деньги!..» — реплика жены.) Были у меня летом альпинисты. На Эльбрусе отель построили, наверное, хороший, с комфортом, а вот нет там чего-то. Ну, чтобы не для тела, а для сердца. Не понимали, чего же нет. Потом решили: фонаря. («И откуда они узнают о существовании Энке? Из Сибири, и из Москвы, и с Черного моря...» — снова реплика.) Вот сидели мы с ними в подвале, и захотелось мне узнать, почему именно моего фонаря им недостает в горном отеле? Один из них... («...тридцати лет, уже доктор наук, физик, объехал полмира...») ...говорит: горы — вечность. И ваш фонарь... («...тоже вечность, понимаете?») Подожди, фонаря тогда ведь не было. Для гор нужен особый, я им месяца через три его пошлю. («А вы не видели напротив ратуши, у аптеки его великий фонарь?») Великий? Большой. Но жена напомнила о нем вовремя. Вот фонарь у аптеки — один характер. В нем... («Весь дух старого Таллина».) И потом это — аптека. («Ей пятьсот лет».) Она должна вас обнадеживать. Да? А на Эльбрусе, когда вы поднялись высоко, он должен вам помочь понять лучше себя самого и с вами вместе... («...размышлять о вечности!») У меня жена русская, она меня научила хорошо говорить, но, конечно, мне до нее...

Под тем — у старой аптеки, напротив ратуши — фонарем я размышлял поздно вечером о мастерстве, точнее, о духовности истинного мастерства.

На выставках старинного оружия — а в Эрмитаже они великолепны — не испытываешь восхищения, несмотря на фантастическое мастерство оружейников. Стоя над широкими, парадными витринами, где, похожие на многофигурные изваяния, пистолеты возлежат изнеженно на желтом, тусклом бархате, понимаешь: убийство нельзя эстетически оправдать или возвеличить. Мастерство оружейников бездуховно.

Бездуховность не обязательно, разумеется, сопряжена с рождением художественно ценных орудий убийства. Более того, тут она наименее опасна, потому что очевидна. Пальцы, в сущности, не фальшивят. Они лишь фантазируют вокруг небытия.

Самый же опасный вид бездуховного мастерства — если фальшивят пальцы. И когда Энке в старой Эстонии днем, работая на торгаша, делал «подлинные» вещи минувших веков, а вечером играл на скрипке, он ощутил, что одна и та же рука не может и лгать, и служить истине. В конце концов разбиваешь скрипку. Его увлечение фонарями, которые он дарит молодым кафе, отелям, домам культуры и детям, — углубление в духовное, нравственно содержательное мастерство. (Недаром именно фонарю сообщил Андерсен высокую человеческую муку: уметь показывать разлитое вокруг великолепие мира и страдать оттого, что тебя не зажгли.)

Возможно, существует и более земной мотив его особой наклонности — Энке вот уже ряд десятилетий работает на одном и том же таллинском заводе «Терас», в мастерских его, выпускающих «осветительную аппаратуру» — так называются лампы и люстры, которые там по чертежам архитекторов делают для кафе, университетов, аэропортов. Я поехал на этот завод после того, как жена Энке сообщила мне, что за последние двадцать лет он «ни одного, наверное, разу не был в отпуске. Поваляется дня три на пляже в Пирита и...».

— А мастерская, подвал? — удивился я.

— Вот когда мы с ним расчищали монастырские закрома, я и надеялась. Нет!.. Поваляется дня три...

Разговор об Энке со старшим мастером «Тераса» Анрольдом Ханцевичем Кинном я начал вопросом относительно отпусков и поверг тем самым собеседника в немалое беспокойство:

— Будете писать? Подумают, что мы заставляем человека целый месяц работать бесплатно. А мы убеждаем: отдыхай.

— Видимо, он работает, потому что это доставляет ему удовольствие.

— Именно удовольствие. Вы меня извините, я думал, вы будете нас осуждать в печати за то, что человек работает во время отпуска. А он, действительно, за... да, за двадцать лет... ни разу в отпуске не был более двух-трех дней. Заводу это, конечно, на большую пользу. И мы хотели бы компенсировать. И, пожалуй, нашли бы ту — не для печати! — или иную возможность. Но он и говорить об этом не хочет. Для него это именно удовольствие...

Помещения «Тераса», разумеется, абсолютно не похожи на фантастическую мастерскую, устроенную в бывших монастырских закромах. Но вот сам Энке у большого окна, над заваленным чертежами столом, в резком белом освещении неотличим от Энке таинственного подвала на улице Мюйривахе.

— Надо, — доказывал он нескольким молодым рабочим, — удлинить стебель. Ненамного. Я с архитектором договорился. А в лепестки добавить меди и укрупнить... — Он нарисовал рукой в воздухе какое-то фантастическое растение, потом вытащил из вороха синий листок: — Я тут набросал. Лепестки надо разредить. Будет естественнее, да? Вот для мельницы-кафе нужна была густота, там полусвет, уют, а тут — университет, фойе...

«Терас» выполняет заказы для кафе-мельниц, отелей, театров, универмагов, вокзалов... Кинн назвал эту работу уникальной, но такой, то есть исключительно неповторимой, ее делают, по-моему, не отсутствие серийности, а художественное воображение Энке.

Вазари в известных «Жизнеописаниях», рассказывая об одном живописце итальянского Возрождения, замечает, что тот с величайшей изобретательностью затруднял себе работу, стараясь, где только можно, измыслить то, до чего раньше никто не дерзнул додумать. В поисках «осложнений» в работе этот живописец был неистощим, чем, видимо, и отличается настоящий художник, в том числе рабочий-художник, от ремесленника.

Рабочие-художники строили готические соборы и в них вырезали из дерева кафедры, величественные, как мироздание, они настилали в залах паркеты, где дерево казалось янтарем (нам разрешают сегодня ходить по ним лишь в суконных музейных тапках), и рубили — уже для себя — избы, которые в полусвете Севера по сей день земля держит на ладони, как алмазы.

Рабочий-художник — образ на редкость родной нам, отечественный, дорогой с детства по Лескову и Горькому.

3.

В воскресное утро с билетами на вечерний самолет мы пошли на улицу Мюйривахе попрощаться с Энке и его женой и первый раз оказались у них некстати.

Передавали по радио традиционный для Таллина воскресный концерт органной музыки. Энке в темном, выходном, несколько старомодном костюме, сидел у окна — отрешенный, далекий. За окном темнила августовское утро городская, пятнадцатого века, стена, тяжкой исчерна-серой фактурой напоминающая тысячелетний выступ горы. Сам дом, в котором Энке занимает небольшую комнату, — она и гостиная, и спальня, и кухня — тоже построен лет четыреста назад, до рождения этого баховского хорала. Когда органист томительно утишал на нижайших басах мощь музыки, можно было услышать, как что-то жарится за занавеской. Хозяйка, быстро устроившая нас рядом с собой на диване, уговаривала остаться обедать, а Энке сидел у стола, рядом, молчаливый, замкнутый, сидел, как в концертном торжественном зале, откинув голову, чтобы лучше видеть, положив чинно руки на подлокотники. И вот в те минуты, под орган, я с особой явственностью ощутил, что передо мной истинно рабочий человек. В его облике теперь не было изящества и артистизма, которые казались совершенно от него неотрывными. Из рукавов выходного костюма вывалились угловато подвернутые, большие кисти рук с деформированными пальцами; на неподвижном, торжественно-сосредоточенном лице выступило что-то старинное, упорное, медлительное... мастеровое! Не верилось, что он накануне вечером говорил мне в подвале об одном давно начатом и до сих пор не доделанном фонаре:

— Не нравится он мне...

— Разлюбили?

— Да! Могу же я разлюбить, живое у меня сердце. («Каприз, — четко заметила жена. — Хорошая вещь. Надо кончать».) Не нравится мне, — повторял он, как ребенок.

Этот медлительный и упорный мастеровой не мог разлюбить, не мог оставить что-то незавершенным, не мог позволить себе детский каприз в работе. И я почувствовал, что тайна личности и тайна судьбы сидящего передо мной человека лежит в несовпадении этих образов. Он оставался самим собой и тогда, и сейчас. Может быть, легкость, игра его лица и рук были содержательны лишь потому, что за изяществом и артистизмом таилась медлительная, упорная сила.

Музыка кончилась — Энке посмотрел в окно, улыбнулся:

— Осень! («Его время — осень и зима. Уходит в подвал и колдует до ночи».) — Тогда он рассмеялся: — Зимой хорошо. Наверху — ветер, снег... («Да, у него там уютно. Мы с гостями часто сидим, а уж в новогодние ночи...»)

— Гости и зимой не дают покоя?

— Ходят, как в музей, — добродушно ответил мне Энке. («С той лишь разницей, что из музеев ничего не уносят».) — Ну, унесли-то один раз, а в остальные я сам дарил. А сейчас и дарить почти нечего — что ни начну, обещано кому-то. К тому же в ту зиму... («А в ту зиму он изменил фонарям — пятьдесят кормушек для белок, домики на металлических тонких цепочках...») Вот и доверь жене тайну! («Весной поехали мы с ним на рассвете в Кадриорг-парк и развесили их, действительно тайно, по деревьям, потом в вечерней газете было напечатано: кому, мол, известно, кто этот беличий покровитель? Молчит, посмеивается».) Люблю людей дурачить.

Накануне Нового года я мысленно видел, как около полуночи по первобытно тяжким камням, держась за толстый канат, нисходят в подвал-мастерскую гости. Их лица и руки, когда они переступают порог, освещает фонарь, обладающий особенностью, о которой не догадывался и сам Андерсен: обнаруживать в людях бескорыстие и доброту.

ТРИ НЕПРАВДЫ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Арсений РЯБИКИН

О ГЕРОЯХ НАСТОЯЩИХ И МНИМЫХ

ПОД Кенигсбергом во время нашей танковой атаки, когда серые, покачивающиеся на буграх и выбоинах машины шли по открытому полю, у одного танка от близкого разрыва повредило трак. Машину развернуло в сторону. Из нее вылез механик-водитель и пополз к поврежденному траку. Он успел крикнуть товарищам, чтобы ему подали маленькую кувалдочку, которую обычно возят танкисты.

— На, держи, — крикнул командир танка и бросил кувалдочку механику.

Но не успела она долететь до земли, как новый страшный удар сотряс машину. Механика-водителя отбросило в сторону и засыпало землей, в танке стало рваться боеприпас.

...Я сидел у постели человека, слушал его рассказ и ясно видел этот далекий день сорок пятого года. Поле, по которому шли танки, одинокую машину, танкистов и даже эту кувалдочку, которая, долетев до земли, уже никому не понадобилась.

Механика-водителя нашла санитарная собака. Потом были госпиталь, врачи, лекарства и медленное возвращение к жизни.

После госпиталя он вернулся в свой родной приморский город, где провел детство, юность, где жил, учился, работал. Приехал инвалидом. Его встретила старуха мать. Тоже совсем больная. Нужно было как-то жить. Человек растерялся от своей беспомощности. И тут, по недоброму совету, он поехал в соседний город и пошел на базар, где, по слухам, были люди, скупавшие у офицеров и солдат ордена и медали. И танкист продал за крупную сумму денег все, что заслужил кровью на фронте, продал вместе с документами.

Потом он раскаивался в своем поступке, но ничего уже нельзя было поделать.

Здоровье стало ухудшаться. Человек снова попал в госпиталь. Лечение не помогло. Давала знать о себе тяжелая контузия после танкового боя под Кенигсбергом.

«...Очень много говорят и пишут о героях Отечественной войны, — писал он в одно учреждение, — создают им памятники и красноречиво говорят: «Никто не забыт, ничто не забыто». Эти слова далеко не оправдываются действительным положением инвалидов Отечественной войны 1-й группы, которым лежат без движения, как я.

И обидно до слез, что когда мы были здоровы, воевали, тогда мы были всем нужны, а когда война искалечила нас, мы стали обузой. Как, например, я, одинокий инвалид войны, стал в тягость нашему городу. В городе 50 тысяч человек, а одинокому инвалиду войны нет места, нет о нем повседневной заботы, сознательного внимания.

Ну, а уж что-нибудь выпросить в помощь, нужно вагон бумаги исписать, умолять. Вот вам и «никто не забыт!»

Я ехал в город, где живет автор письма, и думал: кто же посмел обидеть человека, который потерял здоровье, защищая Родину?

А ТЕПЕРЬ все выше написанное нужно пересказать заново, но не так, как рассказал мне сам Глеб Иванович, а так, как было на самом деле.

Наверное, и даже точно, был под Кенигсбергом танковый бой, был и подбитый танк, и механик-водитель, который выскочил из машины, чтобы осмотреть повреждение, был, наверное, и тот, второй или третий удар, который остановил время жизни нескольких молодых чумазых парней в черных танкистских шлемах. Но не было в этом танке Глеба Ивановича. Не было по той причине, что служил он в это же самое время, весной 1945 года, не танкистом, а начальником тылового склада ГСМ (горюче-смазочных материалов) под Москвой. И было ему 26 лет. И не получил он за всю войну ни одного ранения, ни одной контузии.

После первой беседы с Глебом Ивановичем я долго думал о том человеке, который купил у него ордена и медали. Как он носит их? Как не стыдится надевать? Как, наконец, просто не боится в один прекрасный день столкнуться грудь с грудью с фронтовиками или с человеком, который знал, что он никогда не был на войне, в следовательно, не мог получить боевые награды?

Конечно, я не одобрял Глеба Ивановича, но тогда у меня не было еще никакого сомнения в правдивости его слов, и я пытался как-то объяснить его поступок. Но больше я думал о том «покупателе», так задела меня эта история.

И чтобы поточнее справиться о наградах Глеба Ивановича, я позвонил в Москве в учреждение, где на маленьких карточках в больших ящиках-сотах навечно записаны все, пусть даже самые скромные, награды советских воинов. И через четверть часа начальник отдела, который уже не раз помогал мне в поисках, сообщил, что у человека, которым я интересуюсь, нет ни одной награды — ни ордена, ни медали.

Около 13 660 000 советских людей были награждены после войны медалью «За победу над Германией». У Глеба Ивановича нет в этой медали. И что было продавать на базаре в южном городе, когда продавать было нечего?

Как спекулировать на своем мнимом подвиге и геройстве? На всем том святом и кровном, чему веришь на слово, как верит сыновний взгляд отцовским морщинам и мозолям на руках?

Можно еще как-то понять человека, который всю войну варил бойцам кашу и щи, а может быть, даже и этого не делал, но потом под впечатлением кинофильмов и рассказов о войне выдумал себе необыкновенные героические подвиги. И любит в веселую минуту в кругу семьи рассказывать их. Но как под этот свой «домашний фольклор» выбивать себе какие-то вполне реальные блага и привилегии?

ПОСЛЕ войны человек, который, по его собственным словам, вернулся инвалидом, был в добром здравии. Потом неожиданно захворал. Болезнь медленно развивалась и наконец уложила его в постель. Долгое время медицинские комиссии в своих заключениях не связывали нездоровья с войной. Да и трудно было связать: человек не имел ни ранений, ни контузий, ни увечий. Не было у него и других заболеваний, которые можно было бы отнести к лишениям фронтовой или блокадной жизни, ко всем установленным по закону «причинам инвалидности у бывших военнослужащих».

Тем не менее в документах Глеба Ивановича появилось: «инвалид войны».

...После первой встречи с ним я пошел в горком партии и в горисполком. Был в горкоме комсомола и в горвоенкомате. В городской газете и в горздравотделе. Я думал, что люди, с которыми мне придется говорить, совсем не знают его. Оказывается, знают прекрасно. Правда, у некоторых моих собеседников не было к нему симпатии, но это совсем другое дело.

Он просил поменять жилье и получил на двоих прекрасную двухкомнатную квартиру в новом доме на первом этаже с видом на море. Ему в первую очередь поставили телефон, хотя и это непростое дело: домашних телефонов не имеют многие руководители хозяйств и учреждений.

Как инвалиду войны государство подарило ему машину, и горисполком, в порядке исключения, разрешил построить рядом с домом персональный гараж, а механический завод, который шефствует над Глебом Ивановичем, помог построить этот гараж.

Он сам мне рассказывает, как снимает трубку и звонит в горком или на завод, просит помощи и почти никогда не слышит отказа. Оказывается, даже не надо «изводить вагон бумаги». Человек, к примеру, позвонил на завод и попросил выделить деньги на покупку новых автомобильных покрышек для «Москвича». Ему незамедлительно выписали 200 рублей. Стоимость только одних лечебных пособий, которые он получил в 1969 году, составила около 1000 рублей. Часто Глеб Иванович выезжает на своей машине в далекие и близкие путешествия по Кавказу. За рулем автомобиля сидит личный шофер. К человеку приходят пионеры, школьники, комсомольцы. Приносят ему цветы и книги.

Он ведет обширную переписку с разными людьми, учреждениями, организациями. Читает заметку в газете о выпуске нового транзисторного приемника — и пишет письмо на завод с просьбой прислать ему на возможно льготных условиях этот не поступивший еще в продажу приемник. Недавно рабочие одного завода подарили ему микроэлектропроигрыватель.

И такая реакция естественна по отношению к больному человеку, тем более, если здоровье он потерял на фронте. Святы слова «участник войны», «инвалид войны» для всех советских людей, потому что святые дела были за ними.

Теперь самое трудное. Я вполне отдаю себе отчет: сейчас человек, о котором я пишу, нездоров. Лежачего, как известно, бить нельзя. Я и не хочу этого. Поэтому не называю его фамилии.

Но то, что этот человек рассказывает детям, да и взрослым о войне, — вранье. На войне он не был. И нет у него права рассказывать о ней!

МОЖНО было бы не писать о Глебе Ивановиче. Но когда я думаю, что есть другие люди — настоящие воины и солдаты, я не могу умолчать о том, что нечаянно узнал. Не могу как гражданин и журналист. И потому хочу провести спокойную черту — разницу между Глебом Ивановичем из одного черноморского города и тысячами других советских людей, которые физически находятся в таком же, как он, положении, но которых не выдуманно, а на самом деле поломало и обожгло войной в танках и самолетных кабинах, в окопах и на полях сражений. Они скромны, эти люди. Скромность отличала их во время войны, отличала и после войны, когда они остались на какой-то момент один на один со своим недугом. Остались солдатами!

...Несколько лет назад мне довелось рассказать о семи Героях Советского Союза, которым не были вручены Золотые Звезды. Не вручены, потому что не известна была дальнейшая судьба этих людей и не были найдены, несмотря на все усилия, родственники отважных воинов. В статье говорилось и о телефонисте механизированного стрелкового батальона Белове Василии Михайловиче, 1919 года рождения (звание Героя Советского Союза было присвоено ему за форсирование Днепра).

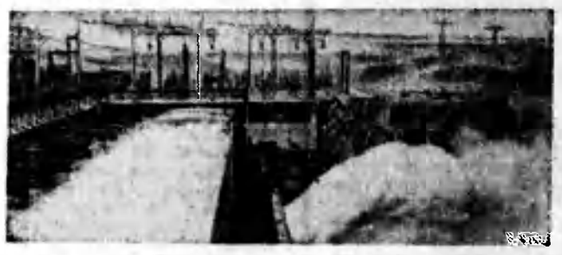
Спустя некоторое время я получил письмо.

«У нас в селе Ст. Андреевка Неверкинского района Пензенской области, — писал мне незнакомый человек, — есть Белов Василий Михайлович, 1919 года рождения, участник многих боев, несколько раз форсировал на разных направлениях Днепр. Много он о себе не говорит. На вопрос: о тебе ли это написано, может, ты это, друг? — отвечает: может, и обо мне. Надо, говорю, о себе дать знать, объявиться. «Если я — найдут», — отвечает. В армию Белов взят комсомольцем. Имеет награды. Был во время войны один месяц в отпуске, что давалось не каждому, потому как сам был в армии не год, не два, а девять с лишним лет. Из армии пришел коммунистом.

Вот и все, что я о нем знаю. Может, и он! Надо проверить, уточнить. Прошу ответить. Моя фамилия Варламов Петр Андреевич».

Проверка будет проведена, и награда найдет героя. Но я хотел обратить внимание на другое: и в этом-то коротеньком письме — весь человек: и тот, о ком написано, и тот, кто пишет.

Александра ГОРОБОВА

СТРАНИЦЫ АСУАНСКОГО ДНЕВНИКА

15 января в Объединенной Арабской Республике состоятся официальные торжества по случаю завершения строительства высотной Асуанской плотины, сооруженной при техническом и экономическом содействии Советского Союза.

Сегодня мы публикуем страницы из дневников писательницы Александры Горобовой, неоднократно бывавшей в Асуане на протяжении ряда лет, когда велось это строительство.

ПЕРЕДО мной блокноты. Они занимают половину стола. Горы! На всех пометка: Асуан. Их можно разделить на несколько стопок: 1961 год, 1964-й, 1965-й, 1969-й... Тогда гора превратится в холмики.

1961 год. Поезд. Пейзаж по левую сторону дороги напоминает Туркмению — желтизна, пески. Слева — Африка. Все более чужим становится пейзаж. Нас сжимают две пустыни с Нилом посредине. Пальмы в воде. В воде серые спины буйволов. Двое почти голых рыбаков тащат бредень. Лилово-черная кожа. Нубийцы. В длинной одежде женщина. Вода уже ей по пояс. На голове — квадратная жестяная банка. Заменяет кувшин. У дороги бананы. Листья начинаются от земли. Длина листа около трех метров. В вагоне работает «эйр-кондишн». Жары нет. Снаружи пекло. Оно угадывается.

Асуан. Гостиница. Сижу в темноте. Перед балконом Нил. Улицы не видно. Нил. Лодки. Свернуты паруса. На той стороне еще видна рыжая гряда холмов. Она темнеет. Уже черная. А Нил еще ловит свет неба. Глянцевитый, с розовыми отсветами. Это свечение заката, уже невидимого, еще хранимого водой.

Утро. Открываются маленькие кофейни. Столики вынесены на тротуар. Нил все ослепительнее. Пахнет горячими лепешками. Кофе.

Утро. Автобусы развозят людей на строительную площадку.

Тоннель. Под ногами вода. Настланы доски. Иду по доскам. Метров на шестьдесят тоннель уходит в глубь скалы. Там, где идет бурение, гранит полит водой. Он почти черный. Черно-красный. Будто запекшаяся кровь! Гудят пневматические буры, тут работают молодые арабы. Гудит компрессорная установка. Инженер наклоняется к моему уху и кричит:

— Вынимаем в сутки 180 кубометров скалы. Мечтаем вынимать 300 кубометров.

Наклоняется и кричит:

— В этом месяце прошли 60 метров. Мечтаем проходить 100 метров.

И когда мы выходим и можно уже не кричать, спрашивает:

— Познакомились с проектом? Мы должны построить шесть тоннелей. Для чего? Для электростанции. По ним вода пойдет на турбины. Общая мощность — более двух миллионов киловатт. Электростанция даст Египту 10 миллиардов киловатт-часов энергии в год. Это же промышленная революция! А данный тоннель — транспортный. Он позволит подвезти технику к основным тоннелям.

...Низовой канал. Только ночью на нем идут работы. Днем жара. Днем машины готовят к ночной смене.

Экскаватор Татаренко. Стою поодаль в теплой ночной темноте. Жду. Сейчас экскаватор погрузит породу, и «МАЗ» отойдет.

Татаренко выходит из кабины. Минуты на две. Перекур. У Татаренко четырехкубовый экскаватор. На «МАЗ» грузит четыре ковша.

— Как живем? — переспрашивает Татаренко. — Неплохо живем. Ну, машины сильно грелись. Если на дворе 45 градусов, в кабине водителя на 10—15 выше. Ставим в кабины два комнатных вентилятора.

Трудности какие? Такой скалы видеть еще не приходилось. Зубья на ковше стоят самое большее 18 дней. А зуб — 40 сантиметров. Металл прямо на скале остается. Ковш по камню скребет, а ты зубами скрипишь. Стискиваешь зубы. Ну ничего, мы научились: зубья за 15 минут все сменим.

— Извините, — продолжает Татаренко. — Пора мне, сейчас «МАЗ» подойдет. Да, вы про содружество с арабами спрашивали? Хорошо, очень хорошо вместе трудимся. А такие, как Мохаммед, отлично экскаватор освоили. И на каждом экскаваторе такие ребята есть. Теперь Мохаммеда сделали механиком. Отвечает за подготовку экскаваторов.

И Татаренко забирается в кабину.

...Мы сидим на высоком, левом берегу Нила. За спиной — крохотный зеленый оазис. Он недавно создан вокруг лаборатории геодогов. А дальше — безжизненная бурая, яростно освещенная солнцем пустыня. Но внизу покачиваются четыре баржи, на которых установлено буровое оборудование. И с той стороны реки доносится грохот стройки. ...Именно тут проходит та невидимая глазу линия, которую проектировщики называют осью плотины. Именно тут в русло реки будут обрушены миллионы кубометров камня, уложены миллионы кубометров нильского ила, намыты миллионы кубометров песка и гигантская каменно-набросная плотина высотой 111 метров перегородит реку.

Рядом сидит Слава Гольцов. Белокурый, голубоглазый молодой инженер, эксперт по буровым работам в русле Нила.

— Значит, вы будете бурить в русле Нила?

Гольцов кивает:

— Под створом плотины должны быть пробурены скважины на глубину до 200 метров. Данные, которые получат геологи, необходимы для расчетов плотины. Сверху на нильском дне лежат тонкие пески. Это молодые современные отложения. Ниже песок зернистый. Еще ниже — валуны. Под ними снова пески. Их подстилает глинистый горизонт, спрессованный этой тяжестью. И от каждого слоя нужно взять образец, чтобы в лаборатории арабские и советские геологи могли определить фильтрационные свойства каждого горизонта, а проектировщики рассчитать, каким раствором насытить этот горизонт, чтобы в грунт под плотиной не проникла вода, не вынесла пески, не вымыла углубления, и плотина не оседала.

Вот он сидит, голубоглазый, молодой, смотрит на баржи, где установлены буровые станки, и мысли его — о том, что стенки скважин придется крепить тяжелым глинистым раствором, что валунный горизонт пройти непросто (в иных местах он до 30 метров). Сам валунник — еще ничего, да и пески не страшны, но тут слоеный пирог, и каждый слой требует своего режима бурения.

И все это — и выемка низового канала, и транспортный тоннель, и бурение в русле Нила — только начало гигантской стройки.

...1964 год. Ленинград. Металлический завод.

Человек в светлом костюме говорит:

— Скоро у нас пойдут двенадцать колес красноярских и двенадцать для Асуана.

Он говорит:

— Ну что вам объяснять? Вы ведь спрашиваете о рабочих колесах для асуанских турбин? Ставят ли они перед нами новые задачи? О да! Первая и главная — мы должны их изготовить из нержавеющей стали. Целиком из нержавеющей стали! Из единого металла! Это центральный вопрос производства. Учтите диаметр и вес колеса! Колесо таких габаритов из нержавеющей стали создается впервые в мировой практике. Это я вам заявляю официально.

Он спрашивает, знаю ли я, что за зверь кавитация. Ага, не знаю! Неважно. Никто не знает. Вернее, видят только следствие — изъязвление металла там, где металл встречается с потоком воды, а причины...

Мой собеседник — инженер-сварщик. Приехал в Ленинград из Киева. Из Института Патона. Мы идем по двору Металлического завода. Вокруг высятся корпуса цехов, проложены рельсы...

Я говорю: мне уже показывали фотографию, где лопасти рабочих колес гидротурбины напоминают лист, изъеденный червями, особенно по краям.

— Червями? — он улыбается. — Палочкой Коха! Инженеры находят, что это похоже на туберкулезное легкое. Отсюда и термин — кавитация... Пойдут асуанские «нержавейки» — тут народ попарится. Это уж как пить дать! Если бы эти турбины мы делали для себя, я пошел бы другим путем. Стал бы делать наплавки на лопасти миллиметров этак в шесть из стали новой марки. Уже есть такая. У нее стойкость против кавитации огромная. Тогда колесу не будет износа. Но арабы опасаются, что наплавки сколются, что кавитация их проест...

Мы выходим к пирсу, построенному на Неве специально для отправки красноярских и асуанских колес.

— Асуанские повезут вокруг всей Европы. Моряки согласились. — задумчиво говорит мой спутник.

...**1965 год.** Да, мне здорово не повезло! Нил был перекрыт без меня. А мне осталось утешать себя тем, что перекрывали Нил так же, как и другие реки — Волгу или, скажем, Енисей. Так же друг другу навстречу двигались «МАЗы», в воду летели осколки скалы, и проран между двумя плечами плотины суживался... Но это еще не была плотина. Только через два дня высотная Асуанская плотина действительно начинает становиться плотиной. В скважины, их уже 24, начнут нагнетать растворы. На языке гидротехников это называется инъекцией.

Тогда я еще не знала, что двадцать восемь месяцев, каждый день, в три смены будут работать люди на инъекции. Закачивать раствор в глубь русла. Двенадцать растворов. У каждого своя рецептура. Двенадцать слоев аллювиальных отложений. У каждого свой характер, и нужно будет укрепить один миллион шестьсот шестьдесят пять тысяч кубометров грунта так, чтобы снизить до минимума фильтрацию. Только теперь я знаю, как на ходу приходилось «сочинять» новые растворы, менять рецептуру. Так родился глинно-бентонито-силикатный раствор... Об этом мне рассказал позднее инженер Александр Попов.

В блокноте запись: вибрирующий каток... На берегу горит прожектор. И все-таки темно. Мы идем по плотине. Песок влажный. Но ноги нужно вытаскивать. От подошвы остается глубокая вмятина. Стараюсь перейти на полосу, уже укатанную вибрирующим катком. Уши заложены грохотом катка. От правого берега к левому. От левого к правому. Вот каток поравнялся со мной. На облучке араб. Он что-то кричит. Приветствие? Из-за грохота слов не слышу. Кто он, этот паренек на облучке? Должно быть, один из выпускников учебного центра, организованного в Асуане. Там обучалось более тысячи молодых арабов. И подготовлен уже не один выпуск. Не одна тысяча человек. Молодые, знающие новые арабские специалисты...

Кирилл Иванович Смирнов — крутологоловый, крепко сбитый, с седеющим бобриком волос, спокойный, чуть окающий человек, участник строительства почти всех крупнейших у нас гидростанций — Углич, Рыбинск, Куйбышев, Братская ГЭС, в Красноярске был главным инженером, а теперь работает на Асуане. Задумчиво говорит:

— Нил — своеобразная река... Вот, к примеру, Волга. Минимальный расход воды — полторы тысячи кубометров, максимальный — до семидесяти тысяч кубометров. Такая амплитуда! А Волге что? Ну, судоходству неприятности. А вежели в Ниле мало воды — народу беда. Во всей стране плач... Будет построена плотина, смонтирована электростанция, строители уйдут, а большой след останется: модернизация всей страны. А может быть, главное даже не это, а то, что цифрами не выразишь, — так сказать, неучитываемые ценности...

Что же они представляют собой, эти неучитываемые ценности? С кем бы я ни говорила, что бы ни видела, все время об этом думаю. Быть может, они не материальны, эти ценности? Материальные поддаются учету, планированию. А ценности духовные учесть сложнее. Быть может, Смирнов имел в виду новое в сознании египетского народа, имел в виду результат соседства, дружбы, нашего совместного труда? Кажется, это и есть разгадка его формулы «Неучитываемые ценности».

...На Ниле, на острове, против Асуанской набережной, строится гигантский ослепительно белый отель. Место выбрано удачно. Каких-нибудь полчаса — и турист, остановившийся в отеле, сможет осмотреть высотную Асуанскую плотину, взглянуть на Асуанское море. Еще два часа — и глиссер на подводных крыльях доставит туриста к развалинам Абу Симбел. Отель в Асуане будет комфортабельным. И если в этих словах есть какой-то оттенок досады, то только потому, что все тут стало уже моим и мне обидно думать о том, как приедет турист, окинет беглым взглядом пейзаж и скажет:

— Прелестно! Вот только жара мешает!

...А то, как тут жили строители, как с воды бурили дно Нила, и в паводок 1963 года баржи рвались, как кони на коновязи, и страшно было бурить, такая была вода, и в рабочем тоннеле хлюпали под ногами лужи, и со свода готовы были обрушиться слоистые буро-красные глыбы; и как на каменном пятачке над Нилом, у сарайчика, где собирались буровики, бульдозеристы, зеленели посаженные сторожем нежные стебельки дурры. И каждый вечер снизу, из Нила, старик приносил для этих стебельков воду... Все это останется неизвестным туристу. И так сильно во мне ревнивое чувство, что невмоготу с ним справиться.

1969 год. От Каирского аэродрома машина движется по затемненным улицам. Рекламы погашены. Фары машин выкрашены синим. Окна больших домов затемнены. Перед входом в государственные учреждения сложены двухметровые кирпичные стенки. У витрин мешки с песком... А утром я увидала надписи мелом: «Мы не боимся шестого флота!», «Мы поддержим тебя, Гамаль!». И от того, что я знала военную Москву, жила в ней, я сразу поняла, даже не умом, а сердцем, как тут живут сейчас люди. Как разворачивают газеты...

Асуан. Там, где я тот мой приезд в нижнем бьефе посуху сновали машины, работали бульдозеры и были видны бетонные гнезда для будущих турбин,— там сейчас Нил, и над ним поднимаются светлые стены гидростанции.

Сначала глаза даже как-то не верят — мираж! Это стекло, этот бетон — они кажущиеся! Но вот монтажная площадка, она висит над заполненным водой нижним бьефом. Вот полукозловой кран. Два таких спаренных крана берут ротор турбины и тихонько проносят эту махину куда следует. И только крановщик сигналит. А какой нежный звоночек у этого крана! Какой вежливый: «Пожалуйста! Прошу вас! Извините!». Ты можешь прочитать на опоре крана марку завода «Новокраматорский», можешь пройти 400 метров по машинному залу в самый его конец, к шестой секции. Нет, не мираж! Пол вымощен светлой метлахской плиткой. Окон не видно. Солнечный свет не режет глаз, он затенен как бы створками бетонных ширм. За моей спиной нежный звоночек крана. Диспетчерская служба требует: «Немченко! Вас просят! Немченко!» С другого конца зала уже торопится Немченко, заворачивая на ходу рукава белоснежной рубашки. Не мираж! Просто я не была тут четыре года, а люди строили, и уже дают гидротурбины Египту миллионы киловатт-часов электроэнергии, и уже орошают за счет воды, запасенной в водохранилище, новые земли. И вот лежит на моем столе большой полный колос первого урожая, выращенного на землях нового освоения...

Испания все еще живет под впечатлением чудовищного судебного фарса в Бургосе, где франкистские власти учинили жестокую расправу над патриотами-басками. Во многих городах не отменено осадное положение, армия наводит «порядок», пресекая выступления трудящихся в защиту попранной демократии.

Фото из итальянского журнала «Эспрессо»

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЛИТЕРАТОР

К 90-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева

ЗАВТРА исполнится 90 лет со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева, прославившего своими трудами наше советское китаеведение. В. М. Алексеев умер в мае 1951 года, но и за эти два десятилетия, прошедшие со времени его кончины, вышли еще три замечательные книги («В старом Китае», «Китайская классическая проза» и «Китайская народная картина»), не успевшие увидеть свет при жизни ученого. Продолжают перепечатываться его статьи и переводы. Ждут своей встречи с читателем и доси пор не опубликованные, и давно уже ставшие библиографической редкостью, но посейчас являющиеся для исследователей программой действий работы В. М. Алексеева.

Единственный среди своих современников, выдающихся востоковедов, В. М. Алексеев не принадлежал к интеллигенции по рождению. Он рос в семье паводского писаря и работницы, где книга едва ли была частым гостем. «Я родился и жил,— пишет он,— среди людей, имевших право на труд только тогда, когда кто-то свыше давал им «место», и не имевших никакого права на образование, тем более — на культурную жизнь». По редкому счастью, «свыше» было предоставлено В. М. Алексееву место на казенный счет в Кронштадтской гимназии, после которой он в 1902 году окончил восточный факультет С.-Петербургского университета.

Яркая талантливость и редкое, целеустремленное трудолюбие В. М. Алексеева заставили обратить на него внимание выдающихся русских профессоров В. П. Васильева и А. О. Ивановского, а затем и крупнейшего французского синолога Э. Шаванна, в археологической экспедиции которого в Северный Китай молодой ученый принял участие в 1907 году.

Печатные работы В. М. Алексеева появляются с 1906 года. Они разнообразны, как разнообразны интересы ученого. С одинаковой увлеченностью он занимается археологией, нумизматикой, фонетикой, фольклором, театром, народным искусством, религиями, литературой Китая. Почти каждая работа В. М. Алексеева была открытием в науке. Углубленность, искренность увлечения и в то же время объективный критический подход к предмету исследования характеризуют его труды. Их отличает и высокая нравственность, выраженная, в частности, в той добросовестности, которую Пушкин называл порукой таланта. Ни следа спешки, ни следа нарочитости, уводящей в сторону от найденного или еще таящегося факта. И добрый, уважительный взгляд на китайский народ. Это дружелюбие по отношению к китайскому народу, симпатии к его трудной борьбе за национальное и социальное освобождение всегда отличали русское и советское китаеведение.

Размеры статьи не позволяют остановиться на многом, открытом В. М. Алексеевым впервые в мировой синологии. Китайские народные верования с их отражением в народном искусстве привлекали В. М. Алексеева с самого начала его научной карьеры... В исследовании В. М. Алексеевым конфуцианства, буддизма, даосизма, составляющих религиозные верования китайского народа, поражает не одна лишь глубина знаний ученого. Покоряет ясность атеистической мысли, вскрывающей природу любой религии, у воспитанного с детства в строго православном духе и, значит, первоначально воспитавшего себя ученого, сумевшего написать еще в 1911 году: «Что есть религия Китая? — Вряд ли она отличается от религий человечества по своему существу. Это та же боязнь грозной силы природы и темной силы воображения, наваждений, напастей, скорбей, зол и всякого лиха, ищущая возможности от них заслониться». Всякий способ является одинаково хорошим: заклинание бесов профессиональными фокусниками, приношения Будде, даосской Троице, соммам духов всех специальностей, аллаху и, наконец, служение христианскому богу и святым его».

Китайская литература — область синологии, привязанность к которой у В. М. Алексеева была самой сильной и в которой он тоже прежде всего искал проявление жизни и судьбы народа. Вот почему обратился он к Пу Сун-лину с его «рассказами о необычайном», опубликовав первый перевод из них в 1910 году и в продолжение четверти века после второго выпустив четыре сборника и сделав особенно популярным у нас этого китайского писателя XVII—XVIII веков. Обладая поражавшим его современников знанием китайского языка и китайской культуры, В. М. Алексеев видел зависимость развития литературы от развития общества и рассматривал китайскую литературу в ее связях с материальной и всей духовной культурой народа, что заметно уже в монографии о таиском повате IX века Сыкун Ту «Китайская поэма о повате» (1916 г.). В своих литературоведческих изысканиях В. М. Алексеев не замыкался в храме китайской литературы. Он первый, кто протянул от нее нить к мировой литературе и неоспоримо сопоставил китайскую литературу в таких статьях, как «Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве», с общепризнанными мировыми литературами.

Обилие литературоведческих исследований В. М. Алексеева — в их текстологической доказательности. В них ясность смелого ума, и глубина новаторской мысли, и сила обширных знаний ученого сочетаются с тонкостью восприятия и мастерством поэта.

В. М. Алексеев был подлинно советским ученым, представителем той интеллигенции, которая встретила революцию в зрелом возрасте, уверовала в нее и уже отдавала все свои силы для ее победы, совершенствуя свое мировоззрение и развиваясь вместе со своей страной. В. М. Алексеев, как это и подобает советскому ученому, был демократичен в науке. Он стремился к всемерному ее распространению, он хотел, чтобы выстраданные ученым знания, выдвинутые им идеи обретали народную аудиторию, и не только сам со свойственным ему темпераментом неустанно читал доклады, но после Отечественной войны организовал в Ленинграде лекторий, к работе в котором привлек ряд академиков.

Деятельность В. М. Алексеева, ученого — основоположника советской синологии, профессора — воспитателя многих поколений китаистов, литератора и пропагандиста научных знаний, имеет значение не только для нашей в мировой науки. Она в силу своей специфики и благодаря самой личности великого советского синолога имеет непреходящее значение для духовной связи нашего и китайского народов.

Л. ЭЙДЛИН,
доктор филологических наук

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ БРАТСКИХ СТРАН

Георгий ДЖАГАРОВ:

ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ — ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Как сообщала «Литературная газета», в конце прошлого года в Софии состоялась Вторая национальная конференция болгарских писателей. С большим докладом «Проблемы жизни — проблемы литературы», опубликованным в очередном номере «Литературен фронт», выступил председатель Союза болгарских писателей Георгий Джагаров.

Действительность наших дней, строительство социализма, подчеркнул в своем докладе Г. Джагаров, дают богатейший материал мастерам слова. А социалистический реализм помогает писателям Болгарии глубоко, правдиво и ярко показывать в своих произведениях свершения наших дней, создание нового мира. Социалистический реализм предоставляет писателю возможность отразить и основной конфликт нашей эпохи — конфликт между социализмом и капитализмом, между трудом и капиталом, он помогает отобразить и те конфликты, которые возникают в процессе развития нашего общества.

В одном из разделов доклада речь идет о такой теме, как партийность художника, о преданности писателя делу рабочего класса. Величайшие общественные преобразования нашей эпохи — Октябрьская революция, победа социализма в целом ряде стран привели к возникновению новой литературы. Когда в свое время В. И. Ленин провозгласил, подчеркивает Г. Джагаров, что наступила новая эпоха в искусстве, эпоха подлинно свободной, открыто связанной с пролетариатом литературы, тем самым он не только выдвинул лозунг привлечения творческой интеллигенции к делу пролетариата, не только охарактеризовал литературу как составную часть организованной, планомерной, объединенной партийной работы, но и открыл объективную закономерность, заложенную в самой природе искусства.

Идейные противники пытаются доказать, что у нас якобы нет свободы творчества. Но при этом они обходят молчанием то, что свобода творчества неразрывно связана с социальной действительностью, с классовой природой того общества, в котором творит художник. Само собой разумеется, что в эксплуататорском обществе, где не решен вопрос о свободе от эксплуатации, и речи не может быть о свободе творчества. Только социалистическая революция, полностью освобождающая человека, может освободить и литературу. Другого пути к свободе писателя не было и нет, подчеркивает докладчик.

Единство писателя с народом, его партийная убежденность вызывают особенную ярость буржуазных пропагандистов. К нападкам западных идеологов присоединяются и сегодняшние ревизионисты. Таков, например, ренегат Роже Гароди, который ратует за «реализм без берегов» для того, чтобы стереть границы между нашей и чуждой нам эстетикой, между буржуазной и коммунистической идеологией, стремясь открыть шлюзы мутному потоку формализма.

История литературы подтверждает — настоящие произведения создаются только тогда, когда художник служит прогрессивным идеям своего времени.

Болгарские писатели, если говорить об их идейно-эстетической позиции, — реалисты. Писатель волен выбирать любую тему, он только не должен лгать. Если писатель называет себя реалистом, то он не может выступать с субъективистских позиций, искажать действительность. Всякий субъективизм — ложь, а всякая ложь, как известно, несовместима с искусством. Подлинный художник стремится к тому, чтобы читатель поверил в правоту нашего дела, в окончательную победу коммунизма. Он должен глубоко и всесторонне исследовать действительность во всех ее проявлениях, продолжает Г. Джагаров. Ярким примером для нас, литераторов, служит политика партии, «которая в заботе о человеке не только вскрывает недостатки, причины тех или иных ошибок, реальные размеры и реальное значение явлений, мешающих движению вперед, она указывает и способы искоренения недостатков, указывает выход из создавшегося положения, не дает проявлять слабость и колебания».

Коммунистическая партийность закономерно ставит писателя в ряды созидателей нового общества. Всякие попытки творить для «избранных» приводят к измельчанию таланта, к деградации искусства, творчество изводится до всякого рода ребусов, экспериментов, искусственных вывертов, украшательства. Подлинная литература — против игры в искусство, ее читают не двадцать—тридцать человек, а миллионы людей.

В связи с этим докладчик остановился на все возрастающей роли критики. Без нее невозможно нормальное развитие литературной жизни. Критика дает отпор реакционным тенденциям и утверждает прогрессивное в литературе. Докладчик приводит слова товарища Тодора Живкова о том, что литературная критика сильна тем, что она в оценке художественных произведений руководствуется классово-партийными критериями. Литературная критика, подчеркивает Г. Джагаров, должна активно отстаивать и бороться за принципы социалистического реализма в искусстве.

Г. Джагаров призвал своих коллег учиться у советской литературы, у таких ее писателей, как М. Горький и В. Маяковский, М. Шолохов и А. Фадеев, Л. Леонов и А. Твардовский, таких, как М. Стельмах, О. Гончар, Э. Межелайтис, Р. Гамзатов, Ч. Айтматов. Наша убежденность в том, что советская литература передовая и является для нас примером — не только выражение наших личных чувств и советскому народу, дань признательности за освобождение Болгарии, за помощь в строительстве социализма, которое было бы невозможным без советского народа. Социалистическая литература Страны Советов, выросшая на идеях Октябрьской революции, открыла и показала нового человека, конфликты, не известные до тех пор в художественной литературе. Она накопила исключительно богатый опыт, который помогает всем писателям, пользующимся методом социалистического реализма, всем прогрессивным художникам мира. «Именно поэтому мы любим и ценим советскую литературу и воспринимаем ее традиции как свои собственные».

Доклад и развернувшиеся прения, в которых выступили многие видные художники слова, продемонстрировали высокий идейный уровень болгарской литературы, ее наступательный дух, единство с народом, ее роль в воспитании нового человека.

ВСТРЕЧА С Ф. Д. Р.

Профессор Н. Н. ЯКОВЛЕВ

В МИНУВШЕМ году исполнилось двадцать пять лет со дня победы Объединенных Наций над державами фашистской «оси». И в том же году прошло четверть века со времени смерти президента США Франклина Д. Рузвельта.

Ф. Рузвельт, или, как, по принятой в США манере, сокращают его имя, ФДР, был единственным человеком в американской истории, занимавшим Белый дом больше двух сроков. Жизнь ФДР изучена и расписана буквально по дням во многих десятках биографий, а будущее сулит еще немало открытий.

Что означает рузвельтовское наследие для нашего времени, как оценивать сегодня мотивы покойного президента, сотрудничавшего с Советским Союзом в тяжкие 1941—1945 гг., что возможно и невозможно в американо-советских отношениях?

Вышедшая в США книга профессора Д. Барнса «Рузвельт, солдат свободы», посвященная ФДР в 1940—1945 гг., знакомит с новой американской интерпретацией всех этих вопросов. Профессионально написанное, отвечающее академическим критериям исследование Д. Барнса — повод для большого разговора.

Выпускник колледжа Уильямса, молодой Барнс в 1939 году поставил себе цель — написать биографию президента. С тех пор, хотя и отвлекаясь на другие темы, Барнс упорно исследовал избранную им проблему. В 1956 году увидела свет его книга «Рузвельт: лев и лисица», вероятно, лучшая американская однотомная политическая биография ФДР, где военные годы были даны только эскизно. В новой книге Барнс сосредоточил внимание на этом периоде жизни ФДР, написав работу, занявшую более семисот страниц убористой печати. Итак, перед нами своего рода дело жизни способного и компетентного профессора, принадлежащего к элите американских историков.

ПРИВЕСТИ деятельность Франклина Д. Рузвельта в военные годы к единому знаменателю весьма нелегко. Автор отважно схватился с проблемой, предложив поверить добытому им выводу:

«Рузвельт как военный лидер был глубоко противоречивым человеком, разрывавшимся между принципами, идеалами, верой... и... реальной политикой, осмотрительностью, узкими, достижимыми целями, человеком, всегда повисполненным решимости оберегать свою власть и авторитет в мире изменчивых настроений и капризной судьбы. Этот дуализм разрывал не только Рузвельта, но и его советников... И он разрывал весь американский народ, колебавшийся между евангелистским умонастроением идеализма, сентиментализма и утопии, с одной стороны, и старыми традициями национального эгоизма защиты своих интересов и осмотрительности, — с другой».

Такая постановка вопроса, бесспорно, удобна для исследователя, ибо она позволяет без больших хлопот объяснить трудно-объяснимое субъективными факторами. Поэтому, воздав должное мудрой профессиональной осмотрительности автора, следует все же отметить, что указанный «дуализм» коренился не в духовной сфере, а отражал вполне осязаемый фактор — разрыв между намерениями и реальными возможностями США в военные годы.

С какой бы точки зрения ни подходить к истории 1941—1945 годов, исходный пункт анализа ясен — вторая мировая война была коалиционной с обеих сторон, а Соединенные Штаты составляли лишь часть мощи лагеря противников держав «оси». Политические возможности Вашингтона были производными от вклада, который США сочли нужным сделать в войну; в этих самоустановленных жестких рамках и трудился Ф. Рузвельт. Что касается военной дипломатии участников антигитлеровской коалиции, то она фиксировала за столом переговоров завоеванное оружием на полях сражений. Если данное государство, каким были США, высшей мудростью почитало экономию своих ресурсов, придерживало их, надеясь выйти из войны сильнейшей державой мира, а в конечном итоге не получило того, на что рассчитывало, — все это закономерно.

Большая стратегия Соединенных Штатов в годы второй мировой войны была в решающей степени личной политикой ФДР, какие бы коррективы ни делать, оглядываясь на реакционные или прогрессивные силы. Он был истинным воплощением «сильного президента», никогда ни с кем не делил власть и даже не помышлял делегировать ее кому-либо.

Барнс начинает изложение с тяжелой осени 1940 года, когда агрессоры создали смертельную угрозу всему человечеству, включая Соединенные Штаты. Весна 1941 года принесла новые ужасы — гитлеровскую оккупацию Балкан, все новые поражения Англии. На Лондона Черчилль 4 мая 1941 года заклинал Рузвельта: «Единственное, что может спасти положение, — это немедленное присоединение к нам Соединенных Штатов в качестве воюющей державы». Командование вооруженных сил США, рассматривавшее Англию как первую линию американской обороны, стояло за решительные действия, не считаясь с риском вовлечения в войну. ФДР, однако, бездействовал. Он, утверждает Барнс, «прежде всего полагался на удачу, на свое давно испытанное качество выбирать надлежащий момент и на судьбы войны. У него не было никаких планов». Это значительное упрощение — президент ожидал нападения Германии на СССР.

Ненависть Рузвельта к фашистским диктаторам, как и к порядкам, насаждавшимся ими, несомненна, как не вызывает сомнения и то, что, в соответствии с давними американскими традициями, ФДР питал надежду сокрушить державы «оси» и защитить мировую цивилизацию и интересы США руками других народов. По этой веской причине после 22 июня 1941 года он заявил о том, что Соединенные Штаты поддержат советский народ, поднявшийся на Великую Отечественную войну.

«Но, конечно, — подчеркивает Барнс, — он вовсе не стоял за то, чтобы бить в набат, созывая великую коалицию против фашизма, и даже не выступил за широкую помощь России». В неделю, последовавшую за началом Великой Отечественной войны советского народа, ФДР пришлось трудно. Командование вооруженных сил США, влиятельные чины кабинета (Стимсон, Нокс, Моргентау, Икес) крайне пессимистически оценивали способность СССР к сопротивлению. Они предрекали скорую, неизбежную победу вермахта, требуя от президента воспользоваться временем, пока гитлеровские армии заняты Восточной кампанией, и без промедления нанести удар по Германии. ФДР, веривший в силы советского народа, отклонил все эти предложения.

Президент не видел необходимости вовлекать США в войну в Европе уже по той причине, что на Дальнем Востоке и на Тихом океане сгущалась новая военная гроза — Япония завершала приготовления к агрессии. Суть дипломатического маневрирования ФДР во второй половине 1941 года заключалась в том, чтобы не допустить японо-американской схватки. ФДР надеялся, что японская агрессия обойдет американские владения. Тогда был бы достигнут оптимальный вариант американской политики — весь мир оказался бы в войне, а США, заняв твердую позицию противника держав «оси», сами определили бы для себя момент, когда следует поднять оружие. Пирл-Харбор разрушил до основания весь замысел ФДР.

Автор практически игнорировал военную историографию, подменив ее собственными рассуждениями касательно личных мотивов Рузвельта. Очень земные планы президента он перевел в плоскость моральных сентенций, дав такое объяснение его действий в канун войны:

«Рузвельт следовал среднему курсу между сторонниками прямого вмешательства и теми, кто хотел еще выждать. Он обещал удержать Америку вне войны и в то же время осудил нацизм как тотальную угрозу своей стране. Он называл гитлеризм бесчеловечным, беспощадным, варварским, пиратским, безбожным, языческим, аверским, тиранческим, стремившимся тоталь но к господству в мире. Он дал последнее предупреждение, указав: если Гитлер победит в Европе, американцы будут вынуждены вести войну на собственной земле, «столь же авиадарую и разрушительную, как бушует ныне на русском фронте»... Он, по-видимому, ничего больше не мог сказать и, вероятно, почти ничего не мог больше сделать... Он утратил инициативу и мог только ожидать разворотки событий».

Боевое сотрудничество США — СССР в 1941 — 1945 гг. было вызвано к жизни необходимостью разбить и уничтожить общего врага. Книга удовлетворит самого взыскательного читателя тем, как в ней показано значение вооруженной борьбы советского народа для хода и результата второй мировой войны. У автора нет сомнений, что советско-германский фронт был основным. Из книги также видно, что западные союзники умышленно не брали на себя соответствующего военного бремени, выжидая истощения Германии в войне против СССР. Конечная оценка Барнсом политических последствий затяжки Рузвельтом и Черчиллем открытия «второго фронта» категорична и обнаруживает большую трезвость исследователя.

«Спустя двадцать лет после окончания второй мировой войны историки все еще горячо спорят по поводу того, как и когда началась «холодная война»... Вероятно, основным, решающим фактором был разрыв между обещаниями и реальностью, который неуклонно расширялся в 1942—1943 годах. Оттяжка открытия «второго фронта» больше чем что-нибудь другое возбудила гнев Советов. Поскольку англо-американцы планировали высадиться во Франции лишь тогда, когда победа склонялась либо на сторону Германии, либо на сторону России (операция «Следжхэммер»), — разве это не доказывало; что Запад, невзирая на все его опровержения, проводил стратегию, рассчитанную на то, чтобы Германия и Советский Союз обескровили друг друга до смерти?».

В этой страшной войне основная ударная сила держав «оси» — Германия — была разбита Советскими Вооруженными Силами. Данные о людских потерях в 1941—1945 годах красноречиво свидетельствуют о решающей роли советско-германского фронта.

В ходе Великой Отечественной войны советский народ потерял 20 млн. жизней. США потеряли на всех фронтах убитыми и умершими от ран 400 тыс. человек; на пятьдесят погибших советских людей приходился только один убитый американец. Война обошлась СССР в 485 млрд. долларов, США — в 330 млрд. долларов.

На исходе войны, уверяет Барнс, Рузвельт стал все чаще задумываться над проблемами послевоенного мира, краеугольным камнем которого он считал американо-советское сотрудничество. Автор приводит известный диалог Рузвельта с министром финансов Моргентау:

«Есть две категории людей, — сказал Моргентау, — одни — типа Идена, верящие, что мы должны сотрудничать с русскими и доверять России; но существуют и направления мышления, которое иллюстрируется замечанием Черчилля: «Что у нас будет между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?» «Прекрасно сказано, — ответил Рузвельт, — Я принадлежу к людям типа Идена».

По возвращении из Ялты Рузвельта в Белый дом явился заместитель государственного секретаря А. Берли, известный сторонник «жесткого курса» в отношении СССР. Увидев его, президент, воздев руки, воскликнул: «Я не говорил, Адольф, что достигнутое прекрасно, я говорю, что сделал все, что мог!» Да, Рузвельт был реалистом и понимал, что иной путь, кроме сотрудничества с СССР, невозможен. Известие, что в годы второй мировой войны в Вашингтоне было немало деятелей, размышлявших о возможности конфликта с СССР, а иные отчаянные головы предлагали придерживаться твердой линии в отношениях с Советским Союзом. Любая политика, знал и учил постоянно обучавшийся сам президент, — это искусство возможного. Политические прожектеры строили воздушные замки, ФДР опирался на компетентные оценки американского комитета начальников штабов. По крайней мере с августа 1943 года начальники штабов стали представлять правительству рекомендации, в которых подчеркивали, что исполинские победы Советских Вооруженных Сил круто меняют соотношение сил в мире.

1 августа 1944 года в очередных рекомендациях комитет начальников штабов призывал к величайшей осмотрительности в отношениях с СССР, указывая:

«После успешного завершения войны против наших нынешних врагов в мире произойдут изменения в относительной военной мощи, которые можно сопоставить за последние 1 500 лет только с падением Рима. Это — решающий фактор для будущих политических решений и всех обсуждений политических вопросов... После разгрома Японии только СССР и США останутся первоклассными военными державами. Хотя США могут перебросить свои военные силы во многие районы мира, тем не менее очевидно, что сила и географическое положение этих двух держав исключают возможность военного поражения одной от другой, даже если и данной стороне присоединится Британская империя».

Эти рекомендации, подтвержденные накануне Ялтинской конференции, и другие аналогичные документы дают ключ к пониманию мотивов сотрудничества США с Советским Союзом на заключительном этапе войны. К сожалению, все эти материалы оказались вне поля зрения Барнса, предпочитающего объяснять действия Рузвельта моральными категориями, а не реальным соотношением сил в лагере Объединенных Наций.

Профессор Джеймс М. Барнс, безусловно, серьезный ученый. Научный поиск приводил его и в нашу страну, где Барнс в дискуссиях с советскими историками и американистами пытался уяснить их точку зрения на исследуемые им проблемы.

Беседа обычно вращалась вокруг зияющего разрыва между словами и делами. Труд Барнса убеждает, что это действительно волнует автора. Главный вывод книги в этом отношении заслуживает самого пристального внимания: «С неистребимым оптимизмом Рузвельт полагал, что он может одновременно добиться двух целей — осуществить глобальные идеалы и задачи национальной реальной политики. Так, он пытался добиться дружбы и доверия СССР и в то же время спасал жизни американцев, согласившись на отсрочку вторжения в Европу, допустив тем самым, чтобы Красная Армия истекала кровью. «Я мечтатель, но в то же время я крайний прагматик», — писал Рузвельт Смэтсу во время войны. ...Чем больше Рузвельт декларировал свои возвышенные цели, а действовал ограниченными средствами, тем сильнее он отражал и поощрял давнюю традицию американской демократии — воздавать хвалу господу, держа порох сухим... Это не только привело к разочарованию и цинизму в США, но уже в годы второй мировой войны посеяло семена холодной войны, ибо Кремль смог сопоставить риторику Рузвельта в пользу коалиции с его предпочтением стратегии «Атлантика прежде всего».

Приходится вновь констатировать, что автор несколько несправедлив к ФДР. Его действия определялись не столько добрыми или дурными помыслами, сколько практическим реализмом — возможным и невозможным в политике. Сентиментальные рассуждения в этой связи определенно излишни. Рузвельт был человеком своего времени и поступал так, как велело ему понимание роли США в мире.

Франклин Д. Рузвельт принадлежит прошлому, но лучшее в его наследии — совместное достояние американского и советского народов. Перед ним действительно стояли кое-какие «альтернативы», но он избрал сотрудничество с Советским Союзом, не упуская, конечно, ни на минуту из вида американские интересы. В наши дни книга Д. Барнса, напоминающая о военных годах, очень актуальна. В ней говорится о человеке, сумевшем поставить достижение общей цели США и СССР выше ложно понятых иных соображений. Коротко говоря, это довольно трезвое практическое наставление о том, как жить и работать американскому политику в современном мире.

ПУТЕШЕСТВИЯ НА КРАЙ СЛОВА

И. МЛЕЧИНА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ТРИ ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ РОМАНА

НОВАЯ БИОГРАФИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА

—СЕГОДНЯШНЮЮ нашу ситуацию я назвал бы антипоэтической, — эти слова я услышала в Дармштадте от известного поэта Карла Кролова, вице-президента Академии языка и литературы. — В шестидесятые годы в ФРГ все больше росли антилитературные настроения, укоренялось недружелюбное отношение к писателям. Литература стоит сегодня очень низко на шкале ценностей, писателя считают лишним человеком. Поэтам же, по-моему, хуже всего: их все меньше уважает общество и они все меньше уважают самих себя. Поэзия становится все менее значимой, ее высмеивают, ей не доверяют...

Аналогичные высказывания мне не раз приходилось слышать и от других западногерманских писателей. В последние годы споры вокруг тезиса о «гибели литературы» достигли в ФРГ высокого накала. Нужна ли еще литература? На этот вопрос многие писатели, особенно молодые, принадлежащие к «новым левым», склонны отвечать сегодня — самый читаемый, хотя и самый оспариваемый жанр литературы. И с таким же упорством, с каким писатели говорят о невозможности писать романы (и пишут их), издатели украшают суперобложки издаваемых ими прозаических сочинений все тем же старым словом «роман».

МОНТАЖ ИЗ ЦИТАТ

Среди примеченных критикой и самых дискутируемых произведений нынешнего литературного сезона видное место занимает роман известного теоретика и практика «экспериментальной» литературы Хельмута Хайсенбюттеля «Конец Д'Аламбера». Роман состоит из цитат — подлинных, измененных, искаженных. Здесь цитаты из Дидро, Гёте, Маркса, Ибсена, Фрейда, самого Хайсенбюттеля и т. д. Роман открывается иронически перефразированным началом «Избирательного сродства» Гёте; барон Эдуард превращается в Эдуарда-редактора (на радио),

В поезде Эдуард встречает коллегу с гамбургского телевидения — Оттилию Вильдермут. Потом он посещает ее братьев, также редакторов. Вечером в доме критика Д'Аламбера встречаются девять интеллигентов — Эдуард, писатель доктор Понзон, художник, два журналиста, знаменитый критик по прозвищу Черепаха и другие. Передаются обрывки их разговоров — о ситуации в литературе и искусстве, о студенческом движении, о социологии, о сексе и порнографии; обыгрываются различные эпизоды сегодняшней культурной жизни ФРГ, упоминаются имена реальных западногерманских писателей, художников, журналистов; фрагменты чьих-то высказываний и суждений перемежаются отрывками из книг, безостановочным, «джойсовским» внутренним монологом. Ни одного из участников беседы нельзя отождествить с какой-то определенной точкой зрения — все по очереди говорят одно и то же. В ткань романа вмонтированы разнообразные элементы, вроде «топографического» описания Гамбурга с названиями и перечислениями улиц, станций подземки и ресторанов; рядом — экскурсы в историю, цитаты из газет, ссылки на кинопрограммы и т. д.

Этот гигантский набор цитат, смонтированных искусной рукой профессионала, должен передать хаотическую разноголосицу интеллектуальных воззрений в западном «обществе потребления». Налицо пародийный замысел — предметом иронии становится поклонение моде в интеллектуальных салонах, клишированные обороты речи, употребляемые средствами массовой информации и рекламой.

Сатирическое изображение современной «культурной индустрии» занимает важнейшее место и в некоторых других произведениях западногерманской литературы, например в романе Пауля Шаллюка «Дон Кихот из Кёльна» или в «Едиороге» Мартина Вальзера. Но у них эти проблемы оказываются соотнесенными с актуальными вопросами сегодняшнего политического и общественного бытия в ФРГ. У Хайсенбюттеля передача штампованного интеллектуалистского жаргона, обыгрывание пустопорожних «дискуссионных» идеек становится формальным средством языкового «самовыражения».

Хельмут Хайсенбюттель демонстрирует не только разрушение жанра романа, но и разрушение самой реальности в ткани романа — подлинная действительность не вмещается в цитаты, улетучивается под напором «инвентаризуемого словесного материала».

Для Хайсенбюттеля, как и многих его коллег, характерно «тотальное сомнение» во всем, что касается дел и мыслей их героев: никто не может знать ничего о других. Характеры в романе не исследуются, они «самовыражаются» через язык. «Синтетическая аутентичность», к которой стремится Хайсенбюттель, есть не что иное, как попытка заменить сложные реальные взаимосвязи новыми синтаксическими формами.

— Сейчас предметом литературы становится язык, — сказал во время нашей беседы в Штутгарте Хельмут Хайсенбюттель. — Я не могу воссоздать в языке человека. Если даже я и попытаюсь описать его как модель, то не смогу этого сделать. Я регистрирую только свой опыт, я не могу использовать язык для того, чтобы изображать других. Разгадать человека, как и окружающую реальность, трудно, невозможно. Поэтому все в «Конце Д'Аламбера» и составлено из цитат.

«СТРУКТУРЫ» ВМЕСТО ЖИЗНИ

Стремление заменить реальность языковыми структурами ведет к тому, что человек перестает быть объектом интереса художника.

Если у Хайсенбюттеля личность растворяется в языковом «коллаже», то в романе Томаса Бернхарда «Известковый карьер» изображается процесс полного распада личности, ее интеллектуальной и духовной гибели. Этот роман, как и «Конец Д'Аламбера», принадлежит к числу самых заметных произведений сезона. Томас Бернхард, которого многие западногерманские критики считают сегодня лучшим прозаиком ФРГ, в минувшем году удостоен премии имени Бюхнера — наиболее почетной среди западногерманских литературных премий.

Герой романа Конрад живет в крайней изоляции от общества, от людей. Двадцать лет, спрятавшись на заброшенном известковом карьере, он работает над монументальным эссе о человеческом слухе. Его дом, отгороженный от мира глухой изгородью, становится тюрьмой, каторгой для него и его жены. Болезненная погруженность в себя, нарушенное представление о действительном приводят к тому, что интеллигент превращается в безумца и совершает преступление: убивает свою парализованную жену. Полиция находит его полузамерзшим в навозной яме. Факт убийства, арест и предстоящее водворение героя в тюрьму или в сумасшедший дом — вот исходный пункт романа. Дальше в крайне зашифрованной форме раскрывается нечто вроде предыстории убийства.

Герои романа и вся описанная в нем ситуация словно взяты из пьес Беккета: парализованная, глохнущая женщина, слепнущий мужчина; они говорят «друг мимо друга», ненавидят один другого, пока ненависть не выливается в преступление. Персонажи всех книг Бернхарда — психически неполноценные, одержимые или убийцы. Эта настойчиво возникающая в его книгах картина безумного, деформированного мира заключает в себе элемент протеста современной литературы против навязываемого рекламой представления о мире цельном, безоблачном и счастливом. Одинокий, находящийся на грани помешательства индивидуум — как бы оборотная сторона сверкающей рекламной медали, которая тщится изобразить человека в «обществе потребления» как образец духовного и физического благополучия.

Однако сам роман, как и его герой, полностью оторгнут от реальности. Он передает «экзистенциальный» страх, ощущение приближающейся катастрофы, срыва, отчаяния — апофеоз одиночества и мизантропии. Все живое здесь высушено, краски жизни погашены. Роман абсолютно статичен. Передается лишь процесс прогрессирующей изоляции от всего, что связано с реальной жизнью. Все это воспроизводится через косвенные свидетельства, в форме ссылок на безликих, почти анонимных свидетелей: рассказчик, некий страховой агент, излагает то, что ему довелось услышать о Конраде от других, так и не появляющихся в романе лиц. «Сначала Конрад якобы сказал своей жене, говорит Визер, что они должны были бы обезопасить себя от внешнего мира, от которого они наконец-то избавились». Или: «То, что я его жена прятала за своим инвалидным креслом оружие, как Конрад примерно год назад сказал Визеру, подтверждает Фро». Отрешенность от действительности существует уже в самой структуре фразы с ее многоступенчатостью ссылок на чьи-то мнения — длинные, завязанные в узлы «синтаксические единицы», в которых любая незначительная деталь еще раскладывается на микроэлементы, повторяющиеся и варьирующиеся.

ЛИТЕРАТУРА ИЛИ «ПИРОТЕХНИКА»?

В отличие от сухого, лишенного красок произведения Бернхарда, роман «Мамма» Эрнста Аугустина полон затейливых эпизодов и невероятных приключений. Рекламируя роман, издательство «Зуркамп-ферлаг» во Франкфурте-на-Майне опубликовало следующий текст: «Осторожно: действие. Внимание: здесь снова рассказывают».

Эрнст Аугустин действительно умеет и любит рассказывать. Как и в прежних своих романах «Голова» и «Купальня», он обнаруживает в новом сочинении острый дар наблюдательности, остроумие, склонность к выдумке, гротеску, сатирическому преувеличению, умение сочно изобразить детали внешнего мира. Но и он подчиняет свою эпическую изобретательность призрачным, далеким от реальности целям, демонстрируя своеобразный культ незначительного.

«Мамма» — гротескный «архитип» — наставница и соблазнительница своих трех сыновей, она же «Железная дева», которая в железном объятии убивает их, чтобы через пару столетий возместить потерю и снова родить тройню. Бесполезно искать в романе тайный философский смысл, параболу о вечном течении жизни и неизбежности смерти. Гротескная история рассказывается ради внешнего эффекта. Здесь нет и намека на философское обобщение — как нет его в истории трех сыновей, из которой, собственно, и складывается роман.

В центре — три судьбы: Кулле становится генералом, Станн — коммерсантом, Бефхен — врачом. Кулле подробно описывает, как он родился, хорошо помнит все интимные подробности этого события. Он совершает блистательную карьеру — от хитрого, все подмечающего эмбриона до разукрашенного наградами вояки.

Став генералом, Кулле испытывает непреодолимый страх, что «Мамма» сядет на него и задушит, но в этот момент читатель узнает, что мемуары генерала, из которых состоит первая часть романа, — всего лишь «предвосхищение» будущего, ибо «Мамма» как раз собирается родить второго сына — будущего коммерсанта все из той же тройни. И пока перед зрителем развертывается история Станн, проделавшего путь от юного сутенера до преуспевающего купца, «Мамма» производит на свет третьего — Бефхена, будущего врача, который в конце своей карьеры оперирует «Мамму» и вместо искомого аппендикса обнаруживает в ее чреве ту самую тройню, к которой принадлежит и он сам.

Военные маневры, описываемые в первой главе, заставляют думать о периоде, предшествовавшем первой мировой войне, приказ о мобилизации, изданный бундесвером, — о времени после второй мировой. Фантасмагорические перемещения героев во времени и пространстве, прошлое, настоящее, будущее — все смешалось в пестрое разностильное «ничто».

По словам одного западногерманского критика, Аугустин занимается «пиротехникой», свой «эпический талант он растрачивает на фейерверк». Его книга — «это шипящее, брызжущее, изящное безобразие». Виртуозность отдельных эпизодов лишь подчеркивает бесцельность целого, блистательная выдумка и безграничная фантазия оказываются самоцелью. Анекдотические эпизоды, набегая один на другой, не спаяны смыслом, отсутствие отбора обесценивает деталь, лишает затейливо сконструированное произведение значимости.

О тех потерях, с которыми связано стремление к чисто формальному обновлению, сегодня говорят и пишут многие западногерманские литераторы. «Образ человека как познанная реальность или как фикция вообще исчезает со сцены, — отмечает критик Жан Амери в швейцарском еженедельнике «Вельтвохе». — Человек казнен этой литературой. Сцена становится безжизненной. Пришенная человека действительность... обнажает свою пустоту».

Эксперимент, рождающийся ради эксперимента, этакое путешествие на край слова, превращается в солипсическое наслаждение. Голый формализм, которому придается программный характер, «набавляет» литературу от ее важнейшей функции — выражать человеческий, общественный опыт.

ПОДРАЖАНИЯ

Мих. ХЛЕБНИКОВ

И вновь мечтает пылкая душа
Узреть дороги протяженность
ЛИЦИНИЙ

...У поэта должна быть такая жена...
Ах, какая должна быть жена у поэта!
Леонид ТЕМИН

Мариэтте ШАГИНЯН

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЗАГРАНИЦЕ

Впервые я посетила Англию по приглашению Шекспира. Помню наш долгий спор о Саре Бернар и Юрии Никулине. Много воды утекло с тех пор, и недавно я вновь побывала в Англии. Вильяма, к сожалению, уже не было. Меня встретил его прапрапраправнук известный химик-органик. На своем органе он играл для меня Баха. А потом там же, в лаборатории, среди колб и пробирок, мы много говорили о полифонизме и мотоциклизме, о фугах и центрифугах, о валентности и интеллигентности. Из Англии я поехала во Францию. Друзья повели меня в атомный реактор. Вот где действительно интересно! Атомы и электроны, позитроны и нейлоны быстро проносятся мимо меня. Из Франции я переехала в Италию. Потом поехала в Голландию. Голландцы живут по старинке. При игре в шашки берут за фук. Берут они и на чай, но не больше 10 процентов.

Интересно, что когда Гегелю рассказывали о Голландии, то великий философ всегда спрашивал: «Was ist das?» — «Что есть это?» (привожу по старому, более точному переводу под редакцией Б. Крекетова, том II, Санкт-Петербург, 1865, стр. 27). Бедный Николай Васильевич так и не побывал в Голландии. Моя книга подходит к концу. Сейчас я изучаю японский язык и скоро расскажу вам о политехническом обучении на новой Гвинее.

Мих. РАСКАТОВ

Л. ТЕМИНУ

Я давно поверяю
приятельский круг,
А коллеги разводятся,
женятся снова...

Такая жена

Я давно поверяю
приятельский круг.
Как изменчива, право,
людская природа:
Этот только женился —
разводится вдруг,
А вот этот пока не созрел
для развода.
Все понятно, все просто —
причина одна,
И другой не ищите,
товарищи, — нету.
У поэта
должна быть такая жена...
Только где ее взять,
извините, поэту!
Нет, а подобном вопросе
на рубят сплеча,
Тут проверить бы надо
раз двести и триста.
Пусть любая жена
может быть у врача
И любая жена
может быть у юриста,
У поэта должна быть
другая жена
(Как, к примеру, при езде —
другая диета),
Чтоб стихи ее поэта
писала она —
Вот какая должна быть
жена у поэта!

Андрей КУЧАЕВ

ПИВО НЕ СЧИТАЕТСЯ

Куланов и Паничев на дачной веранде подсчитывали убытки за вчерашний день.

— Значит, так, — Паничев загнул палец. — Бутылка портвейна в столовке за обедом.

— И два пива, — поправил Куланов, закурил и бросил спичку на пол.

На полу от спички понемногу занялся коврик.

— Пиво не считается,— отмахнулся Паничев. — Перцовки бутылка в стеклянке! — он загнул второй палец.

Коврик разгорался вовсю, пламя подобралось и занавеске.

— И одно пиво, — вставил Куланов.

— Пиво не считается,— поморщился Паничев. — Бутылка ванильного ликера и четвертинка «Кубанской», — он загнул еще один палец и начал загибать следующий. — А четвертинку нам считать?

— Четвертинку считай за шесть пива, — посоветовал Куланов.

— А пиво не считается, — обрадовался Паничев и разогнул палец.

Загорелась занавеска, на веранде стало дымно.

— Открой окно, дымно, — сказал Паничев. — А что было потом? Ага, потом было «Бренди» ноль семь, — он загнул очередной палец.

— Не ноль семь, а ноль шестьдесят шесть, — сказал Куланов, отмахиваясь окно. — И пива по три кружки.

— Пиво не считается! Две бутылки вишневки, — Паничев загнул все пальцы на правой руке. — Что еще? Все правильно?

На веранде стало нечем дышать, пламя бушевало вовсю.

— Пошли в комнату,— сказал Паничев. — Тут угарно. Что еще было, вспомни!

— «Муската» две бутылки, — сказал Куланов. — И бутылка пива.

— Пиво не считается, — помотал головой Паничев.

Пламя ворвалось в комнату, стало жарко.

— Пошли в погреб, — сказал Паничев. — Душно. А что было потом? Ага, бутылка «Гамзы» и бутылка «Плиски», — Паничев загнул все пальцы и на левой руке.

— Шпарим отсюда, — сказал Паничев. — тут задохнешься! Я точно помню: все!

Друзья выскочили на улицу. Крыша дачи прогорела и рухнула.

— Ну и сколько всего получается? — спросил Паничев.

— Выходит около тридцати, — сказал Куланов. — Там что с тебя пятнадцать.

— Чего-то ты не так считаешь, больше мы просадили.

— Это без пива. Ты же сам сказал: пиво не считается.

Паничев задумчиво плюнул в тлеющие угли:

— Не считается, не считается, а смотри-на ты, начладно все же выходит на поверку...

ФРАЗЫ

● *Внутренне каждый из нас прав.*
М. КОЧЕРЫГИН
ОДЕССА

● *Даже очень содержательный человек процентов на 80 состоит из воды.*
А. БУРМЕЕВ
ДУШАНБЕ

● *Высшее, дважды законченное и трижды забытое образование.*
Л. КАМИНСКИЙ

● *Отбился от стада. Пришлось стать человеком.*
Ю. СКРЫЛЕВ

● *Долг, к сожалению, платежом красен.*
В. ВЛАДИН

● *Пользоваться избитыми фразами можно только из жалости к ним.*

● *И самородки не сами рождаются.*

● *Некоторые поднимают забрало, чтоб попросить пощады.*
М. ГЕНИН

● *Меняю необитаемый остров на равноценный в любом районе.*

● *Кто смеется последним? Я за вами!*
Юрий ВАЗЫЛЕВ
ПЕНЗА

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

● ДОЛОП СУЕВЕРИЯ!

Петя плохо учился, и родители говорили ему: «Вырастешь — будешь поросят пасти!» Предсказание не сбылось. Сейчас П. П. Глуховин — директор школы.

● ОТКРЫТИЯ

Историки установили, что свою знаменитую фразу «Молодость должна перебеситься» маркиз де Бош произнес не в 80 лет, как считалось ранее, а в 16.

● ДЛЯ ВАС, ЛЮБИТЕЛИ

Серокозлинский завод спортинвентаря начал выпускать домино со светящимися метками. Теперь ночная тьма отступит перед поклонниками этого замечательного вида спорта.

● ТУРИСТСКАЯ ПРИМЕТА

Если в фонтан у Большого театра бросить 20 копеек, то у вас будет на 20 копеек меньше.

● О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ

Альберт Зюкин, прораб СМУ, вчера вечером был хорош.

● СТАРАЯ ИСТИНА

В одном учреждении пропала крупная сумма денег. Привезенная на место происшествия служебно-розыскная собака след не взяла. Что ж! Деньги не пахнут.

РАССКАЗ

Борис ЛАСКИН

НОВОСЕЛЬЕ

НА ЗАРЕ человечества все люди ходили пешком. Со временем была изобретена такая круглая штука, которая получила наименование «колесо».

С этого колеса и началось. На земле появились средства личного и общественного транспорта. В частности — автомобили.

Автомобиль стал могучей движущей силой. Он помог человеку и возвеличил его.

Это и многое другое поведал нам Егор Иванович Ф.

Я не называю фамилии этого товарища. Егор Иванович — скромный человек. Если бы я назвал его фамилию, то Егора Ивановича, безусловно, начали бы осаждать очень многие с просьбой сотворить и для них нечто подобное.

Перед тем как начать рассказ, спешу сообщить, что у молодых супругов, о которых пойдет речь, все в полном порядке и они досрочно отпраздновали новоселье.

Ну, а теперь больше не буду отвлекаться и расскажу, как было дело.

Этим летом в городском Дворце бракосочетаний сочеталась симпатичная молодая пара. Жених Анатолий — мастер часового завода, а невеста его Мария — модельерша швейной фабрики, к слову сказать, красивая девчонка.

Пришло время, всех пригласили в зал. Радио исполняет «Свадебный марш» композитора Мендельсона.

Совершилось все как положено — молодые поцеловались и местный фоторепортер запечатлел этот момент для истории.

Вышли все из подъезда, а там уже машины дожидаются — их специально на автобазе заказали для такого торжественного случая.

В первую машину сели Анатолий с Марией, кое-кто из знакомых, и в том числе Егор Иванович. К слову говоря, Егор Иванович и отец Анатолия — старые приятели, вместе воевали, а сейчас оба на пенсии.

Только этот автопоезд свадебный двинулся, три «Волги» с родней и друзьями вперед ушли, домой, готовиться к встрече.

А машина с молодоженами следует своим курсом.

И в этой машине, между прочим, происходит такой разговор.

Анатолий говорит:

— Представляешь, Маша, если бы дом был готов, мы бы сейчас не к родителям, а прямо к себе в отдельную квартиру!..

Мария говорит:

— Мечты, мечты, где ваша сладость...

А один парень по имени Володя говорит:

— Дом-то ведь обещали сдать к марту.

Анатолий говорит:

— А потом — к маю.

Егор Иванович спрашивает:

— Это какой же дом?

Анатолий отвечает:

— Сейчас мимо проедем...

И буквально минут через пять все, кто в машине сидел, видят на небольшом удалении картину жилищного строительства. И картина эта не бодрая, а какая-то чересчур вялая.

И тогда Егор Иванович, он рядом с шофером сидел, говорит:

— Товарищ водитель, прошу вас, подрулите, пожалуйста, чуть поближе к дому и остановите машину.

Шофер выполняет эту просьбу, а Егор Иванович говорит Володе:

— У тебя блокнот есть? Достань ручку. Сейчас пойдешь со мной. Вопросов не задавай. Ты только слушай и записывай...

Сказав эти слова, Егор Иванович поправляет свою шляпу и выходит из машины, а Володя — за ним и в руках блокнот держит и ручку.

А там, на стройке, уже заметили — машина остановилась и из нее вышли два товарища: один рослый, солидный, а другой — молодой.

Егор Иванович подошел к дому, а там его уже ждут — мужчина в кепке и с ним еще двое.

Егор Иванович огляделся дом и говорит:

— Здравствуйте, товарищи строители!

Те дружно отвечают:

— Здравствуйте!

Егор Иванович спрашивает:

— Кто строит дом? Чей объект?

Тот, который в кепке, он оказался прораб, докладывает:

— СМУ сорок пять.

— Фамилия начальника?

— Колыхалов Андрей Михайлович.

Егор Иванович обернулся к Володе, тот записал. А Егор Иванович брови нахмурил и спрашивает:

— Когда дом будет предъявлен к сдаче?

Прораб снял кепку и говорит:

— В конце квартала.

Володя записал.

А Егор Иванович говорит тихо и строго:

— Передайте товарищу Колыхалову, что я лично проверю, как он держит слово.

Прораб говорит:

— Будет сделано! Разрешите продолжать работу по возведению семидесятиквартирного жилого дома?

Егор Иванович говорит:

— Возводите. Желаю успеха.

Повернулся и пошел. А Володя, перед тем как уйти, погрозил прорабу пальцем — дескать, смотрите!..

Егор Иванович с Володей еще до машины не дошли, а прораб уже в автомат кинулся звонить по начальству, потом он вернулся и стал смотреть, как Егор Иванович садится в машину рядом с шофером.

Машина взяла с места.

Она шла ходко, можно сказать, не шла, а летела.

Потому, наверное, эту машину и назвали «Чайка».

ПЕРЕВОДЫ ДЕБЕВОУРЫ

Огден НЭШ

Мой вам совет

Ах, если вы узнаете, друзья,
Что кто-то варит, будто
а самом деле
Нам
От сердечной щедрости
Свинья
Дает бекон, и сало,
и сардели,
И ножку, на ботинки
например,—
Скажите дурню:
«Вы не правы, сэр!»

Котенок

Одной заботой он живет —
О том
Чтоб сделаться в конце
концов
КОТОМ.

Ям СЕРРАЙЛИЕР

Голова садовая

Однажды садовник
Уильям Уонт
Отнес свою голову
в мелкий ремонт.

Там голову взяли
под честное слово,
Сказали: «Почистим,
заменим, что надо,
А завтра доставим
в контейнере на дом
И там присобачим вам
голову снова».

Семь лет убирает Уильям
аллеи,
Торжественно празднуя
круглые даты
И —
Честно признаться! —
Немного жалея
О том, что с ремонтом
связался когда-то.

Напрасно он голову ждет
и тоскует,
Напрасно грозит мастеров
наказать...
А вы не спешите винить
мастерскую:
Свой адрес Уильям забыл
указать.

Перевел с английского
Вадим ЛЕВИН

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Медалист

Алексей КОНДРАТЬЕВ

Получил Барбос медаль!
До чего ж собаку жаль.
Он не водит — выступает,
Он пути не уступает.
До того зазнался пес —
От своих воротит нос!

Выгнан из дому кота!
(Странный эгоист.)
Мол, компания не та,
Он-то — медалист!

Ах, такой породы!
И а его-то годы!

Эх, испортился Барбос...
А ведь был хороший пес.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ЧЕЛОВЕК

Человек был молодой, здоровый, сильный, крепкий, жизнерадостный, бодрый, энергичный, деятельный, увлекающийся, трудолюбивый, дельный, образованный, умный, остроумный, смышленый, благородный, прекрасный, хороший, добрый, честный, искренний, открытый, скромный, одухотворенный, солидный, музыкальный, экономный, бескорыстный, самоотверженный, неутомимый, общительный, гостеприимный, галантный, щедрый, свободомыслящий, благовоспитанный, порядочный, наивный, нерасчетливый, незначительный, ограниченный, глуповатый, неотесанный, мелочный, льстивый, мнительный, уродливый, злой, подлый, трусливый, жестокий, коварный, хитрый, мстительный, старый . . . . .

В. БАХЧАНЯН

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

Алексей ВЕРЕТЕННИКОВ

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

КОГДА пронесся слух о якобы предстоящем сокращении штатов, сотрудник проектного института «Гипрозабор» Кыкин насторожился: «Сократит меня Обоскалов. Как пить дать. Самая достойная кандидатура: больше некого... А мне и замечания постоянно, и инженер Стрепихеев, было дело, дураком назвал. Да уж, конечно, звезд с неба не хватаю...» Ощущая потребность посоветоваться с бывалым человеком, Кыкин постучал к соседу.

Семен Семенович Лошаков был человеком многоопытным. Его уважали даже в ЖЭКе. Выслушав Кыкина, он помолчал, многозначительно хмыкнул и сказал:

— Есть верное средство.

— Семен Семенович, век не забуду...

— Как людя настроены? — строго спросил Лошаков.

— Да ведь как? Затаились, ждут.

— А ты выступи с критикой. Критикуй начальство.

— Не дело говоришь, Семеныч, — обиделся Кыкин. — Я к тебе как к человеку за советом, а ты все смехом...

— Дело! — сказал Лошаков. — Ты пойми: нельзя им будет тебя сократить. Они тебе приказ, а ты — письмо в редакцию: «Так, мол, и так, преследуют за критику». Теперь с этим строго, не разбежишься. А тебе терять нечего, тебя все одно сократят...

...Шестой по счету оратор подхалимски закруглился:

— Со всей ответственностью я заявляю: контакт между товарищем Обоскаловым и мною был очень плодотворным!

— Мальчик или девочка? — дерзко выкрикнул Кыкин и, не дожидаясь, пока утихнет нездоровый смех, решительно встал: — Дайте я скажу! Стыдно, товарищи, слушать! В лаборатории нет дисциплины и нет порядка, сплошные перекуры да ля-ля по телефону. Из других организаций к нам дозвониться не могут, думают, мы делом занимаемся! В этом, товарищ Обоскалов, ваша прямая вина, вы разлагаете коллектив лаборатории, поощряете выпивки в рабочее время и — больно сказать — прямо на рабочих местах! О ваших «плодотворных контактах» мы тоже кое-что знаем. Не скажете ли, почему это три дня отсутствовала на работе чертежница Япончина? Но это, так сказать, ваш моральный облик. А основная наша работа, справляемся мы с ней? Нет, не справляемся! Какие заборы, товарищ Обоскалов, мы проектируем — это же стыдно признаться — без учета требований современной архитектуры, с грубейшими отклонениями от ГОСТа, искусственно завышаем стоимость проектов...

Сидя в президиуме, Обоскалов лихорадочно шарил по карманам. «Ищет валидол», — участливо подумал Кыкин. Товарищ из дирекции что-то быстро записывал. Кыкин подумал, что вот сейчас бы высказать давнюю заветную мысль, что «Гипрозабор» вообще не нужен. Но понял, что не время, сказал:

— У меня, товарищи, все.

И сел, уважая себя за мужество.

Через несколько дней Кыкина вызвали в дирекцию.

— Мне докладывали, товарищ Кыкин, о вашем выступлении, — сказал ему директор. — О непорядках в вашей лаборатории мы и раньше догадывались, а вот фактов было маловато. Спасибо. Мы тут посоветовались и решили назначить вас руководителем группы по научной организации труда. Работать будете непосредственно при дирекции. Нам нужны острые глаза и свежие идеи.

Такой поворот Кыкина озадачил. Лошаков, с которым он решил посоветоваться, ехидно прокомментировал:

— Старый ход. Они тебя переведут на эту должность, а через полгода ее сократят. И привет! Не-ет, брат Кыкин, не на тех напали. Критикуй!

...И на следующем общеинститутском собрании, где присутствовал представитель главка, Кыкин раскритиковал дирекцию.

Сейчас он трудится в главке министерства. Кыкин надеется, что сможет наконец бросить руководству главка обвинение в том, что оно содержит социально бесперспективный «Гипрозабор»...

Возможно, на собрание придет кто-нибудь из коллегии министерства и тогда...

ХРОНИКА «КЛУБА ДС»

Администрацию «Клуба ДС» пригласили в Дом кино на просмотр нового телефильма. Вообще-то администрация пока еще плохо разбирается, какая разница между телефильмом и кинофильмом. В целях просвещения она и пошла в Дом кино. Показывали телефильм «Волшебная сила искусства», сделанный «Ленфильмом». И тут администрация хлопнула себя по лбу и воскликнула: «Да, да это же экранизация рассказа Виктора Драгунского «Сила искусства», опубликованного в свое время на 16-й полосе и вызвавшего много улыбок у администрации и других товарищей!»

Говорят, 1 января этот фильм показывали по телевизору. Выходит, что это действительно телефильм. А то можно было бы сказать — кинофильм. И тоже все были бы довольны.

ЧУ-ДА-КИ

Рис. В. ШКАРВАНА (МОСКВА)

Трюк века: на приеме у бюрократа. ◆
Рис. А. КУЗНЕЦОВА (ИВАНОВО)

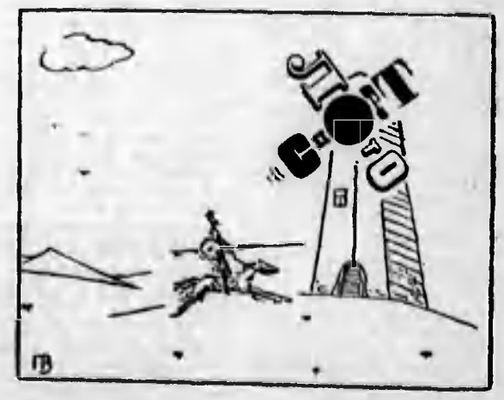

Рис. В. ПЕСКОВА

◆ Рис. А. КУЗНЕЦОВА (ИВАНОВО)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63.

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А-00008 Типография «Литературной газеты» Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Заказ 17. ИНДЕКС 60087